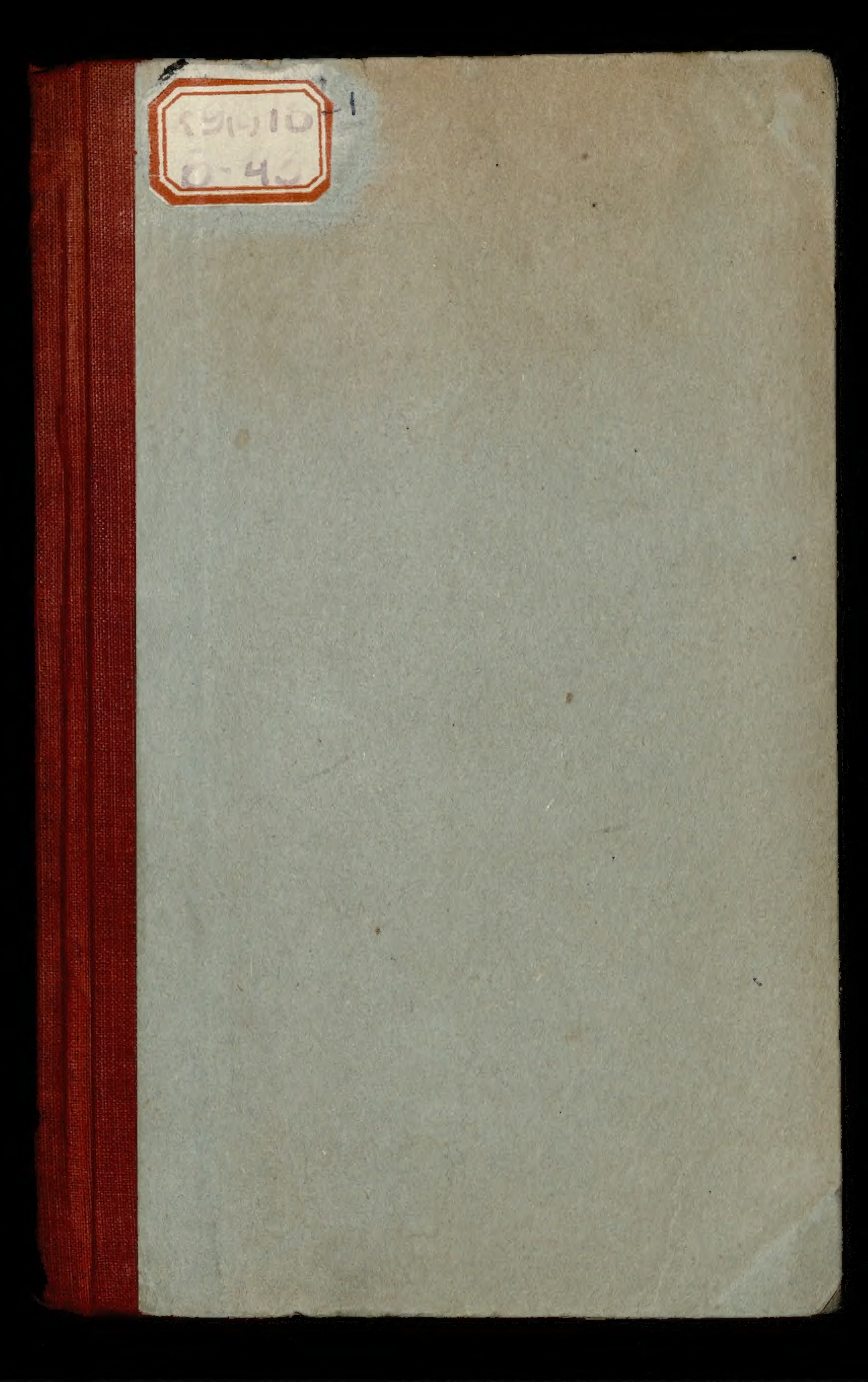
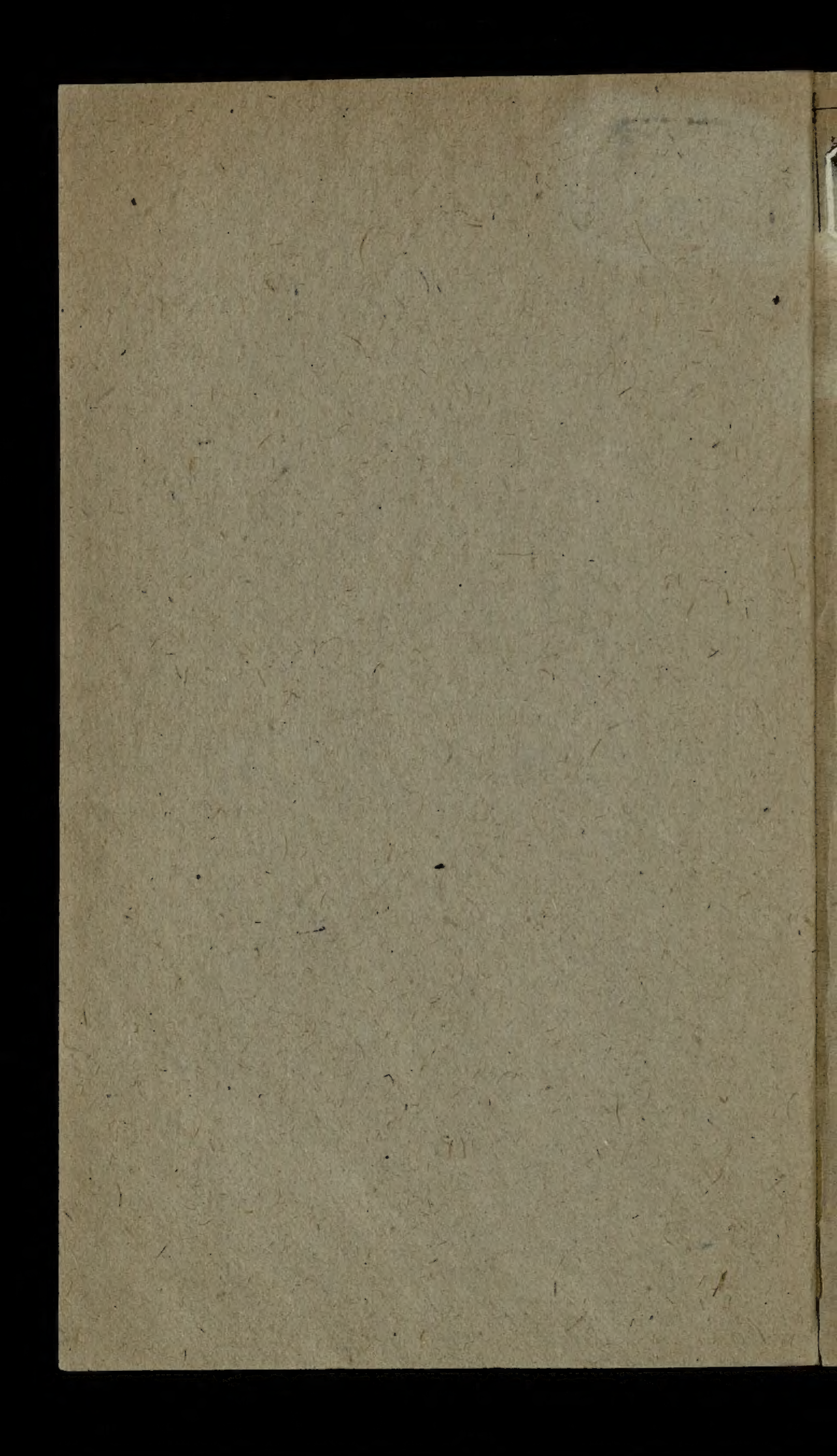

ПО ТЮРЬМАМЪ
И
ЭТАПАМЪ.

ОЧЕРКИ ТЮРЕМНОЙ ЖИЗНИ
И
путевыя замѣтки отъ Москвы до Красноярска.

И. П. БѢЛОКОНСКАГО (ПЕТРОВИЧА).

ОРЕЛЪ. 1887.
Изданіе Н. А. Семеновой.

ПО ТЮРЬМАМЪ И ЭТАПАМЪ.

ПО ТЮРЬМАМЪ

И

ЭТАПАМЪ.

ОЧЕРКИ ТЮРЕМНОЙ ЖИЗНИ

И

путевыя замѣтки отъ Москвы до Красноярска.

И. П. БѢЛОКОНСКАГО (ПЕТРОВИЧА).

ОРЕЛЪ. 1887.
Изданіе Н. А. Семеновой.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30 октября, 1886 г.

Типографія газеты „Орловскій Вѣстникъ“ (Н. А. Семеновой).
Г. Орелъ, зиновьевская ул., д. 1.

Настоящая книжка составлена изъ моихъ статей, напечатанныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и газетѣ „Сибирь“. Свѣдѣнія, сообщаемыя въ ней, есть результатъ личныхъ моихъ наблюденій и изученія, провѣренныхъ и дополненныхъ свѣдѣніями, почерпнутыми изъ болѣе или менѣе компетентныхъ сочиненій русскихъ и иностранныхъ.

При посредствѣ этой книги я стремлюсь ознакомить читателей съ условіями тюремной жизни, этапнаго пути въ Сибирь, по которому проходятъ ежегодно тысячи членовъ русскаго общества, и, отчасти, съ условіями жизни въ Сибири. Не мнѣ судить, насколько удачно я выполнилъ заданную себѣ задачу.

И. П. Бѣлоконскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I-я.

Страницы.

ГЛАВА IV-я.

ГЛАВА V-я.

Страницы.

ГЛАВА VI-я.

ГЛАВА VII.

ГЛАВА VIII.

ГЛАВА I-я.

Начало дня въ тюрьмѣ. „Разводящій". „Зори". Сторожа. Часовые. Парашники. Утро арестантовъ. Смѣна. Старшій. Повѣрка. Конвой. Обязанности часоваго. Старые и молодые солдаты. Обѣдъ. Устройство замка. Мировые и подсудимые. „Бабы". Тюремные романы. Прогулки и развлеченія. Дѣти. Бывалые люди. Евреи. Н—ай. Арестантская собственность. Карты. Заработки. Побѣги. Смотритель З—ій и усмиреніе арестантовъ. Жестокости тюремной администраціи. Вечера въ тюрьмѣ. Повѣрка. Арестантскія пѣсни. Вечернія „зори". Провѣрка постовъ. Пароль. Ночныя тревоги. Офицера. Ночь въ тюрьмѣ. Чистка ретирадовъ.

Чуть свѣтаетъ. Крыши и верхняя часть зданій тюремнаго замка освѣщены уже бѣловатымъ свѣтомъ, а на дворѣ, въ стѣнахъ, еще полумракъ; двѣ-три догорающія звѣздочки замѣтно меркнутъ; въ замкѣ мертвая тишина, только слышны мѣрные шаги часовыхъ, да изрѣдка стукнетъ задвижка тюремныхъ воротъ, въ которыя входитъ разводящій*) провѣрить посты.

*) Унтеръ офицеръ, разводящій солдатъ на часы (посты), провѣряетъ ихъ, учитъ солдатъ ихъ обязанностямъ.

Все спитъ, всѣ страданія, всѣ мысли, думы— все это утонуло въ глубокомъ утреннемъ снѣ.

Но вотъ и мрачная тюрьма, безъ травинки, безъ деревца, вся каменная, мертвая, начинаетъ одушевляться передъ грядущимъ разсвѣтомъ: вдругъ, среди невозмутимой тишины, раздается шумный трескъ барабана, на которомъ сонный солдатъ, тамъ—гдѣ-то за воротами, отбиваетъ „утреннюю зорю“. Тррр-трахъ-та-та, трахъ-та-та, тррр... сыплетъ дробью солдатъ, извѣщая о началѣ дня и давая чувствовать всѣмъ, находящимся въ мѣстѣ печали, что они все тутъ, а не на свободѣ, что все видѣнное ими только что... было лишь сномъ...

Вотъ застучали задвижки, звякнули гдѣ-то ключи, заговорили сторожа, голоса которыхъ рѣзко раздаются въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ.

Арестанты уже готовы: они схватились тотчасъ, какъ раздались первые звуки „зори“.

„Дяденька! пора отворять!“ кричитъ кто-то изъ нижняго этажа.

— Чего тамъ! Не сдохнешь! видишь иду! отвѣчаетъ сторожъ.

— Чего такъ раскричались? надменно замѣчаетъ часовой, чувствуя всю важность своего положенія.

— „Крупа старая! Инвалидъ хромоногій! у-у! чертъ!“ сыплется часовому въ отвѣтъ.

Умный часовой только улыбается на эти угощенія раздраженныхъ людей; глупый—мрачно посматриваетъ въ сторону говорящихъ, ругается подъ носъ со всевозможными пожеланіями, причемъ успокаиваетъ себя надеждою, что „когда-нибудь я васъ отчищу прикладомъ, не я буду!“

— Батьку своего бей! шлютъ ему въ отвѣтъ арестанты; потомъ идутъ трехъ и четырехъ этажныя слова, съ замѣчательною изобрѣтательностью варіируемыя.

А вотъ уже еврейская камера подняла невыносимый гвалтъ утренней молитвы, отдѣльныхъ криковъ и просьбъ.

— Сторожъ! Сторожъ! Ой-ой! отчините!

Евреи изобрѣтательны въ требованіяхъ и берутъ испугомъ.

— Чего ты, пархъ, разорался?

— Ой-ой! умираю!

Однимъ меньше: сдыхай! довольно добродушно отвѣчаетъ сторожъ и идетъ отворять.

— Дяденька! а дяденька! отчините и намъ: воды надо! слышатся пискливые голоса „бабъ“.

— Успѣете, не умрете!

Начинается тюремная жизнь. Парашники изъ арестантовъ, которымъ арестанты платятъ по

копѣйкѣ съ души, выносятъ соръ и „парашу“ изъ камеръ, большинство съ кадками, съ продѣтыми въ ушки палками, стоятъ у воротъ, ожидая очереди выхода по воду, а также и разрѣшенія на это; остальные глазѣютъ подлѣ воротъ съ пустыми руками, иные, особенно евреи, подбѣгаютъ къ окошечку въ воротахъ „посмотрѣть“, изобрѣтая различныя необходимости для умилостивленія часоваго, расхаживающаго подлѣ воротъ; молодые парни и мѣстные ловеласы, воспользовавшись случаемъ выхода „бабъ“ по воду, заигрываютъ съ ними, благодаря чему раздаются возгласы: „да-ну! не трогай! чего лѣзешь?“ Большинство часовыхъ обыкновенно не обращаетъ вниманія на сборъ арестантовъ возлѣ воротъ, засматриваніе въ окошечко и ухаживанья; нѣкоторые просятъ только „не наваливать“, потому—„ежели, примѣрно, начальство, нашъ братъ въ отвѣтѣ“; но были и такіе, которые не церемонясь, разгоняли и любопытствующихъ, и пришедшихъ за дѣломъ. „Конвой для воды!“ уже не разъ кричитъ часовой въ окошечко, за ворота. Наконецъ, ворота отворяются, и идущихъ по воду выпускаютъ въ сопровожденіи конвоя, а оставшіеся поднимаются на пальцахъ, выглядывая за ворота.

Ворота—это всегдашній сборный пунктъ, осо-

бенно утромъ; всякій инстинктивно подходитъ къ этому единственному выходу изъ тюрьмы, точно ожидая чего-то, хотя большинство знаетъ, что никто не прійдетъ, не принесетъ ничего, и не скоро выйдутъ они изъ тюрьмы. Но ихъ влечетъ къ этому мѣсту какая-то непонятная сила; всякій, какъ только проснется, накинувъ халатъ, стремится къ воротамъ и чего-то ожидаетъ, что-то высматриваетъ. Нигдѣ не развита такъ надежда на чудесное, вѣра въ случай, какъ въ тюрьмѣ; намъ пришлось пробыть девять мѣсяцевъ, и во все время арестанты ожидали „манифестовъ", „освобожденій", и вообще какихъ-то „чудесъ". Такъ мы ихъ и оставили съ ожиданіями.

Девяти десятымъ арестантовъ до 12 часовъ рѣшительно нечего дѣлать; только самая небольшая часть носитъ дрова на кухню, нѣкоторые подметаютъ дворъ и часть работаетъ въ мастерской, поэтому большинство распредѣляется на группы и ведетъ различные разговоры, или просто лежитъ, сидитъ сложа руки, ругается съ „бабами", которыхъ никогда не выпускаютъ гулять въ одно время съ мужчинами, а потому имъ приходится почти весь день сидѣть въ камерахъ.

Утромъ арестанты обыкновенно грѣются (лѣ-

томъ) на солнышкѣ, выказывая національные темпераменты. Неподвижно, какъ муміи, подставивъ животъ подъ палящіе лучи солнца и закрывъ шапками лица, лежатъ флегматичные малороссіяне, еле ворочая языкомъ въ случаѣ надобности; подвижные, сангвиничные великороссы спорятъ, ругаются; кричатъ и шумятъ, почесываясь, юркіе евреи, разсуждая о „гешефтахъ“; глупо смотрятъ на окружающихъ неподвижныя лица небольшой группы „восточныхъ человѣковъ“.

Такъ проходитъ время до „повѣрки“; часовъ въ 9 или 10 является новый караулъ.

Часовые съ нетерпѣніемъ ожидаютъ смѣны, пробывъ, безъ всякаго промежутка, въ замкѣ 24 часа, чередуясь другъ съ другомъ черезъ 2—3 часа, при чемъ не дозволяется спать въ *караулкѣ*, пока другая половина товарищей занимаетъ *посты*; внутри, въ корридорахъ, часовые то и дѣло съ нетерпѣніемъ спрашиваютъ: „а что, пришелъ караулъ?“ И если арестантъ, посмотрѣвъ въ окно изъ камеры, скажетъ: „пришелъ“, часовой радостно говоритъ: „слава Богу!“.

Является „старшій“ и второй разъ звонитъ въ колоколъ, крича: „на повѣрку, на повѣрку! живѣй!!!“

„Старшимъ“ выбирается обыкновенно бойкій и знающій малый, въ большинствѣ случаевъ изъ солдатъ въ отставкѣ. Въ N-скомъ замкѣ старшаго звали Наумъ; красивый, видный мужчина, съ большою, окладистой бородой и длинными черными волосами, онъ былъ когда-то въ военной службѣ и зналъ ее хорошо. Наумъ сдѣлался „старшимъ“ уже въ наше время, выживъ съ мѣста наговорами и разными пакостями нѣкоего поляка П-аго, хитраго, но добраго человѣка. Такую пронырливость, сообразительность, ловкость, хитрость и несомнѣнный умъ, какими обладалъ Наумъ, намъ рѣдко приходилось видѣть; онъ льстилъ всѣмъ, начиная отъ арестанта и кончая полиціймейстеромъ, высшимъ чиномъ, съ которымъ ему приходилось сталкиваться; дѣйствовалъ такъ хитро, что изъ всѣхъ дѣлъ выходилъ чистымъ. Добродушный, глуповатый полякъ З—ій, бывшій смотрителемъ, совершенно находился въ рукахъ Наума, который обманывалъ его, наговаривая ему на арестантовъ, осуждая въ тоже время предъ арестантами на смотрителя. Арестантовъ Наумъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ, имѣлъ среди нихъ шпіоновъ, зналъ ихъ тайны, обкрадывалъ и поддерживалъ своимъ вліяніемъ ненавистнаго всѣмъ старосту, изъ за котораго вышелъ впослѣдствіи

бунтъ. Арестанты рѣдко вступали въ ссору съ Наумомъ и почти безпрекословно повиновались его приказаніямъ; поэтому, только при появленіи „старшаго". они быстро отправлялись въ камеры, чего не дѣлали, когда ихъ сзывали другіе служителя. Что касается оффиціальныхъ отношеній Наума къ арестантамъ, то они, на первый взглядъ, казались чрезвычайно простыми: старшій разговаривалъ съ арестантами, даже иногда шутилъ; но все это дѣлалось такъ ловко, что онъ моментально могъ перемѣнить тонъ шутки на серьезный. Очень мало было арестантовъ, которые-бы осмѣлились грубить Науму, но и тѣ, въ большинствѣ, попадали въ карцеры по жалобѣ „старшаго", за котораго всегда былъ смотритель.

Наумъ въ будни ходилъ просто, даже бѣдно одѣтый, но за то въ праздники наряжался и имѣлъ замѣчательно молодцеватый видъ: онъ надѣвалъ вытяжные сапоги, сшитые даромъ арестантами-же, синій длиннополый кафтанъ, красный поясъ, новый картузъ; мазалъ до блеску волосы и ловко потряхивалъ ими, снявши картузъ.

Если арестанты неохотно шли въ камеры,— что случалось въ отсутствіе начальства (офицера или смотрителя),—Наумъ обыкновенно тре-

бовалъ солдатъ „загонять“ арестантовъ, при чемъ конвой обходилъ вокругъ большаго корпуса и вытаскивалъ вольнодумцевъ; но стоило только появиться смотрителю съ красною, круглою бритой физіономіей, съ выпуклымъ животомъ и тоненькимъ, съ присвистомъ, голоскомъ, какъ арестанты моментально бѣжали въ камеры, стараясь улизнуть отъ проницательно-грознаго взгляда голубыхъ, выпуклыхъ глазъ смотрителя.

Тоже самое бывало при появленіи самого офицера. Наумъ тутъ-же, всегда безъ шапки, со смиреннымъ видомъ идетъ по стопамъ офицера или смотрителя, предупреждая ихъ желанія, угадывая мысли.

Наконецъ, всѣ опять заперты, наступаетъ тишина, и начинается повѣрка: унтеръ-офицеры съ дощечками въ рукахъ, въ сопровожденіи Наума, офицера, а иногда и смотрителя, начинаютъ повѣрку.

— Сколько у тебя здѣсь? спрашиваетъ новый караулъ у часоваго, войдя въ корридоръ.

— Столько-то! отвѣчаетъ часовой.

— Разъ, два, три и т. д., считаютъ солдатъ, заглядывая въ окошечки камеръ.

Наумъ говоритъ, сколько, а караулъ провѣряетъ; количество арестантовъ въ каждой камерѣ заносятъ на дощечку, складываютъ, и ког-

да окажется вѣрно, новый офицеръ, принявъ прежнее количество арестантовъ, замѣняетъ со своимъ карауломъ мѣсто стараго.

Начинается смѣна „постовъ“, стройно входятъ солдаты въ количествѣ занимаемыхъ мѣстъ въ караулѣ.

— Стройся! командуетъ унтеръ-офицеръ. На плее-ччо! Шаа-гомъ маршъ!

Солдаты идутъ за разводящимъ и сейчасъ-же останавливаются для смѣны часоваго у воротъ. Изо всѣхъ солдатъ выдѣляется тотъ, во-первыхъ, который смѣнитъ часоваго у воротъ, потомъ, какъ свидѣтели, два „разводящихъ“: прежняго и новаго кораyловъ; солдатъ становится противъ солдата, а по бокамъ „разводящіе“; новый разводящій говоритъ: „смѣна, стой! на часы маршъ“! Тогда солдатъ изъ новаго караула дѣлаетъ шагъ впередъ и становится плечомъ къ плечу къ прежнему часовому и затылкомъ къ его лицу. Старый спрашиваетъ: „чего пришелъ? — Васъ (рѣдко: тебя) съ часовъ смѣнять.—Что есть по сдачѣ?—Вотъ тебѣ честь и мѣсто: ни спать, ни дремать, фицерамъ честь давать; вотъ тебѣ двѣ стѣны, ворота и будка; смотрѣть за порядкомъ“.

Тогда прежній разводящій говоритъ: „съ часовъ маршъ“! Стараго караула солдатъ въ при-

прыжку удаляется въ караулку, чтобы уйти въ казармы, а новый начинаетъ ходить; остальные съ разводящими отправляются смѣнять другіе *посты*. Обыкновенно бываетъ два „*разводящихъ*“: для *внутреннихъ* (въ корридорахъ) *постовъ* и для *внѣшнихъ* (на дворѣ)*). Въ корридорахъ происходитъ та-же самая процедура со слѣдующими измѣненіями.

— Чего пришелъ?

— Васъ съ часовъ смѣнять.

— Что есть по сдачѣ?

— Вотъ тебѣ честь и мѣсто: ни спать, ни дремать, фицерамъ честь отдавать; вотъ тебѣ пять ристованныхъ, шесть замковъ, восемь дверей, лампа, окно; смотрѣть за порядкомъ, чтобы ристанты не шумѣли, въ карты не играли, водки не пили, не кричали, не переговаривались; докладывать обо всемъ караульному начальнику; бизъ разводящаго никого не допущать.

Трудно приходится молодому солдату, и много достается ему, покуда онъ, какъ попугай, не отбарабанитъ безъ передышки все выше приведенное. Весь формализмъ *сдачи* зависитъ отъ „разводящаго“: при одномъ и вышесказаннаго

---

*) Въ настоящее время внутренніе посты упразднены.

не говорится, а иной прибавляетъ и еще вопросы.

— А ежили ристантъ шумѣть будить?

— Доложить начальнику.

— А ежели подкопъ, взломъ?

— Доложить начальнику.

— А ежили бѣжать ристантъ будить?

— Долож....

— Ахъ ты! я тѣ доложу!

Часовой въ недоумѣніи.

— Ежили *совсѣмъ* бижать будить? переспрашиваетъ „разводящій“.

Солдатъ молчитъ.

— Ахъ ты сволочь! вотъ я тибѣ! Ежели бижать, то ись, совсѣмъ?

— Стрилять.

— Ну, то-то же! Ты только забудь!

— Никакъ нѣтъ-съ.

— То-то же. А ще чиво нельзя?

— Чтобы не шумѣли, чтобы...

— Ты говорилъ ужъ это, дуракъ!

Молчаніе.

— Курить, то ись, ѣсть тибѣ можно?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Ну, чортъ съ тобой! Не забудь же, когда офицеръ! стой!

И караулъ удаляется, а солдатъ плюетъ ему въ догонку; молодые солдаты обыкновенно бываютъ напуганы, безпрестанно смотрятъ въ окошечко камеръ, дѣлая глупѣйшія замѣчанія.

— Чего ходишь по камерѣ-то?

— А тебѣ что?

— Посадили, такъ сиди, а то намъ вѣдь тоже...

Или:

— Слѣзь съ окна!

— Это дозволено.

— Кто тебѣ дозволилъ?

— Убирайся къ чорту!

— Разводящій! оретъ неопытный часовой:— позвать разводящаго!

Приходитъ „разводящій".

— Чего тебѣ? спрашиваетъ онъ у часоваго.

— Вонъ тотъ на окнѣ сидитъ.

— А тебѣ что?

— Нешто можно?

— Дуракъ!

И разводящій уходитъ.

— Чортъ его знаетъ, что можно, а что нельзя—тьфу! бормочетъ солдатъ и начинаетъ, какъ маятникъ, шататься по корридору, задѣвая штыкомъ двери.

Придетъ-ли сторожъ затопить печку или за-

жечь въ корридорѣ лампу, молодой солдатъ не допускаетъ и прямо направляетъ штыкъ; всегда требуется разводящій, который и ругаетъ часоваго за *тревогу*, не соображая, что самъ-же ему приказывалъ: „никого не допущать“.

Старые, опытные солдаты „продѣлавъ формальность, ничего не выполняютъ, зная, что такое „слово и дѣло“, и соображая, когда что нужно; иные критикуютъ формализмъ, который доходитъ до абсурда. Спрашиваетъ, напримѣръ, арестантъ.

— Который часъ?

— Намъ не дозволено.

Однажды я угорѣлъ и, упавъ на полъ, крикнулъ часовому:

— Доложите разводящему!

— Намъ не дозволено разговаривать, отвѣчалъ часовой, мирно шагая по корридору, хотя о всякомъ происшествіи часовые должны докладывать караульному начальнику. Въ полубезчувственномъ состояніи я пролежалъ на полу до другой смѣны; я ужъ не слышалъ ничего, но обо мнѣ, какъ передавали, было заявлено слѣдующимъ образомъ:

— Что, все спокойно? спросилъ смѣнившій часовой.

— Все, только вонъ эфтотъ на полу качается.

— Эй ты! какъ тебя! началъ звать меня новый часовой.

Я, конечно, ничего не отвѣчалъ; тогда позвали разводящаго, а этотъ послѣднiй позвалъ уже офицера и смотрителя.

Тотчасъ послѣ повѣрки, къ столбамъ съ колоколами (одинъ церковный, а другой для разныхъ надобностей: всего два) подходитъ „кашеваръ“, молодой, высокiй, худой парень, который ужасно почему-то любитъ изображать изъ себя индюка и корчить, потѣшая публику, ужасныя рожи, при чемъ онъ обыкновенно заходитъ изъ-за спины и, придвинувъ свою физiономiю къ чьему-нибудь лицу, скорчитъ гримасу; тотъ оборачивается, и оба хохочутъ.

Послѣ третьяго звонка „на обѣдъ“ отворяются камеры, и арестанты съ деревянными кадочками бѣгутъ въ кухню. Ѣдятъ *всего одинъ разъ въ сутки*, строго соблюдая всѣ посты; имъ отпускается 2½ ф. хлѣба въ день, мяса, кромѣ Р. Х. и Пасхи, никогда не полагается; *) варятъ день борщъ, день супъ съ саломъ и другими не вполнѣ доброкачественными про-

*) Не вездѣ пища одинакова, хотя нигдѣ не кормятъ досыта и свѣжими продуктами. Въ Москвѣ даютъ мясо и два раза въ недѣлю гречневую кашу.

дуктами, благодаря воровству подрядчиковъ, „старшаго“ и собственнаго, арестантами избраннаго старосты, о которомъ рѣчь впереди.

Голодные арестанты, критикуя бурду или помои, какъ они называютъ свою пищу, тащатъ лохани въ камеры, въ которыхъ, кромѣ наръ, нѣтъ ничего: ни столовъ, ни скамеекъ.

Послѣ обѣда арестантовъ опять запираютъ; тогда отпускаютъ на прогулку „бабъ“.

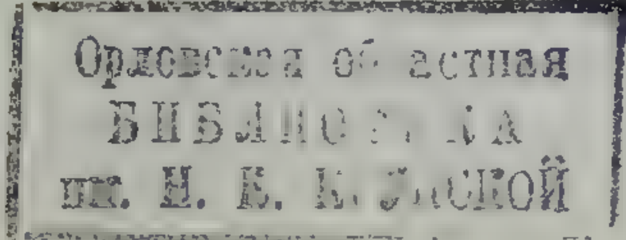
Для большей ясности разсказываемаго дальше нужно описать расположеніе Н — скаго замка.

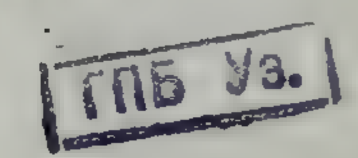
Онъ занимаетъ квадратное пространство, окруженное со всѣхъ сторонъ высокою каменною бѣлою стѣною; единственный входъ—ворота съ сѣвера, противъ воротъ длинное полутора-этажное бѣлое зданіе (напоминаетъ формою букву Е безъ палочки въ серединѣ), въ которомъ: въ верхнемъ этажѣ-церковь, больница и нѣсколько камеръ въ корридорахъ, больничномъ и церковномъ; въ нижнемъ полуэтажѣ, вправо—еврейская камера, подъ церковью, влѣво—русская общая, подъ больницею, а въ серединѣ—„секретныя“ камеры для „слѣдственныхъ“, которые содержатся отдѣльно отъ „осужденныхъ“ на пребываніе въ тюрьмѣ по уголовнымъ дѣламъ, и „мировыхъ“ (по приговорамъ мировыхъ судей).

Вправо, въ углу (С. З.), двухъ этажное бѣлое зданіе съ башней; здѣсь, внизу помѣщается, мастерская для „мировыхъ"; а въ С. В. углу, влѣво отъ входа—тоже двухъ этажное зданіе для мировыхъ — спеціально женское отдѣленіе—за всевозможные проступки.

„Мировыхъ" и „осужденныхъ" держатъ сравнительно свободно, „слѣдственныхъ"—строже, но и то, смотря по дѣлу; такъ одинъ еврей, Шеппъ, сидѣлъ, по подозрѣнію принятія участія въ убійствѣ, въ одиночной камерѣ съ нарочно приставленнымъ къ нему часовымъ; а тотъ, кого подозрѣвали въ совершеніи убійства, сидѣлъ, во время слѣдствія, въ секретной; ихъ выпускали гулять не болѣе, какъ на часъ, одинъ разъ въ сутки.

„Бабы" также чрезвычайно любопытны и, тотчасъ по выходѣ во дворъ, отправляются къ воротамъ, гдѣ и засматриваютъ въ окошечко, если хорошій часовой „дозволяетъ". Русскія бабы подходятъ къ окнамъ большой (русской) камеры, а еврейки—къ окнамъ еврейской, и ведутъ бесѣды съ арестантами-мужчинами, которые угощаютъ „бабъ" чѣмъ Богъ посладъ; онѣ тоже даютъ, что могутъ; чаще всего угощаются табакомъ. Грозные часовые, соблюдая формальность, женщинъ къ окнамъ мужскаго

отдѣленія не допускаютъ; но стоитъ только застучать задвижкой у воротъ, какъ арестантки и сами моментально убѣгаютъ отъ оконъ и стремятся къ крыльцу своего обиталища или прячутся въ солдатскую будку—ихъ любимое мѣсто. Если начальство замѣтитъ, что женщины перешагнули за назначенную для нихъ черту, услышитъ разговоры подъ окнами, то сейчасъ же всѣхъ запираютъ въ камеры, не разбирая, всѣ или не всѣ виновны. Женщины этого боятся и всегда настороже.

Прогулкѣ особенно радовались тѣ изъ мужчинъ, которые имѣли любовницъ среди арестантокъ. Первая пара состояла изъ солдата М—ка и нѣкой Домки. М—къ былъ замѣчательно грубый, вороватый и брехливый человѣкъ; тащилъ все и ото всѣхъ, что попадалось подъ руки; сплетничалъ и доносилъ на всѣхъ, благодаря чему пользовался льготою: ему поручено было наливать керосинъ во всѣ лампы.

М—къ былъ до крайности дерзокъ даже съ самимъ старшимъ, но послѣдній ничего не могъ подѣлать, такъ какъ М—къ угождалъ смотрителю, который и благоволилъ къ нему.

При отталкивающей физіономіи, черный какъ цыганъ, съ рѣзкими, некрасивыми чертами лица, М—къ ходилъ сгорбившись, ругался посто-

янно и за грошъ готовъ былъ, что называется, душу продать. Былъ онъ на русско-турецкой войнѣ, откуда возвратился съ пятнадцатью полуимперіалами и нѣсколькими золотыми часами, все это спустилъ, укралъ какіе-то „кожухи“, за что и былъ присужденъ къ арестантскимъ ротамъ; но по болѣзни ему замѣнили это наказаніе двухлѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ.

Не смотря на всѣ свои дурныя качества, онъ съумѣлъ горячо привязаться къ своей Домкѣ, курносому, злому, рябому, некрасивому созданію, которое одно властвовало надъ М — комъ.

Наумъ („старшій“) однажды устроилъ такп штуку ненавистному М — ку. Пришло предписаніе перевести часть женщинъ изъ N — скаго губернскаго замка въ одну изъ уѣздныхъ тюремъ; благодаря хлопотамъ „старшаго“ въ число отправленныхъ вошла и Домка.

М—акъ плакалъ, прощаясь, былъ все время скученъ, употребилъ всѣ усилія, гдѣ-то досталъ денегъ и выхлопоталъ обратный переводъ Домки. Домка возвратилась и М—акъ просіялъ.

Вторая пара состояла изъ хорошаго сапожника, но страшнаго пьяницы, Гордѣя, и сухопарой, блѣдноглазой мѣщанки, Анны, которая, желая подражать барынямъ, очень неуклюже кокетничала и безобразно одѣвалась; что было

хорошаго въ костюмѣ Анны, такъ это идеально сшитые ботинки на высочайшихъ каблукахъ; долго трудился надъ этими ботинками Гордѣй, но за то они были предметомъ зависти всѣхъ бабъ, не имѣвшихъ любовниковъ, а такихъ было около двадцати. Всѣ онѣ усердно подыскивали, но таковыхъ не оказывалось, не потому, чтобы остальныя женщины были менѣе красивы (Домка и Анна были чуть-ли не хуже всѣхъ), а потому что экономическое положенiе мужчинъ было очень плохое: „свяжись съ бабою, денегъ надо, говорили арестанты: „того купи, другаго купи“. И дѣйствительно, Гордѣй и М—къ все тратили на любовницъ, хотя любовь, благодаря строгому надзору, была лишь платоническая, и влюбленные бывали вмѣстѣ только разъ въ день, а въ остальное время видѣлись и разговаривали только черезъ окна.

М—къ, какъ мы уже сказали, пользовался льготою: его не запирали до вечерней „зари“, а потому ему удавалось часто видѣться съ Домкой,—во время прогулки женщинъ; сапожника не запирали, какъ работавшаго въ мастерской, и онъ тоже, слѣдовательно, могъ встрѣчаться съ Анной. Свиданiя были, по истинѣ, оригинальныя.

М—къ и сапожникъ тихими шагами, смо-

тря на часового и прислушиваясь къ стуку у воротъ, пробираются на встрѣчу „бабамъ“, идущимъ также осторожно; если часовой молчитъ, то они безпрепятственно сходятъ, крѣпко жмутъ другъ другу руки, горячо цѣлуются и стоятъ, держась за руки, до перваго стука; малѣйшій шорохъ—и они быстро разбѣгаются въ стороны; если тревога ложная, опять собираются, устраивая на виду у всѣхъ любовныя картины.

Интересно то, что арестанты никогда не выражали громко насмѣшекъ, видя любящіяся пары, хотя втихомолку иронизировали и сплетничали относительно влюбленныхъ.

Самый фактъ глубокой привязанности и нѣжныхъ отношеній производилъ крайне пріятное впечатлѣніе, выказывая человѣческую, хорошую сторону людей, ту искру Божію, которая не тухнетъ при самыхъ скверныхъ нравственныхъ и физическихъ условіяхъ.

Само собою, между любящими, по временамъ происходили и чрезвычайно грязныя сцены взаимныхъ укоровъ, ругательствъ, недовѣрія.

Особенно это часто бывало между сапожникомъ и Анною, когда первый, напившись до пьяна (Гордѣй иногда ходилъ со сторожемъ на базаръ за товаромъ), разсказывалъ нарочно громко, какъ онъ угощалъ бабъ въ трактирѣ. Анна

выходила изъ себя, и происходили страшныя ссоры.

— Рупь на бабъ, братцы мои, издержалъ, разсказываетъ Гордѣй.

— О-о? восклицаютъ арестанты.

— Провались на этомъ мѣстѣ!

— А бабы каковы?

— Первый сортъ! одинъ жиръ! не то что моя сухопарая жидовка!

Анна злилась и выбрасывала обыкновенно изъ окна верхняго этажа всѣ подарки сапожника, ругая его на чемъ свѣтъ стоитъ; арестанты, поддерживая сапожника, гоготали во все горло.

Насколько сапожникъ былъ болѣе виновенъ по отношенію къ Аннѣ, настолько Домка была виновна по отношенію къ М—аку. За самую малость Домка сердилась, кричала, швыряла и портила подарки М—ака, но послѣдній молчалъ и ни единымъ словомъ не осмѣливался укорять ее, и только на сторонѣ, когда Домка не слышала, изливалъ злобу.

Остальныя женщины были „вольныя" и, какъ мы сказали, очень сожалѣли о невозможности имѣть любовниковъ.

Между высылкой и возвращеніемъ Домки, М—акъ сошелся было съ одною очень краси-

вою арестанткою, скучая все таки о Домкѣ, но едва послѣдняя пришла, онъ бросилъ красавицу. Домка долго не могла забыть этой кратковременной измѣны и при случаѣ упрекала его, приводя М—ака въ немалое смущеніе.

„Вольныя“ обращались со всѣми одинаково, разговаривая и заигрывая при случаѣ; предметомъ шутокъ, остротъ и самымъ увеселяющимъ элементомъ служила нѣкая Евлашка.

Обрюзглая, довольно полная, съ веснушками на лицѣ, Евлаша постоянно тараторила звонкимъ, тоненькимъ голосомъ и вѣчно заливалась отъ смѣху по поводу отпускаемыхъ ей остротъ, при чемъ и сама не стѣснялась отвѣчать тѣмъ же, хотя была въ словахъ несравненно сдержаннѣе и деликатнѣе своихъ товарокъ, которыя въ ругательствахъ, если не превосходили, то и не уступали мужчинамъ.

Хотя въ цинизмѣ по отношенію къ женщинамъ недостка не было, но всего циничнѣе обращались съ добродушною Евлашкою. Бойкія и сильныя арестантки защищались довольно храбро не только кулаками, но и камнями, а Евлашка только старалась скорчить сердитую физіономію, да стучала о землю ногами.

Впрочемъ, нужно замѣтить, очень часто женщины сами подавали поводъ къ циничному съ

ними обращенію. Несмотря на это, и Евлашка, и другія арестантки дѣлились, чѣмъ могли, съ мужчинами, и антагонизма между ними не было.

Если было не возможно стоять у воротъ или разговаривать у оконъ, арестантки садились возлѣ своего зданія и занимались шитьемъ, вязаньемъ, и т. д. при чемъ большинство усердно курило.

Послѣ двухчасовой прогулки женщинъ запирали, и отъ 4-хъ до 7-ми часовъ вечера гуляли мужчины. Это былое самое хорошее время для арестантовъ; они затѣвали игры, пѣсни, пляски, если, конечно, не появлялось начальство и не мѣшало: при появленіи кого-либо изъ властей, арестанты быстро все прекращали.

Вонъ собралась группа возлѣ сѣдаго старика—крестьянина съ длинною, чёрною съ просѣдью бородой и съ бѣльмомъ на глазу. Старикъ вѣчно что-нибудь да работаетъ, вспоминая, нужно думать, крестьянскую вѣчно трудовую жизнь: или мететъ, или подчищаетъ дворъ, но никогда не сидитъ сложа руки. Обыкновенно молчаливый, онъ по просьбѣ молодежи, играетъ языкомъ, взявъ лишь для большаго обмана слуха, двѣ палочки, которыя замѣняютъ ему скрипку и смычекъ; играетъ до того хорошо, что даже зная, что въ этой музыкѣ при-

нимаетъ участіе лишь одинъ языкъ, обманываешься и слышишь звуки сельской скрипки. Воображеніе переноситъ тебя на какую-нибудь сельскую свадьбу, гдѣ подъ не прихотливую музыку сельскаго скрипача, пляшутъ молодыя пары, а иногда и старикъ войдетъ въ кругъ. И какъ грустно, тяжело дѣлается, когда дѣйствительность, послѣ минутной иллюзіи, заставитъ осмотрѣться вокругъ и увидать высокія стѣны тюремнаго двора....

Обыкновенно, когда „дидъ" играетъ, старые и малые идутъ смотрѣть и слушать; пляшущихъ мало, хотя нѣкоторые танцуютъ отлично.

Старикъ играетъ рѣдко, а потому молодежь устраиваетъ больше чехарду, играетъ „въ бабки" или выдумываетъ другія игры, въ которыхъ не рѣдко принимаетъ участіе и солидный людъ.

Въ N—скомъ замкѣ былъ не малый % совершенно молодыхъ ребятъ и даже дѣтей; послѣднія, въ большинствѣ случаевъ сидѣли за кражу сала, яблокъ и т. п.; эти маленькіе, глупые воры содержались по приговорамъ мировыхъ судей, и помѣщались въ замкѣ вмѣстѣ со взрослыми, въ губернскомъ городѣ не было отдѣльнаго зданія для малолѣтнихъ преступниковъ. Здѣсь дѣти выучивались уже болѣе грандіознымъ мошенничествамъ и, отсидѣвъ срокъ

за ничтожную кражу, вскорѣ появлялись вновь, по обвиненію въ болѣе серьезныхъ преступленіяхъ. Не рѣдко ребята эти жалѣли, что имъ приходится мало сидѣть въ замкѣ, такъ имъ хорошо здѣсь казалось сравнительно съ неприглядной жизнью дома, на волѣ.

— Спи хоть цѣлый день, супъ и борщъ ѣшь, ничего не дѣлай, говорили они, вспоминая, быть можетъ, дни совершеннаго голода, дни трудовъ отъ зари до зари, ночлеги гдѣ-нибудь на дворѣ или въ курной избѣ.

Ребятишки съ любопытствомъ и понятливостью слушаютъ тюремныхъ учителей, обучающихъ за небольшую плату: выдавить безъ шума стекло, не разбудивъ хозяевъ; ломать замки ломомъ, безъ стука, и тому подобнымъ познаніямъ, необходимымъ для успѣшнаго веденія воровскаго дѣла. Въ наше время былъ въ тюрьмѣ крестьянинъ, къ которому приходили окрестные жители съ просьбой поворожить, гдѣ найти украденныхъ лошадей, коровъ и т. д. Крестьянинъ бралъ деньги, ворожилъ добросовѣстно, указывалъ мѣста, а среди *своихъ* разсказывалъ, что все, находимое по его указаніямъ, было украдено при его помощи. Вонъ какой-то бродяга разсказываетъ свои похож-

денія, вызывающія удивленіе и уваженіе, благодаря чему куритъ табакъ своихъ сосѣдей.

— Что это за замокъ! и что тутъ за секретныя! да тутъ въ секретной сто лѣтъ просиди, ничего съ тобой не сдѣлается; вотъ посидѣлъ-бы въ Херсонѣ...

— А что?

— Прямо—ящики.

— Ящики?

— Какъ есть—ящики.

— И туда значитъ?..

— Прямо вотъ тебя бросятъ и сиди—такъ-то!

— Сиживалъ?

— Я-то? Да тамъ у меня пріятелевъ видимо, денегъ у всякаго куры не клюютъ; тамъ братцы вы мои, одного посадили, а всѣ за тебя,—ну и живешь бариномъ, а здѣсь у васъ народъ-сволочь!

И пошли разсказы про тюрьмы, гдѣ кто сидѣлъ, о начальствѣ, смотрителяхъ.

— Да жрутъ-то у васъ по собачьи—разъ въ день! гдѣ это видано...

— Кандальщиковъ у насъ нѣтъ...

— Э-э! Кабы кандальщики! Вонъ къ Харь-

ковѣ; тамъ не дай жрать—сейчасъ пузо распорѣтъ! Кандальщику все одно! *)

— Что и говорить!

Бывшій *архіерейскій лакей* изъ духовнаго званія, обижающійся, если его не называютъ дворяниномъ, одѣтый за неимѣніемъ полной черной пары, въ черный сюртукъ и бѣлые подштанники, собралъ вокругъ себя не мало слушателей. Говоритъ онъ тоненькимъ голоскомъ, держитъ себя важно, хотя и прозывается „длинногривый жеребецъ“ за рыжіе, длинные волосы (онъ прислуживалъ въ качествѣ дьячка въ тюремной церкви), и за рыжую громадныхъ размѣровъ бороду, напоминающую помело.

— Я, бывало, не меньше трехъ блюдъ...

— Какихъ *блюдъ?*

— Эхъ ты! такъ называются кушанья: блюда...

— Да ты что? Ты думаешь, мы не знаемъ? сами тоже можетъ блюда ѣдали! обижаются слушатели на „дворянина“.

— Бывало, безпримѣнно борщъ потомъ—безъ жаркова жить не могъ, ну и еще въ родѣ тамъ каши молочной, или другаго пирожнаго...

---

*) Общее мнѣніе и фактъ: гдѣ больше каторжанъ, тамъ лучше: каторжанину все равно идти въ „работы“ и онъ не боится начальства, и не рѣдко храбро нападаетъ на самого смотрителя.

Группа слушателей увеличивается, хотя бывшій лакей повѣствуетъ ежедневно все одно и тоже съ небольшими лишь варіаціями.

— А потомъ ежели по эпархіи — Боже мой! Разсказчикъ киваетъ головой и закрываетъ глаза отъ удовольствія: попъ не знаетъ тебѣ, что дѣлать, чѣмъ угостить: Акимъ, говоритъ, Акимычъ водочки, селедочки, наливочки, пирожка!

— А архирей гдѣ?

— Архирей? Ну, онъ тамъ, въ залахъ...

— А ты?

— Я то?.. Дураки вы, боязливо заключаетъ дворянинъ, вставая и собираясь уходить.

Ему нахлобучиваютъ на голову шапку и даютъ колѣномъ; дворянинъ отпрыгиваетъ и ругается сквозь зубы. Онъ въ большой дружбѣ съ Наумомъ и старостою, съ арестантами говоритъ только въ силу необходимости, „развлеченія ради", хотя исторія эта повторяется ежедневно.

Главное занятіе всѣхъ арестантовъ, особенно молодыхъ—это „дразнить жидовъ".

Козломъ отпущенія чаще всего былъ одинъ несчастный, бѣдный, забитый жидокъ Розенъ; его худая, заморенная, вытянутая физіономія производила крайне тяжелое впечатлѣніе, онъ

сидѣлъ уже четвертый разъ за мелкую кражу и каждый разъ отсиживалъ по шести мѣсяцевъ. Ему ни разу не удалось воспользоваться украденной вещью: обыкновенно его ловили, били, отнимали украденное и отправляли въ тюрьму. Розенъ былъ очень бѣденъ и имѣлъ единственное любящее его существо—мать, которая не смотря на преклонныя лѣта и болѣзнь, приносила ему ежедневно пищу, хотя Розенъ повидимому кралъ для нее-же, не имѣя возможности отогнать грозившую ей голодную смерть. Въ наше время бѣднякъ этотъ сидѣлъ за украденную варшавскаго серебра ложечку, которую у него отняли.

Евреи не любили Розена и за легкое отношеніе его къ Талмуду и особенно еще за то, что онъ когда-то укралъ книгу съ молитвами и заложилъ въ православномъ кабакѣ.

Натура болѣзненно-нервная—Розенъ доходилъ до философіи въ своихъ размышленіяхъ о жизни.

— Кто меня бьетъ, тотъ дуракъ; я не хочу быть глупѣе его и не стану его бить, успокоивалъ онъ себя; только въ крайнихъ случаяхъ онъ кричалъ или даже кусался; въ большинствѣ-же случаевъ убѣгалъ, говоря:

— И за что, скажите, вы бьете меня?

Его всѣ били и на него-же и жаловались,

такъ - что несчастный очень часто попадалъ въ карцеръ.

Самымъ жестокимъ мучителемъ Розена былъ нѣкій Неточай, въ сущности добрый малый, лѣтъ 19-ти; онъ органически ненавидѣлъ „жидовъ“, и часто напримѣръ, брызгалъ керосиномъ въ глаза Розену и другимъ евреямъ, къ общей потѣхѣ публики, подставлялъ имъ ноги, швырялъ въ нихъ камнями.

Неточай замѣчательный типъ; чистый хохолъ, круглый сирота чуть не съ пеленокъ, онъ уже шести лѣтъ случайно укралъ тройку лошадей и продалъ ее за три рубля цыганамъ. Онъ прекрасно зналъ всѣ способы воровства, организацію конокрадовъ, все это онъ изучилъ детально, и не смотря на это имѣлъ добрую душу и прекрасныя способности, благодаря которымъ, за время тюремнаго заключенія, урывками отъ арестантовъ и солдатъ, выучился читать и писать. Его судили по восьми дѣламъ; чистосердечный и картинный разсказъ Неточая о его жизни, доведшей его до воровства, произвелъ такое впечатлѣніе на судъ, что, не смотря на многія кражи со взломомъ, ему смягчили наказаніе и приговорили лишь къ восьми мѣсяцамъ заключенія въ тюрьмѣ. Честенъ онъ былъ очень и ему безбоязненно можно было

вручить какую угодно сумму денегъ; благодаря прислуживанію, (топилъ печи, разливалъ керосинъ и т. д.) Неточай зарабатывалъ по нѣсколько рублей денегъ, которыми, какъ и всемъ имуществомъ дѣлился со всѣми и давалъ тому-же Розену.

— Не хотѣлось бы красть по выходѣ изъ тюрьмы, говорилъ онъ,—да вѣдь что будешь дѣлать. И мѣсто-то трудно найти!

— Въ наше всемя Неточаю окончивался уже срокъ сидѣнія (онъ пробымъ болѣе года подъ слѣдствіемъ*), но жители его родной деревни не соглашались принять его въ свою среду, а таковыхъ отправляютъ въ Сибирь; можетъ быть этому юношѣ и пришлось уйти по Владимірке...

Характеръ и самостоятельность Неточая удивляли всѣхъ, и не смотря на свою молодость онъ былъ всѣми уважаемъ, всѣ обращались къ нему за совѣтомъ и даже начальство относилось къ нему хорошо; никогда ни одного доноса, ни одной подлости не вышло отъ него, и сказанное ему можно было считать за несомнѣнную тайну, которую онъ никому не выдастъ, а это

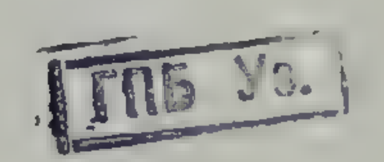
---

*) Мы удивлялись такому долговременному производству слѣдствія, но каково-же было наше удивленіе, когда въ Сибири намъ пришлось видѣть людей ждавшихъ окончанія дѣла по 5-ти, 7-ми и даже 8-ми лѣтъ.

было рѣдкостью въ N—омъ замкѣ, гдѣ доносы другъ на друга были въ большомъ ходу. Женщинъ Неточай стѣснялся и всегда краснѣлъ, когда какая нибудь изъ нихъ отпускала остроту на счетъ его половой зрѣлости. Наружный видъ Неточая на первый разъ производилъ даже отталкивающее впѣчатленіе, но чѣмъ дальше, тѣмъ дѣлался онъ симпатичнѣе, и его можно было полюбить отъ всей души.

Не по лѣтамъ толстый животъ, круглое, жирное, красное лицо съ большими, на выкатѣ, синеватаго цвѣта глазами, довольно низкій ростъ, его и никогда нечесаные волосы—все это дѣлало непрезентабельнымъ, тѣмъ болѣе, что и вообще Неточай очень мало обращалъ на себя вниманія.

Ходитъ, бывало, онъ задумчивый съ палкой по двору и о чемъ-то все думаетъ; все, рѣшительно все его интересовало, и какъ радовался онъ, когда находилъ человѣка, могущаго удовлетворить его любознательности. Онъ зналъ всѣ тюремныя новости, изучилъ всю арестантскую премудрость, критикуя, или расхваливая, иронизируя надъ извѣстными явленіями тюремной жизни. Натура увлекающаяся—онъ раза два за все время сидѣнія напился пьянъ и потомъ самъ же ругалъ себя; сберечь денегъ никогда

не могъ, хотя и говорилъ, что ему необходимо имѣть „къ выходу“ хоть сколько нибудь.

Кстати о деньгахъ. Лично самъ арестантъ ничего не можетъ себѣ купить, даже имѣя деньги; но и здѣсь, какъ и вездѣ, евреи снабжали желающихъ очень многимъ: табакомъ, селедками, булками и даже водкою, конечно, по несообразно высокимъ цѣнамъ. Кромѣ того, арестанты и арестантки на свои гроши, припрятанные ими „на всякъ случай“, поручали сторожамъ покупать то то, то другое, сторожа рѣдко отказывались отъ коммисій, такъ какъ всегда очень значительный % попадалъ въ ихъ карманъ „за проходку“, и благодаря тому, что товаръ покупали плохой, цѣны выставляли высокія.

Наумъ въ дѣлахъ „купли“ и „продажи“ сдѣлался честнѣйшимъ монополистомъ, выручая особенно съ продажи довольно значительныя суммы.

Продавались старыя и новыя вещи, казенныя и частныя арестантскія, въ этихъ случаяхъ приходилось слышать о довольно занимательныхъ явленіяхъ изъ арестантской жизни.

Является, напримѣръ, въ острогъ „новичекъ“, его окружаетъ группа арестантовъ, среди которыхъ присутствуютъ и членъ тайнаго сооб-

щества явныхъ грабителей. Новичку предлагаютъ довольно интересные вопросы; ему излагаютъ тезисъ тюремной жизни; новичекъ, ничего не подозрѣвая, слушаетъ со вниманіемъ и отвѣчаетъ охотно, вдругъ какая-то невидимая рука схватываетъ съ него шапку, шарфъ или что-нибудь изъ мелкой движимой собственности и бросаетъ въ толпу. Новичекъ туда-сюда, но вещь уже пропала и, пройдя черезъ нѣсколько рукъ, попадаетъ къ концѣ концовъ къ Науму, который и продаетъ украденное на базарѣ за приличную цѣну, отдавъ незначительную лишь часть % тюремнымъ агентамъ. Пропадали у новичковъ, да и не у новичковъ, не только мелочи, но даже, напр., полушубки, ужъ не говоря о томъ, что арестантъ, отсидѣвъ срокъ, никогда не получалъ своихъ вещей, если же и получалъ, то вмѣсто новыхъ старыя.

— Да вѣдь у меня сапоги-то новенькіе были! говоритъ арестантъ.

— А ты сколько сидѣлъ?

— Ну, шесть мѣсяцевъ.

— Этого не считаешь?

— Развѣ я ихъ носилъ? Я вѣдь въ арестантскихъ ходилъ.

— Въ арестантскихъ! а что же твои-то желѣзные, что все новые будутъ?

— Да я ихъ не носилъ!

— Бери, коли даютъ, а то и этихъ не получишь.

— А рубаха?

— Какая рубаха?

— Вѣдомо, моя значитъ.

— Батьку своего спроси! ты много сюда принесъ?

— Много-ль, мало-ль, а рубаху, значитъ, отдавай!

— Есть-ли крестъ-то на тебѣ? Какая рубаха? отвѣчаетъ „старшій", который „выгодою" отъ арестантскихъ денегъ и вещей дѣлился со смотрителемъ.

— Тьфу, міроѣды проклятые! скажетъ, отплевываясь, несчастный и почесавъ затылокъ, полуголый уходитъ изъ тюрьмы.

Относительно денегъ происходили еще лучшія сцены:

— Ваше благородіе! Прошу вашу милость дайте мнѣ немножко изъ моихъ-то деньжатъ! проситъ арестантъ смотрителя, снявъ шляпу и униженно кланяясь.

— Некогда, отвѣчаетъ грозно смотритель.

— Ваше благородіе!

— Времени нѣтъ, говорятъ тебѣ! завтра!

— Да я ужъ, ваше благородіе, мѣсяцъ вотъ прошу.

— Эй! сторожъ! Въ карцеръ его, мерзавца!

— За что же ваше благородіе?

— Аа! ты грубить? въ карцеръ...

И раба божьяго тащутъ въ карцеръ.

— Въ карты вамъ играть, мошенники! я вамъ дамъ деньги! продолжаетъ смотритель, отнимая послѣднюю надежду у желающихъ получить часть своихъ денегъ на необходимые расходы, въ родѣ, напримѣръ, дать женѣ, пришедшей на свиданіе, ребенку и т. д.

Карты, не смотря на всѣ строгости и обыски, были въ большомъ ходу, и арестанты, проигравшись иногда до послѣдней нитки, играли даже на пайки *) на обѣдъ и голодали по нѣсколько дней. Играли далеко не всѣ, а лишь самый незначительный %, а денегъ не получалъ *никто*, даже при выходѣ изъ тюрьмы.

Нечего и говорить, что денегъ, заработанныхъ внѣ тюрьмы, арестанты и въ глаза не видали.

„На волю“ отпускались, собственно говоря, только „мировые“, въ сопровожденіи сторожей и работали въ городѣ по найму цѣлый день,

*) Паекъ—2½ ф. хлѣба, отпускаемые арестанту.

часовъ отъ шести утра до семи вечера. Изъ заработанныхъ денегъ 20 копѣекъ они отдавали въ „комитетъ“, а остальныя слѣдовало имъ получать; но и здѣсь начальство умудрялось сгребать арестантскіе гроши, отпуская работать только тѣхъ, которые соглашались давать извѣстный % „старшему“ или смотрителю, который, кажется, самъ за нихъ и договаривался, уже не говоря о томъ, что мастерская поставляла не только смотрителю, но и его знакомымъ *даромъ* все, что въ ней работали.

Да и кто изъ арестантовъ не согласился бы дать какой угодно %, лишь бы выйти изъ тюрьмы, потрудиться „на волѣ„, особенно крестьяне, привыкшіе жить трудомъ, безъ котораго они сами не свои.

Разъ, вмѣстѣ съ мировыми было выпущено еще два: слѣдственный и приговоренный къ 10-ти лѣтней каторгѣ; оба бѣжали; перваго поймали и, избивъ въ полиціи, привели въ тюрьму, гдѣ онъ, не смотря на полумертвое состояніе, получилъ трепку отъ обрадованнаго его поимкой смотрителя, второго не поймали, и 3—й впослѣдствіи былъ кажется за это смѣщенъ съ должности.

Этотъ смотритель всегда самъ лично расправлялся съ арестантами собственными кулаками.

Вопросъ лучше или хуже онъ дѣлалъ?

Дѣло въ томъ, что, въ случаѣ бунтовъ, криковъ или ссоръ между арестантами, призывали конвой, который, не разбирая ни праваго, ни виноватаго, лупилъ всѣхъ прикладами. З—ій никогда не звалъ конвоя и даже отсылалъ его, если заставъ на мѣстѣ происшествія, и разбиралъ дѣло самъ, дрался онъ сильно, до того, что у него опухали ладони; особенно недолюбливалъ онъ евреевъ, которые вѣчно ссорились и кричали невыносимо. Благодаря тѣснотѣ (болѣе 20 душъ въ одной небольшой камерѣ) столкновенія у нихъ происходили весьма часто, почему то и дѣло раздавались голоса.

— Конвой! Конвой! Зарѣжутъ!!

— Конвой! Смотрителя! Офицера!

— Умираю! оё-ёй!!

И дѣйствительно не разъ было не далеко до смертельныхъ случаевъ. Являлся З—й и колотилъ всѣхъ безъ разбору, очень часто въ тихія ночи раздавался громкій ляскъ отъ пощечинъ. Послѣ такаго побоища, З—й остывалъ быстро, дѣлался веселымъ, добрымъ.

— „Эхъ, отдулъ же его“! говаривалъ онъ улыбаясь: „руки опухли! Нельзя иначе-съ! Повѣрите ли, какъ хвачу, какъ хвачу—э-эхъ“!

улыбка озаряла его красное, пухлое лицо и онъ сіялъ отъ удовольствія.

Разъ случилось по истинѣ небывалое происшествіе.

Привезли какого-то несчастнаго жидка изъ одного уѣзда, подозрѣвая его въ кражѣ лошади. Судебный слѣдователь, впредь до снятія допроса, приказалъ засадить еврея въ одиночную камеру. Еврей страшно испугался. Онъ очень отощалъ и прозябъ, пройдя около ста верстъ по грязной, осенней дорогѣ, а тутъ еще узналъ, что къ нему приходила на свиданіе молодая жена съ ребенкомъ, но ее не допустили. Еврей бился какъ птица въ клѣткѣ, плакалъ, кричалъ, стучалъ—ничего не помогаетъ; онъ просилъ ѣсть—не дали, такъ какъ паекъ могъ ему выйти лишь съ утра слѣдующаго дня. Тогда еврей прибѣгаетъ къ послѣднему средству, практикуемому почти всѣми арестантами, желающими запутать дѣло или добиться разговора съ начальствомъ: онъ началъ звать смотрителя, желая „открыть секретъ“.

— Позовите смотрителя! кричалъ несчастный въ окно.

— На что тебѣ? спокойно спрашиваетъ сторожъ.

— Я умру съ голоду, я ничего не ѣлъ!

— Не наше дѣло: начальство знаетъ, что дѣлаетъ.

— Да вѣдь я ѣсть хочу!

— Завтра получишь: не умрешь, пархъ!

— Я *секретъ* хочу открыть.

— Знаемъ мы ваши секреты! отвѣчаетъ сторожъ и спокойно уходитъ. Евреи, услышавъ крикъ своего собрата, загалдѣли, но скоро успокоились. Настала ночь, осенняя, холодная, съ завывающимъ вѣтромъ; еврей, повидимому, успокоился, только изрѣдка раздавались его всхлипыванія въ холодной камерѣ, на голыхъ нарахъ; наконецъ онъ совершенно притихъ.

Вдругъ, среди ночи, раздается голосъ часоваго:

— Эй, ты! зажги свѣчу!

Отвѣта нѣтъ.

— Эй! „какъ тебя"?!? солдатъ стучитъ въ окно.

Отвѣта нѣтъ,

— Послушай, землякъ!!

Благодаря абсолютной, невозмутимой тишинѣ, солдатъ услышалъ лишь глухое *хрипѣніе.*

Часовой испугался и поднялъ тревогу:

— Позвать разводящаго! Несчастіе!

Прибѣжалъ „разводащій", звали, звали, стучали, кричали—хрипитъ еврей, да и только;

разводящій побѣжалъ обратно и возвратился уже съ испуганнымъ смотрителемъ и офицеромъ, отворили дверь и прямо наткнулись на повѣсившагося еврея; моментально была обрѣзана веревка, привязанная къ рѣшеткѣ въ верхней части двери, еврей съ шумомъ полетѣлъ на полъ.

Смотритель началъ было бить еврея, бить по чемъ попало; и наконецъ велѣлъ вылить на него цѣлое ведро воды.

— А—а, с.... с...! шипѣлъ смотритель въ припадкѣ гнѣва:—такъ ты умирать?! умирать?!!! Вставай!! я тебѣ покажу"!

Произошло чудо: еврей ожилъ и сейчасъ же началъ умолять смотрителя не бить его и не лить на него воду!

— „А-а, мерзавецъ!! продолжалъ смотритель „утомилъ-же ты меня, подлецъ!"

Служитель и солдатъ раздѣли еврея до гола и перевели въ *общую* камеру; гдѣ онъ и остался въ лихорадкѣ,—такъ онъ испугался, и все шепталъ:—Пресвятая Богородица, помилуй насъ грѣшныхъ! Вотъ если-бы сдохъ въ петлѣ—въ арестантскія бы пошелъ!

Кромѣ вышеупомянутаго времяпрепровожденія, въ послѣобѣденной прогулкѣ, не мало развлеченія представляли тѣ-же самыя „бабы“, теперь запертыя и переговаривающіяся изъ оконъ съ гулящими. Разговоры, въ большинствѣ случаевъ, были скабрезные, подкрѣпленные площадными ругательствами; только влюбленные вели мирныя бесѣды, когда между ними не пробѣгала черная кошка.

Во время этой-же прогулки производились и практическія сдѣлки при посредствѣ длинной веревки и втягивали на верхъ, не смотря на строжайшее распоряженіе начальства не имѣть никакого общенія прекраснаго пола съ мужчинами. Бабы отъ себя по веревки спускали все необходимое для арестантовъ, а послѣдніе привязывали багажъ уже внизу, и такимъ образомъ происходилъ обмѣнъ гостинцевъ и всего нужнаго; веревка или нитка практиковалась во всѣхъ зданіяхъ и общеніе съ небомъ и землей происходило постоянно, благодаря этому простому изобрѣтенію. На это беззаконіе часовые и нижніе чины смотрѣли сквозь пальцы, лучше смотрителей и высшаго начальства понимая всю нераціональность систематическаго гнета.

Часовъ въ 6 или 7 опять звонили въ колоколъ на послѣднюю, *третью* повѣрку, которая

совершалась какъ и утренняя, съ той лишь разницей, что теперь повѣрялъ только одинъ старый караулъ. Часовыхъ при этой повѣркѣ, обыкновенно, ни о чемъ ужъ не спрашивали.

Всего непріятнѣе идти арестантамъ на эту повѣрку, такъ какъ съ этого времени ихъ запирали уже до слѣдующаго дня, особенно неохотно шли они лѣтомъ, въ прекрасные, тихіе вечера, когда-бы только и дышать свѣжимъ воздухомъ, а тутъ сиди въ душной камерѣ.

Оставались не запертыми нѣсколько времени послѣ этой повѣрки только работавшіе въ мастерской, исполнявшіе какія-нибудь тюремныя работы и работавшіе „на волѣ", которые приходили позже изъ города, принося всевозможныя извѣстія, а также письма отъ родныхъ и знакомыхъ. Все это дѣлалось, конечно, конспиративно, но за то какую радость доставляли всегда эти благодѣтели тюрьмы.

Часамъ къ 8-ми запирали и мастеровыхъ, самыхъ веселыхъ людей въ тюрьмѣ; а вмѣстѣ съ ними и Неточая, всегда умѣвшаго дотянуть до самой крайней возможности свое пребываніе на дворѣ; для этого онъ выдумывалъ самыя несообразныя надобности, то суетясь, при входѣ начальства, то еле-еле передвигая ноги, когда начальства не было. Замѣтимъ при этомъ, что

вообще работы въ тюремномъ замкѣ исполнялись арестантами нерадиво, благодаря отчасти отсутствію платы за трудъ, а отчасти и отъ простаго нежеланія работать по заказу. *Мастеровые* долго не унимались; какъ только ихъ запирали въ нижнюю камеру, имѣвшую вблизи, направо, женское отдѣленіе, они отворяли окна и начипали сначала переговариваться, спорить и ругаться съ бабами, поднимая вверхъ глаза, стараясь разглядѣть обитательницъ верхняго этажа, потомъ начинались solo, дуэты, trio, а въ концѣ хоръ. Изъ солистовъ былъ знаменитъ одинъ сапожникъ, который каждый вечеръ пѣлъ, на одинъ и тотъ-же мотивъ, двѣ пѣсни, оглашая всю тюрьму крикливымъ голосомъ.

Разъ пріѣхалъ ю сталыцю,
Ю прикрасный городокъ,
Тамъ увидѣлъ я дѣвыцю
Продающую квасокъ:
Попросилъ іе напыцця
Яна, сволочь, не дала.
. . . .
. . . .

Послѣдніе два стиха мы не можемъ привести въ подлинникѣ, благодаря ихъ нецензурности; вторая пѣсня была еще лучше по содержанію отъ начала до конца, а потому мы ее и приводить не будемъ. Послѣ этихъ пѣсенъ, не смо-

тря на ихъ ежедневное повторенiе, раздавался громкiй смѣхъ обоего пола арестантовъ и сдержанныхъ часовыхъ.

Послѣ solo запожника-артиста, пѣлъ хоръ, состоявшiй изъ нѣсколькихъ душъ мастеровыхъ же; пѣсни пѣлись иногда и довольно хорошаго содержанiя; одна произвела на насъ особенно сильное впечатлѣнiе. Пѣсня эта сложилась очевидно въ N—ской же губернiи, и именно въ одномъ изъ сѣверныхъ уѣздовъ, старообрядческое населенiе котораго даетъ очень значительный % уголовныхъ преступниковъ. Вотъ она насколько мы ее припоминаемъ:

Я по волюшкѣ гулялъ,
Въ острогъ каменный попалъ,
Ты не дай же моя мати,
Круты горушки копати
. . . . *)
. . . .
Прощай городъ, Н—въ **)
Прощай каменный острогъ!
Уведутъ меня далеко,
Въ чужу, дальню сторону;
Ручки, ножки закуютъ,
Трехъ солдатиковъ дадутъ.
Три солдата прiубраны,
У нихъ ружья со штыкомъ.
Вы послушайте, ребята,

*) Мы не припомнимъ нѣкоторыхъ стиховъ.
**) Несомнѣнно пѣсня сочинена въ этомъ городѣ.

Что вамъ буду говорить:
Вы раскуйте ручки, ножки,
Я свободно буду птить.

Далѣе авторъ этой пѣсни мечтаетъ, какъ-бы онъ ушелъ въ „лѣсъ зеленый“ и „вольной пташкой“ улетѣлъ-бы „на волю“ въ милыя мѣста, гдѣ его семья, дѣти. Пѣсня вообще чрезвычайно поэтическая и весьма подходящая къ къ тюремнымъ условіямъ; при грустномъ мотивѣ она производила очень сильное впечатлѣніе на всѣхъ арестантовъ: обыкновенно, послѣ пѣнія этой пѣсни, все стихало и наступала мертвая тишина, среди которой, въ 9 ч. вечера, громко раздавалась „вечерняя зоря“; такъ оканчивался день заключенныхъ.

Тотчасъ послѣ „зори“, разводящій провѣрялъ посты и раздавалъ „пароли“, опять спрашивая „обязанности“ и внушая исполнять ихъ, дополнивъ кое-что *новое*. „Пароль“, какъ извѣстно, тайна и передается секретно, шопотомъ. Когда пароль легкій, солдатъ послѣ трехъ—четырехъ кратныхъ повтореній запоминаетъ его; когда-же трудный, разводящему приходится повторить пароль не одинъ десятокъ разъ и довольно громко.

Однажды былъ отданъ пароль „Абобырнборгъ“.

Солдатъ былъ неграмотный и не могъ записать, какъ это дѣлаютъ часто грамотные, записывавшіе пароль на клочкѣ бумаги или на стѣнѣ, что впрочемъ строго воспрещалось. При этомъ нужно замѣтить, что на ночь солдатамъ отдавались строгіе наказы по отношенію къ арестантамъ, сидѣвшимъ въ одиночныхъ камерахъ, подлѣ которыхъ, въ корридорахъ, какъ уже извѣстно читателю, ходятъ внутренніе часовые.

Приказы отдавались такъ:

— Долженъ ты допущать кого-нибудь? спрашиваетъ разводящій часоваго.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— А ежели фицеръ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— А ежели я?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— А кого?

— Государя Императора, коли ежели знаю въ лицо.

— А еще кого?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— А ежели съ „паролемъ“?

— Тогда пущу.

— А какъ должòнъ допущать, ежели, примѣрно, идетъ?

— Кричать должо̀нъ.

— Какъ должо̀нъ?

— Кто идетъ?!?

— Нну?

— Что пароль?

— Брешешь!

Молчаніе.

— Что онъ тебѣ отвѣчать должо̀нъ?

— Не могу знать-съ.

— Дуракъ! Онъ скажетъ: „свой“, а ты что?

— Стой свой! что пароль?! Коли скажетъ—иди!

— Ну, ладно; а ружье можно давать?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Нико̀му?

— Только вамъ, да Государю Императору; коли ежели знаю въ лицо.

— Ладно—стой!

И вотъ среди безмолвной, глубокой ночи раздается пронзительный крикъ во всю глотку.

— Стой! Кто идетъ?!?

— Свой!

— Стой свой! Что пароль?!?

Если пароль объявленъ, часовой пропускаетъ. Нужно спать сномъ мертвеца, чтобы не вскочить, какъ сумасшедшему, отъ этихъ возгласовъ; кромѣ того, г.г. разводящіе и офицера, являясь ночью, изо всей мочи дергаютъ замки,

желая удостовѣриться въ ихъ крѣпости; офицера, въ свою очередь, спрашиваютъ „обязанности“ у часовыхъ и часто, особенно когда бываютъ пьяны, ругаются, среди ночи, громко и крѣпко за малѣйшую неточность или, просто, *привязываются*, желая показать власть.

Возвращаемся къ паролю. Солдатъ не могъ выговорить „Абобьернборгъ“; сначала слово это какъ будто и далось ему, но чѣмъ дальше, тѣмъ выходило все чудовищнѣе, а въ концѣ—концовъ солдатъ, ходя по корридору, уже нашептывалъ: Баербаръ, бирборъ, бирбробро... и т. д. Кто-то идетъ; часовой кричитъ: стой! Кто идетъ?!? Ему въ отвѣтъ: свой!—Стой свой! Что пароль? Пароль сказанъ, и солдатъ, по созвучію, предполагая, что пароль *тотъ*, пропускаетъ офицера, который, заглянувъ въ окошечки въ дверяхъ, обратился къ часовому за „обязанностями“ и, наконецъ, спросилъ: что пароль?

— Ббо—Бробохъ...

— Какъ?!?

— Бобогъ....

— Разводящій! скажи ему пароль и смѣнить его! *)

---

*) Офицеръ не имѣетъ права наказывать солдата *на часахъ*, а долженъ прежде *смѣнить*.

— „Абрибонбирбг..." подсказываетъ разводящій, самъ забывъ пароль, но строго глядя на часоваго.

— Какъ?!? переспрашиваетъ офицеръ у разводящаго.

— «Абрибобунгрбрг..» лепечетъ растерявшійся разводящій. На другой день оба, и часовой и разводящій, сидѣли на гауптвахтѣ.

Иной разъ часовые засыпали на часахъ, и только слезная мольба передъ разводящимъ спасала ихъ отъ суда; впрочемъ, попадались только молодые солдаты; старые спали такъ чутко, что легкіе шаги пробуждали ихъ, и они никогда не попадались. Ночныя тревоги бываютъ очень часто и требовательность, особенно неопытныхъ, молодыхъ часовыхъ, доходитъ до безобразія.

— Эй! Послушай! будитъ часовой среди ночи:—пусти-ка свѣту!

— Да развѣ тебѣ не видно?

— Говорятъ, пусти!

Черезъ нѣсколько времени опять будитъ:

— Послушай! Эй! какъ тебя?!

— Что?

— Треснетъ стекло: опусти огонь.

Или:

— Чего не спишь?

— Не хочу.

— Ты не разсказывай! Приказано, чтобы спали.

Послѣ З—скаго въ N—скомъ замкѣ смотрителемъ былъ нѣкій—нъ[1]), бурбонъ въ полномъ смыслѣ этого слова, глупый, грубый и атлетическаго сложенія. Эта приказная строка, заводя новые порядки, между прочимъ, вмѣсто керосину, ввелъ сальныя свѣчи безъ подсвѣчниковъ: свѣчи, догорая, расплывались, жгли столы, подоконники, и часовой то и дѣло будилъ арестанта тушить пожаръ или зажигать потухшую свѣчу.

Долго раздаются какіе-то звуки, какой-то гулъ, доносящійся изъ города и изъ камеръ арестантовъ; слышны отдѣльные возгласы, разговоры сторожей, расходящихся по домамъ; порой раздается раздирающіе душу крикъ или шумъ, на который прибѣгаетъ З—ій, чтобы „почесать кулаки", какъ онъ выражался. Но часовъ въ 10—наступаетъ безмолвная, мертвая, тяжелая тишина, прерываемая лишь возгласами часовыхъ; а то прогремятъ парашники съ полуразваленными деревянными бочками для очистки ретирадовъ, что дѣлалось ночью. Вонь въ это вре-

---

[1]) Преданъ суду въ 81 году. См. „Молва".

мя распространялась по всему замку невыносимая, такъ какъ благодаря разумной распорядительности N—ской думы, нечистоты вываливались изъ этихъ *герметически закупоренныхъ* бочекъ и половина экскрементовъ оставалась тутъ-же, во дворѣ.

ГЛАВА II-ая.

Тюремныя впечатлѣнія. Выдающіеся дни въ тюрьмѣ. Банщикъ и баня. Баня, какъ мѣсто интимныхъ свиданій. Отношеніе къ дѣтямъ. Смотрителя. Бунтъ. Всѣ-ли арестанты знаютъ, за что сидятъ? Отношеніе прокурорскаго надзора. Свѣтло-Христово Воскресеніе. Религіозность арестантовъ. „Подаянія". Рождество-Христово. Чѣмъ отличаются тюрьмы одна отъ другой.

Дни идутъ за днями незамѣтно; разсудокъ притупляется, засыпаетъ; впечатлѣній нѣтъ никакихъ, даже времена года какъ-то исчезаютъ, сливаются. Дворъ, подчищенный, точно бритая физіономія чиновника, всегда сухъ, чистъ и неизмѣненъ; развѣ выпадетъ снѣгъ—знаешь, что зима, вотъ и все; лѣто, весна не замѣтны: ни травинки, ни деревца, а высокія стѣны не позволяютъ взору окинуть внѣшній міръ. Зимою и лѣтомъ, осенью и весною—тѣ же звонки, тѣ же разговоры, прогулки; только зимою арестанты, дрожа отъ холода въ дырявыхъ, холодныхъ

халатахъ, полу-босые, гуляютъ не долго и предпочитаютъ сидѣть въ камерахъ.

Единственно небольшое разнообразіе тюремной жизни представляла баня, которую топили черезъ каждыя двѣ недѣли, по субботамъ.

Баньщикъ—довольно почетное лицо въ тюрьмѣ. Онъ обыкновенно назначался смотрителемъ по рекомендаціи Наума. Сначала баньщикомъ былъ М—акъ, но потомъ онъ былъ подвергнутъ остракизму за разныя незаконныя дѣянія: 1) за грубое обращеніе со „старшими“, 2) за то, что наровилъ мыться совмѣстно съ бабами, что ему нерѣдко и удавалось и, 3) довольно часто угощалъ угаромъ смотрителя и начальство. Вообще М—акъ довольно небрежно относился къ своимъ обязанностямъ, оставляя много воды для Домки, въ ущербъ семейству „старшаго“, который приводилъ въ баню всѣхъ своихъ птенцовъ. Послѣ М—ака былъ назначенъ недалекій, но хитрый молодой староверъ, Ярошенко; онъ, какъ и М—акъ, нанималъ за незначительную плату арестантовъ, которые таскали въ баню воду, дрова; самъ же Я—ко только приготовлялъ баню, т. е. въ извѣстное время стушивалъ огонь, разводилъ пары и, нужно сказать, былъ мастеръ своего дѣла. За баню съ арестантовъ Я—ко бралъ по 1 коп.

съ души, кромѣ смотрителя, политическихъ и стороннихъ посѣтителей, которые платили по 20—30 коп., а иногда и больше.

Хотя главный его заработокъ былъ отъ арестантовъ, его товарищей, но Я—ко относился къ нимъ крайне небрежно, давалъ мало воды (не болѣе ½ ведра на человѣка) и гналъ изъ бани, ожидая прихода начальства, когда арестанты еще не успѣвали обмыться. Мы уже не говоримъ о евреяхъ, которыхъ Я—ко ненавидѣлъ принципіально, какъ „нехристей“, и только несомнѣнный доходъ и начальство заставляли его пускать въ баню „жидовъ“, которыхъ онъ выпроваживалъ немедленно послѣ ихъ появленія.

Народу въ баню набивалось, какъ сельдей въ боченкѣ (сначала русскіе, потомъ евреи); эта толпа, забравшись во всѣ углы небольшой бани, стоя, лежа, сидя, прѣла, потѣла и парилась двумя—тремя вѣниками, съ жадностью выхватывая ихъ другъ у друга; потомъ, *вспрыснувши* себя водою—иного выраженія подобрать невозможно—голые арестанты, красные, какъ раки путешествовали по двору прямо въ камеры: предбанника не было, а одѣваться въ банѣ было невозможно.

Лѣтомъ прогулка эта совершалась медленно, „съ прохлажденіемъ“ и даже нѣкоторыми,

громогласно выражаемыми замѣчаніями относительно изъяновъ и качествъ тѣлесныхъ; зимою голыя тѣла скакали въ припрыжку, высоко подымая пятки, благодаря непріятному соприкосновенію распаренной кожи съ холоднымъ снѣгомъ.

Послѣ мужчинъ въ баню шли женщины, доставлявшія немало наслажденій баньщику. Баня, кажется, и была причиной беременности нѣсколькихъ бабъ, хотя начальство строго преслѣдовало это, такъ какъ смотритель за недосмотръ, кромѣ штрафа, могъ лишиться и должности.

Многія арестантки сидѣли вмѣстѣ съ дѣтьми, но это были дѣти, появившіяся на свѣтъ Божій еще до тюремнаго заключенія. Несчастныя созданія эти подвергались всѣмъ неудобствамъ заключенія, перенося тяжесть спертаго воздуха, непитательность отвратительной арестантской пищи, угаръ, холодъ, простуду и т. д.

Къ чести обитателей тюрьмы и даже часовыхъ, нужно сказать, что всѣ, безъ исключенія, относились къ дѣтямъ съ замѣчательною заботливостью, гуманностью и человѣчностью; часовые улыбались, глядя на маленькія существа, ползавшія и бѣгавшія по двору; а арестанты постоянно угощали дѣтвору тюремными ла-

комства и носили на рукахъ; не было настолько грубаго, черстваго человѣка, у котораго не появилась бы озаряющая лицо улыбка, какая-то задушевная, таящаяся въ глубинѣ души нѣжность, при видѣ невиннаго созданія, съ довѣріемъ простирающаго къ нему ручонки.

И какъ же оживляли дѣти тюрьму!

Словно откуда-то изъ невѣдомыхъ мѣстъ врывалась съ ними жизнь. Сколько затаенныхъ вздоховъ, сколько радостныхъ картинъ проносилось у всякаго, кто давно ни видѣлъ своихъ дѣтей, своихъ маленькихъ сестеръ, братьевъ...

Послѣ бани или до бани, какъ придется, арестантамъ самимъ смотрителемъ выдавалось чистое бѣлье, состоящее изъ рубашки, штановъ и онучь изъ грубаго холста. Бѣлье обыкновенно бывало всегда старое и рваное, несмотря на постоянную поставку новаго однимъ жидомъ-монополистомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, поставлялъ и значительный % выгоды и тюремному начальству. За послѣднее время въ N—скомъ замкѣ выдумали, чтобы арестанты сами шили бѣлье, такъ какъ въ мастерахъ различнаго сорта недостатка не было. Вещь хорошая, но, къ несчастью, большинство заработанной платы не доходило до рукъ арестантовъ, уже не говоря о гнилыхъ матеріалахъ. Са-

ноги, а напримѣръ, поставлялись такіе, что, при самой аккуратной носкѣ, не было физической возможности носить ихъ болѣе мѣсяца, а, между тѣмъ, въ годъ полагалось на арестанта всего двѣ пары, и заключенные дохаживали сроки босикомъ, не смотря на времена года и погоду; уже не говоря о томъ, что арестанты спали на голыхъ нарахъ безъ всякихъ постилокъ, и только въ наше время губернаторъ предписалъ выдать заключеннымъ мѣшки для сѣнниковъ, что и было исполнено тюремнымъ начальствомъ, но не особенно охотно.

Суббота вообще была наиболѣе интереснымъ днемъ недѣли. Смотритель, обыкновенно, въ этотъ день отправлялся съ „рапортомъ“ къ губернатору — это дѣлалось еженедѣльно — почему, впредь до его возвращенія, все откладывалось до очень поздняго часа.

Сначала З—ій, а потомъ—нъ, замѣнившій перваго и игравшій роль какого-то Зевеса, появлялись раннимъ утромъ въ субботу во дворѣ, разодѣтые въ пухъ и прахъ: новый мундиръ, гусарская сабля на мишурной серебряной лентѣ—чѣмъ очень гордились эти мелкіе полицейскіе чины—блестящее кепи съ бѣлой каемкой, бѣлыя, усердно хранимыя перчатки, составляли костюмъ смотрителей; они въ эти дни особенно

громко постукивали шпорами, закладывали руки за спину и гордо осматривали свое владѣніе съ точки зрѣнія чистоты и внѣшней опрятности, на которую преимущественно налегали всѣ чины административной и хозяйственной іерархіи, посѣщавшіе тюрьму.

Субботній день очень часто былъ днемъ посѣщенія сильныхъ міра сего, наводившихъ панику на всю обитель.

Наумъ, также разодѣтый, смиренно шествовалъ позади параднаго смотрителя съ опущенною, непокрытою головою, проницательнымъ взоромъ окидывая всѣ мѣста, откуда возможны были непріятныя выходки со стороны заключенныхъ, сидѣвшихъ, впрочемъ, въ это время на запорѣ.

При входѣ въ ворота смотрителя, неопытные солдаты отдавали ему честь, которая смотрителю не полагается, на что начальство не обращало якобы никакого вниманія или небрежнымъ маханіемъ руки давало знать, что... „не нужно!“ Иногда, въ эти торжественныя минуты, откуда ни брались, вдругъ возгласы.

— Ваше благородіе!

— Что тебѣ?

— Позвольте, ваше...

Но арестантъ обыкновенно не успѣвалъ оканчивать фразу.

— Вотъ я тебѣ позволю! отвѣчалъ грозно смотритель, грозя пальцемъ, обтянутымъ замшей.

Но были и такіе арестанты, преимущественно доносчики и работавшіе даромъ на начальство, а также личные друзья Наума, съ которыми смотрителя, а особенно З—ій, были ласковы и, не платя за трудъ, удостоивали отвѣтами и даже совѣтами.

Кстати, скажемъ нѣсколько словъ о смотрителяхъ. Первый З—ій, былъ въ сущности добрый, незлобивый, хотя и вспыльчивый человѣкъ. Но онъ былъ жаденъ до нельзя къ деньгамъ и за всю свою службу не отдалъ никому ни копейки изъ заработанныхъ денегъ, уже не говоря о томъ, что и собственныя деньги арестантовъ, отобранныя у нихъ въ конторѣ при поступленіи въ тюрьму, не возвращались арестантамъ ни въ тюрьмѣ, ни при выходѣ изъ нея. Жадность его доходила до чудовищныхъ размѣровъ; она превратилась въ страсть, и смотритель любилъ *самыя* деньги, хотя-бы ихъ и ни на что не тратилъ. Жилъ онъ скупо: плохо ѣлъ, не пилъ, не курилъ и не игралъ въ карты; страшный хвастунъ, онъ постоянно лгалъ о сво-

ихъ какихъ-то чинахъ и заслугахъ, хотя былъ сначала писцомъ, потомъ смотрителемъ въ одномъ тюремномъ замкѣ, гдѣ, усмиряя бунтъ, въ моментъ вспышки, велѣлъ, какъ разсказывалъ, стрѣлять въ арестантовъ, результатомъ чего было: смерть одного, нѣсколько пораненій и, по его словамъ, повышеніе. Онъ постоянно хвасталъ этимъ поступкомъ, доказывая неограниченную власть смотрителя надъ арестантами. Потомъ, излюбленною его темою были скабрезныя похожденія съ женскимъ поломъ, сальные анекдоты и проч. Но все-таки это была добрая душа, хотя арестанты и не долюбливали его; но имъ пришлось вспоминать о немъ, когда его смѣнилъ —нъ.

Послѣдній началъ систематическое извлеченіе всевозможныхъ выгодъ изъ подвѣдомственнаго ему замка: онъ пересталъ выдавать керосинъ, урѣзалъ продукты, уменьшилъ количество бань до одного раза въ мѣсяцъ, не отдавалъ денегъ и вошелъ въ полнѣйшее соглашеніе съ Наумомъ, который при новомъ смотрителѣ началъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, ругать стараго. Новый смотритель пересталъ совершенно разговаривать съ арестантами и за каждый проступокъ, за всякое слово оралъ громовымъ басомъ.

— Въ карцеръ его, каналью!

Арестанты боялись его взгляда и разбѣгались при одномъ его появленіи.

Однажды полиціймейстеръ, почти ежедневно посѣщавшій тюрьму, явился внезапно въ неназначенный часъ; арестанты не были заперты, и со всѣхъ сторонъ окружили начальника города, излагая свои просьбы. Смотритель скрежеталъ зубами, сжималъ кулаки, махалъ головою, но ничего не могъ подѣлать. Тактика запирать арестантовъ при посѣщеніи начальства, въ видахъ охраненія собственной персоны, была случайно нарушена, и хотя арестанты даже не жаловались на своего мучителя, а только спрашивали „по своимъ дѣламъ", но всѣ говорившіе съ полиціймейстеромъ были засажены въ карцеръ, а сторожа выруганы самыми послѣдними словами.

При этомъ же смотрителѣ произошелъ и *бунтъ*. Нужно замѣтить, что настолько З—ій часто посѣщалъ тюрьму, насколько—нъ не бывалъ въ ней и только иногда „заглядывалъ", какъ говорится. Но за то самъ Юпитеръ не былъ такъ грозенъ, какъ этотъ терюмный божокъ; онъ металъ изъ глазъ молніи, обсолютно не обращая вниманія ни на чьи слова, и направо, и на лѣво, рѣшительно за все сыпалъ: „въ карцеръ его!"

Вообще, этотъ смотритель очень многимъ отличался отъ перваго, даже въ обыденной жизни. Насколько первый былъ Плюшкинъ, настолько послѣдній отличался *широкою натурою* и на тюремные доходы игралъ въ карты, кутилъ и тратился на женщинъ. Наумъ пріобрѣлъ при немъ страшныя полномочія и возвысилъ своихъ друзей, такъ какъ самъ Юпитеръ считалъ слишкомъ низкимъ вникать въ тюремныя дѣла.

Арестантскій „староста", котораго избирали сами-же арестанты и могли, по закону, смѣнить его во всякое время, началъ положительно обирать своихъ товарищей, не обращая вниманія на протесты. Поэтому, когда смотритель запретилъ избирать новаго старосту, поднялся бунтъ, зачинщиками котораго явились Петровъ да Ивановъ.

Оба они сидѣли за очень ловкую кражу часовъ и драгоцѣнныхъ вещей на нѣсколько тысячъ у извѣстнаго, богатаго часоваго мастера; оба были не только грамотные, но и начитанные, причемъ Петрова было можно назвать человѣкомъ даже „образованнымъ".

Агитацію они повели чрезвычайно умно, наглядно, посредствомъ фактовъ, доказывая всю подлость „старосты" и его мошенническія продѣлки. Съ каждымъ днемъ они пріобрѣтали все

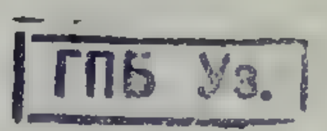
большую и большую партію, которая разбивалась на кружки и ораторствовала то громко, то потихоньку.

Небольшая партія „старосты“ и Наума искоса поглядывала на эти тайныя сообщества, и уже нѣсколько доносовъ было отправлено, но начальство молчало, ожидая поступковъ.

Однажды утромъ, въ субботу, когда смотритель во всѣхъ регаліяхъ появился, передъ отправленіемъ къ губернатору, во дворъ тюрьмы, къ нему подошла небольшая группа арестантовъ, изъ которыхъ выдѣлился Петровъ и началъ умно и дѣльно излагать смотрителю причину неудовольствія арестантовъ. Смотритель хотѣлъ было, по обыкновенію, уйти, но Петровъ заставилъ выслушать себя, и смотритель, несмотря на говорящаго и заложивъ руку за спину, началъ слушать устный докладъ, по временамъ кивая головой.

Петровъ произнесъ прекрасную рѣчь, гдѣ изложилъ по пунктамъ требованія арестантовъ, логично доказалъ необходимость выполненія законныхъ просьбъ арестантовъ, указывая на законъ о смѣняемости „старостъ“.

— Докажите мнѣ это! ни къ селу, ни къ городу, рявкнулъ вдругъ смотритель и удалился,

увидѣвъ, что количество арестантовъ увеличилось.

Поднялся глухой ропотъ; въ это время „староста“ проходилъ мимо арестантовъ съ кадкой, въ которой была мука; Петровъ выхватилъ кадку и, въ присутствіи всѣхъ, показалъ протухлую муку пополамъ съ пескомъ и известкой. Позвали смотрителя и указали ему на это.

— Хорошо, я разберу, сказалъ онъ и удалился.

Поднялся страшный шумъ, ругня. Староста и его партія молча удалились; забѣгали сторожа; часа черезъ два вызванъ былъ въ контору Петровъ и возвратился оттуда уже въ кандалахъ; потомъ тоже продѣлали и съ Ивановымъ; ихъ обоихъ засадили въ секретныя камеры, также, какъ и ихъ сторонниковъ, которыхъ, впрочемъ, не заковали въ кандалы.

Такой энергическій образъ дѣйствія испугалъ арестантовъ, и все моментально притихло; партія старосты подняла носъ.

Тутъ-то именно высказалась вся оборотная сторона нравственности арестантовъ; всѣ сочувствовавшіе Петрову и Иванову попрятались по камерамъ и даже, кромѣ незначительнаго числа лицъ, боялись подходить къ окнамъ камеръ, гдѣ были заперты протестанты; Петровъ и Ивановъ

упрекали ихъ въ трусости и продолжали все-таки изъ оконъ пропаганду.

Мы такъ и оставили ихъ въ „секретныхъ“; имъ нѣсколько разъ предлагали и совѣтовали просить извиненія у начальства, но они не соглашались и продолжали громогласно ругать смотрителя, несмотря на всѣ неудобства секретнаго заключенія, несмотря на то, что нѣсколько дней они вовсе были лишены прогулки, а послѣ имъ разрѣшили выходить на ½ часа только, и то съ конвоемъ. Лишь нѣсколько человѣкъ отнеслось къ нимъ хорошо и еще болѣе привязались къ нимъ; трусость-же большинства дошла до паники, хотя не было, собственно говоря, ни одной рѣзкой расправы. Арестанты перестали даже обращаться къ заключеннымъ „въ секретныя“ съ просьбами написать письмо, объяснить статью закона, прочитать „табельку“ *) и т. д.

Нужно отдать честь женщинамъ: хотя онѣ и не принимали участія въ бунтѣ, но дѣлали все для Петрова и Иванова, когда ихъ засади-

*) У каждаго арестанта были „табельки“—бумажки, на которыхъ излагается сюжетъ дѣла, мотивъ обвиненія и статьи, на основаніи которыхъ они осуждены: арестанты по большей части ничего въ этомъ не понимали.

ли въ одиночныя, и ничего не боялись, несмотря на могущую ихъ постигнуть кару.

Петровъ и Ивановъ постоянно требовали къ себѣ то полиціймейстера, то губернатора, но никто не являлся, такъ какъ смотритель, конечно, не передавалъ ихъ требованій, такъ точно, какъ не было возможности арестанту добиться повидать слѣдователя или прокурора; послѣдній за девять мѣсяцевъ всего два раза посѣтилъ тюрьму, да и то „по дорогѣ“.

На просьбы арестантовъ позвать кого-нибудь изъ начальства, смотритель кратко отвѣчалъ: „Сиди!“. А *прокурорчики* (такъ называли товарищей прокурора), если и *налетали* въ тюрьму, то моментально исчезали, не считая своей обязанностью *„вникать“*...

Черезъ нѣсколько дней послѣ „бунта“ явился полиціймейстеръ, но, подготовленный наговорами смотрителя, тоже не обратилъ вниманія...

„Староста“ остался тотъ-же, но, впрочемъ, пища стала немного лучше.

Чудная, весенняя ночь; весь воздухъ пропитанъ ароматами; темное-темное небо усѣяно яркими звѣздами; полночь; кругомъ торжественная тишина, точно готовится что-то особенное.

Милліоны душъ не спятъ, милліоны семей готовятся встрѣтить Великій праздникъ, Свѣтло-Христово Воскресенье.

Чу! дрогнулъ воздухъ, загудѣлъ одинъ колоколъ, другой, вотъ еще, и еще, и все слилось въ одно море гармоніи. На душѣ какъ-то легко, не чувствуешь никакой злобы, точно всѣхъ любишь. Мысленно переносишься туда, гдѣ все дорогое, близкое, на минуту забываешь, гдѣ ты. Вотъ раздался и тюремный колоколъ; и онъ сегодня звучитъ какъ-то особенно пріятно среди ночной темноты..

— Дальше ефтаго мѣста ристантовъ не пущать! разбиваетъ иллюзію разводящій; и солдаты, бряцая ружьями, выстроились у стѣнъ тюрьмы.

— Сторожа! выпускай арестованныхъ! раздается веселый голосъ старшаго, очень строго соблюдавшаго постъ и радующагося предстоящимъ розговинамъ.

Загремѣли засовы, застучали замки, и во дворѣ замелькали огни, задвигались тѣни; но лицъ не видно. На площадкѣ и по дорожкамъ зажжены плошки, освѣщающія свѣтлыми пятнами тюремныя стѣны; церковь вся залита огнями, а вверху таинственная тьма, переполненная звуками.

„Христосъ воскресе! смертью смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ", припоминается невольно: двигающіеся люди напоминають сущихъ во гробѣхъ. Сегодня ихъ праздникъ, праздникъ страждущихъ, несчастныхъ, которыхъ Великій учитель не отталкивалъ, находя и для нихъ слова любви и прощенія.

Умолкли звуки колоколовъ; слышенъ говоръ, шумъ, поцѣлуи, веселыя поздравленія. Христосъ воскресе!

Нигдѣ эта заутреня не казалась намъ такъ фантастична, привлекательна, какъ въ тюрьмѣ.

Да, это—тюремный праздникъ!

Утромъ и арестанты, и сторожа въ праздничномъ видѣ; „дворянинъ" досталъ гдѣ-то черные брюки и теперь въ полной черной парѣ. Подъ его руководствомъ пѣлъ хоръ, которымъ онъ управлялъ, и всегда, положимъ, но въ обыкновенныя воскресенья арестантовъ трудно было заставить пѣть.

Вообще, особенной религіозности у нѣкоторыхъ заключенныхъ было мало: иные недружелюбно относились и къ священнику, о. Петру, не смотря на то, что послѣдній былъ человѣкъ порядочный. Единственное лицо, поль-

зовавшееся уваженіемъ, былъ докторъ, де-Моренъ, дѣйствительно прекрасный человѣкъ.

Постоянно въ церковь ходили только женщины, наряжаясь, къ соблазну кавалеровъ, въ самыя лучшія одежды, арестанты-же ходили въ храмъ только въ большіе праздники: Рождество, Свѣтлое Воскресенье.

Праздникамъ всѣ радовались главнымъ образомъ потому, что въ эти дни обыкновенно приносили подаянія, а, слѣдовательно, замѣчалось и улучшеніе пищи, несмотря на львиную долю, которую оставлялъ себѣ староста, такъ какъ *онъ одинъ* имѣлъ право принимать подаяніе.

Подаяніе, по словамъ арестантовъ, за послѣднее время очень уменьшилось, за что всѣ, особенно *старожилы*, сидѣвшіе цѣлые годы въ тюрьмахъ, очень ругаютъ общество.

— А что? Какъ подаяніе?

— Что подаяніе? По три фунта не выходитъ.

— Безъ *казеннаго* сдохнешь.

— Забыли, черти проклятые! небось, сами жрутъ на волѣ!

— У насъ, въ Херсонѣ, на мѣсяцъ, бывало, хватаетъ.

— На мѣсяцъ!

— Провались на этомъ мѣстѣ! три дня возили—возили.

— А я, бывало, у архирея пасхи ѣсть не стану, а давай куличъ! Простаго мяса—не показывай. Возьмешь, обнаковенно, поросенка, да и то начинку выѣшь, а дальше и смотрѣть не хочешь, а потомъ—индюка. Крыло погрызешь, а больше опять начинку.

— Да что и говорить! Прежде, бывало, и сюда-то таскали много, а теперь не то.

Первые три дня Пасхи арестантовъ совсѣмъ не затворяли, а всѣ повѣрки производились во дворѣ. Только во время прогулки разодѣтыхъ „бабъ", мужчины нѣкоторое время сидѣли въ камерахъ; вообще льготы въ эти дни давались большія, хотя, собственно говоря, дѣлалось это потому лишь, что всѣ, начиная съ начальства и кончая служителями, всѣ въ лоскъ были пьяны. Появлялось начальство: арестанты строились въ ряды и на восклицаніе:

— Христосъ воскресе!

Всѣ разомъ галдѣли:

— Во истину, ваше высокоблагородіе, воскресе! Эти восклицанія повторялись троекратно, а въ первый день выпившее начальство даже лобызалось. Но, конечно, черезъ три дня начинались тѣ-же продѣлки, тѣ-же крики, карцеры и отвратительная пища. Праздникъ Рождества былъ менѣе веселый, особенно съ точки зрѣнія,

подаяній и улучшенія пищи, хотя арестанты находили развлеченіе, если не мѣшало начальство, которое считало обязанностью быть снисходительнымъ исключительно въ праздники Воскресенья Христова, считая ихъ, по рангу, выше праздниковъ Рождества.

На рождественскіе праздники арестанты устраивали маскарады, выворачивая шубы, вырѣзывая маски; играли въ снѣжки и т. п.

Мы коснулись, кажется, всѣхъ выдающихся сторонъ тюремной жизни и познакомили такимъ образомъ читателя съ застѣннымъ существованіемъ десятковъ тысячъ людей. Говоримъ „десятковъ тысячъ“ потому, что хотя мы описываемъ одну только тюрьму, въ которой не было даже тысячи человѣкъ, но всѣ русскія тюрьмы до того похожи одна на другую, жизнь во всѣхъ нихъ до того однообразна, что все сказанное объ одной вполнѣ примѣнимо и ко всѣмъ вообще. Нѣкоторыя измѣненія, варіаціи зависятъ въ большинствѣ отъ мѣстнаго начальства, и болѣе всего отъ смотрителя тюремнаго замка, безаппеляціоннаго владыки арестантовъ: хорошо, гуманно мѣстное начальство—и въ тюрьмѣ лучше, легче; строже—и въ тюрьмѣ хуже, ибо

часто законы у насъ воплощаются, по правдѣ сказать, въ лицахъ, распоряжающихся статьями...

Исключеніе изъ общаго правила составляютъ такъ называемыя „центральныя каторжныя тюрьмы“, и изъ нихъ особенно отличались *харьковскія*, когда тамъ содержались „государственные“, высланные графомъ Лорисъ-Меликовымъ въ Сибирь, на карійскіе промыслы; государственные всегда усугубляютъ своимъ присутствіемъ строгость, которая отчасти распространяется и на уголовныхъ, хотя вообще въ „центральныхъ“ обращаются, какъ говорится, „безъ послабленія“.

Далѣе, исключенія представляютъ крѣпости вообще и „Петропавловская“ въ частности: здѣсь вовсе нѣтъ общественной арестантской жизни, а только тяжелая одиночная; потомъ, „Домъ Предварительнаго заключенія“ и наконецъ, своеобразныя сибирскія тюрьмы, съ которыми читатель ознакомится впослѣдствіи; всѣ же остальныя россійскія тюрьмы, повторяемъ, похожи другъ на друга, а потому нѣтъ надобности описывать каждую изъ тѣхъ, въ которыхъ приходится побывать арестанту, долженствующему отправиться въ концѣ-концовъ въ Сибирь; не скажемъ ничего и о московской тюрьмѣ, этомъ сборномъ пунктѣ всѣхъ отпра-

вляемыхъ въ Сибирь, изъ какого-бы мѣста нашего необъятнаго отечества ни ссылались они.

Теперь мы начнемъ прямо съ момента отправленія арестанта изъ Москвы, прослѣдимъ его жизнь въ пути и сообщимъ читателю нѣкоторыя свѣдѣнія о Сибири: „отъ сумы, да отъ тюрьмы не отказывайся“ гласитъ опытомъ жизни выработанная русская пословица,—кто знаетъ, можетъ, и тебѣ, читатель, или твоимъ близкимъ, придется прошагать „въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя“; мы и сами не думали совершить этого путешествія, а пришлось.

ГЛАВА III-я.

Отправленіе партіи изъ Москвы. Арестантскій поѣздъ. Отъ Москвы до Нижняго-Новгорода. Нижній-Новгородъ. Пересадка арестантовъ изъ вагоновъ на баржу. Баржа. Экономическое положеніе арестантовъ. Волга. Казань. Кама. Зимній путь отъ Нижняго до Перми. Уральская желѣзная дорога. Екатеринбургская тюрьма. Екатеринбургъ. Екатеринбургскій уѣздъ.

Тихій, ясный день; солнце склоняется къ западу; длинныя тѣни домовъ покрываютъ часть улицы, прилегающей къ западной сторонѣ московской пересыльной тюрьмы; возлѣ высокой стѣны замка, поставивъ свои ружья въ козлы, сидятъ и лежатъ десятка четыре солдатъ; по улицѣ бродитъ нѣсколько старухъ, двѣ—три чуйки; всѣ чего-то ждутъ.

Вотъ показался молодой, стройный офицеръ въ сопровожденіи бойкаго унтера; раздалось грозное „строй-ся!“, солдаты мигомъ вскочили, выстроились въ два ряда, въ длину улицы, оставивъ широкій проходъ—и изъ воротъ тюрь-

мы медленно стали выходить больные и семейные арестанты съ женами и дѣтьми, и тотчасъ усаживались на стоявшія тутъ-же, подлѣ тюрьмы телѣги съ вещами, принадлежащими партіи.

Потомъ, громко звеня кандалами, вышли каторжане, поселенцы, „общественники“ (высылаемые по приговору обществъ) въ наручняхъ, и, наконецъ, женщины, всѣ были разставлены рядами и нѣсколько разъ пересчитаны солдатами и офицеромъ, въ вѣдѣніе котораго партія была передана.

Несмотря на однообразіе арестантскихъ костюмовъ (сѣрые халаты съ тузами или безъ оныхъ, и сѣрыя, безъ козырьковъ, шапки) стоило немного вглядѣться, и вы могли бы замѣтить поразительное разнообразіе лицъ: какихъ здѣсь только не было типовъ! кажется, каждая полоса Россіи, каждая національность и губернія имѣли своихъ представителей. Вотъ стоитъ, почесывая затылокъ, добродушный старикъ—хохолъ; рядомъ съ нимъ широколицый, смуглый татаринъ; вонъ юркій сынъ израиля; далѣе „кичливый ляхъ“ гордо поглядываетъ на окружающихъ, покручивая свой усъ, даже въ кандалахъ не забывая, что онъ „шляхцицъ“; возлѣ „пана“ нѣсколько молодыхъ, красивыхъ

горцевъ, рѣзко отличающихся отъ малорослаго, больнаго бѣлорусса.

Среди женщинъ бросались въ глаза каторжанки въ чистыхъ, бѣлыхъ платочкахъ, красиво повязанныхъ на головахъ: дочерей Евы, видно, и здѣсь не покинуло присущее ихъ полу кокетство.

Изъ тюремной башни, въ окнахъ которой видно было нѣсколько молодыхъ, женскихъ лицъ, раздались пожеланья счастливаго пути; многіе арестанты, снявъ шапки (при этомъ обнажились ихъ обезображенныя, на половину бритыя, головы), благодарили и кланялись; наконецъ, отданъ приказъ: „впе—редъ! маршъ“! Нѣкоторые торопливо стали креститься, и партія двинулась.

Небольшая толпа зрителей стала расходиться, грустно глядя вслѣдъ ушедшимъ „несчастненькимъ“; многіе, быть можетъ, вспомнили, что и они когда-то провожали такихъ же несчастныхъ, но близкихъ, дорогихъ, безъ вѣсти пропавшихъ въ этой ужасной Сибири.

Тюремное начальство тоже направилось по домамъ, съ наслажденіемъ мечтая объ отдыхѣ и обѣдѣ. Скоро на недавно шумной улицѣ водворилась тишина, прерываемая лишь мѣрными

шагами часовыхъ, да порой грустной пѣсней изъ башни....

Партія по многолюднымъ улицамъ первопрестольной, окруженная довольно многочисленнымъ воинствомъ, направляется между тѣмъ къ смоленскому вокзалу, откуда ее и перевозятъ уже въ вагонахъ на нижегородскій.

Москвичи слишкомъ привыкли къ подобному зрѣлищу (за время навигаціи отправляютъ по шести партій въ мѣсяцъ), чтобы обращать на него особенное вниманіе; развѣ какой-нибудь быстроглазый мальчишка, забывъ, что надо поскорѣй вернуться домой, подойдетъ близко къ партіи, и, заинтересованный странными фигурами, зашагаетъ вслѣдъ за ними, пока не получитъ тумака отъ конвойнаго; или сердобольная калачница подастъ пару калачей, да двѣ—три копѣйки за упокой какого-нибудь раба божія, а не то какая-нибудь „Адель“, развалясь въ прекрасной коляскѣ, наведетъ лорнетъ на „ces pauvres canailles“, указывая на нихъ своему кавалеру.

Большинство же встрѣчныхъ и сидѣльцевъ даже не оглянется, стоя въ дверяхъ своихъ лавокъ, когда по улицѣ раздается звонъ кандаловъ.

А приходитъ-ли кому въ голову, какой путь предстоитъ этимъ отверженнымъ, изгоняемымъ

изъ общества, людямъ. Что же ждетъ ихъ впереди? куда и зачѣмъ ихъ отправляютъ?

Но оставимъ Москву съ ея обитателями и поспѣшимъ на нижегородскій вокзалъ, куда уже прибыла вся партія.

Поѣздъ, въ который были помѣщены арестанты, состоялъ изъ вагоновъ третьяго класса, которые отличались отъ обыкновенныхъ только окнами съ рѣшетками; ѣхать въ нихъ было бы не дурно, если-бы неслишкомъ большое количество арестантовъ, которымъ пришлось расположиться не только на скамейкахъ, но и подъ ними, и въ проходахъ. Если прибавить ко всему этому затворенныя окна и отсутствіе вентиляціи, то гигіеническое положеніе ссылаемыхъ будетъ обрисовано сравнительно подробно.

Въ 9 ч. вечера по нижегородской дорогѣ двинулся поѣздъ, три вагона въ которомъ были заняты политическими, частью приведенными изъ московской пересыльной тюрьмы, частью привезенными утромъ изъ Петербурга.

Отъ Москвы чрезъ Владиміръ до Нижняго, среди лѣсовъ по обѣимъ сторонамъ дороги, поѣздъ идетъ (410 вер.) почти сутки, въ продолженіе которыхъ арестанты питаются той не прихотливой, состоящей въ большинствѣ изъ одного хлѣба, провизіей, которой запасаются въ

Москвѣ, такъ какъ, при дороговизнѣ всего на вокзалахъ, получая по 10 коп. (привилегированные 15 коп.) „*кормовыхъ*“ въ сутки, они, понятно, не могутъ ничего покупать, кромѣ кипятку, доставленіе котораго возлагается на конвой.

На слѣдующій день вдали блеснули позолоченные куполы многочисленныхъ нижегородскихъ церквей, показались бѣлыя зданія и скоро поѣздъ, уменьшивъ ходъ, сталъ приближаться къ городу, амфитеатромъ расположенному на берегахъ Оки и Волги, при впаденіи первой въ послѣднюю. Нижній—одинъ изъ лучшихъ приволжскихъ городовъ, всѣмъ извѣстный своею знаменитою ярмаркою, которая ежегодно бываетъ здѣсь отъ 25 іюля по 10 сентября включительно. Ярмарка происходитъ не въ самомъ городѣ, а на полуостровѣ, омываемомъ съ одной стороны Окой, съ другой—Волгой; часть этой мѣстности, называемой Кунавино, весною заливается водою, а во время ярмарки соединяется съ городомъ плавучимъ мостомъ.

Будучи и вообще городомъ порядочнымъ, Нижній во время ярмарки совершенно преображается: почти пятидесятитысячное населеніе его превращается въ двухсотъ-тысячное, съ представителями чуть не всѣхъ странъ свѣта,

не говоря уже о всѣхъ національностяхъ, обитающихъ въ предѣлахъ Европейской и Азіятской Россіи. Сюда пріѣзжаютъ сыны Небесной Имперіи, народы малой и средней Азіи; здѣсь можно встрѣтить народности западной Европы; на полуостровѣ, словно изъ земли, выростаетъ городъ, загроможденный товарами на сотни милліоновъ рублей; какъ грибы, выростаютъ театры, цирки, рестораны, биргале; пѣвцы, пѣвицы, фокусники, актеры, музыканты летятъ въ это время въ Нижній со всѣхъ сторонъ; пароходы и поѣзда ежеминутно уходятъ и приходятъ; словомъ, жизнь въ Нижнемъ во время ярмарки бьетъ ключемъ. Прежде ярмарка происходила въ уѣздномъ городѣ Макарьевѣ, и переведена была въ Нижній лишь въ 1817 году, благодаря тому, что въ 1816 году страшный пожаръ уничтожилъ всѣ ярмарочныя постройки въ Макарьевѣ.

Положеніе на судоходныхъ рѣкахъ, ярмарка, желѣзная дорога,—все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ Нижній важнымъ торговымъ пунктомъ. Основаніе этого города относятъ къ 1221 году. Изъ числа достопримѣчательностей указываютъ на Кремль, въ которомъ поставленъ памятникъ Минину и Пожарскому, и на дома: Пальца и Пушникова: въ 1-мъ Петръ В. прожи-

валъ въ 1698 году, а во второмъ, въ 1722, обѣдалъ.

Простоявъ нѣсколько времени около вокзала, поѣздъ двинулся назадъ, къ волжской пристани; уклонъ на этомъ пути таковъ, что, несмотря на самый медленный ходъ, въ голову приходитъ мысль о возможности опрокинуться съ вагонами. Не доѣзжая до пристани, локомотивъ отцѣпили, а вмѣсто него припрягли лошадей; такой оригинальный поѣздъ, при крикахъ ямщиковъ, погонявшихъ лошадей, быстро доѣхалъ до пристани, и вскорѣ начался выходъ партіи изъ вагоновъ на баржу, среди двухъ рядовъ солдатъ. Первыми вышли политическіе: сначала каторжане, одѣтые въ такой же костюмъ, какъ и уголовные; они несли свои мѣшки съ вещами; за ними слѣдовали „административные" въ своихъ платьяхъ; каторжане были бритые и въ кандалахъ.

Послѣ политическихъ перевели и уголовныхъ, и черезъ часъ съ небольшимъ вся партія и ея багажъ*) были уже на баржѣ, которую буксировалъ пароходъ „Фабрикантъ", компаніи Кур-

---

*) Каждому арестанту разрѣшается брать съ собой отъ 30 ф. до 5 пуд. вещей, смотря по тому, лишенный ли онъ правъ, или нѣтъ.

батова и Игнатова*); вскорѣ баржу отвели отъ берега, хотя въ путь двинулись только въ 2 часа по полуночи.

Баржа—это довольно большое судно въ 255 ф. ширины, съ маленькими, невысоко надъ водою, окнами и крытой палубой; крыша палубы укрѣплена на желѣзныхъ столбахъ, между которыми натянута густая проволочная рѣшетка, проходящая вдоль съ обѣихъ сторонъ той части баржи, которую занимаютъ арестанты (на носу и на кормѣ крытой палубы нѣтъ); такая же рѣшетка раздѣляетъ палубу на двѣ почти равныя части, которыя сообщаются посредствомъ двигающейся на блокахъ рѣшетчатой желѣзной двери; такія же двери при входахъ. Благодаря проволочной рѣшеткѣ, палуба напоминаетъ тѣ клѣтки, въ которыхъ бабы возятъ на базаръ животныхъ пернатаго царства.

Во время непогоды спускаютъ парусинный брезентъ, такъ что, въ общемъ, палуба баржи сносна: и свѣту довольно, и отъ непогоды за-

---

*) Пароходы компаніи „Курбатова и Игнатовыхъ" всегда буксирують баржи съ арестантами, благодаря чему на этихъ пароходахъ путь отъ Нижняго до Перми совершается въ 5 сутокъ съ лишнимъ, тогда какъ не буксирные пароходы проходятъ это разстояніе (1,404 вер.) въ четверо сутокъ; а пароходъ братьевъ Каменскихъ, особенно одинъ изъ нихъ „Өеодоръ", отапливающійся нефтью, совершаетъ этотъ путь почти въ трое сутокъ.

щищаетъ; одно неудобство: нѣтъ ни столовъ, ни скамеекъ, такъ что приходится и сидѣть, и обѣдать на грязномъ полу.

На палубѣ же устроена и кухня; есть большой умывальникъ, и тутъ же, рядомъ ватерклозетъ, но до того темный, что неизвѣстно, для кого онъ предназначенъ.

Въ нѣскольъкихъ мѣстахъ палубы устроены желѣзныя рѣшотчатыя двери, поднимающіяся снизу вверхъ: это ходъ въ каюты, которыхъ на баржѣ четыре: самая большая—152 фут. длины и около 24 фут. ширины, на 202 человѣка; самая меньшая на 100.

Каюты расположены въ нижней части баржи; внутри ихъ устройство слѣдующее: посерединѣ очень широкія нары, но такія высокія, что ни больные, ни женщины не могутъ на нихъ взобраться, за отсутствіемъ скамеекъ, или чего-либо въ этомъ родѣ, и принуждены спать подъ нарами. Таковыя-же нары придѣланы и возлѣ поперечныхъ стѣнъ, а подлѣ оконъ, вдоль каютъ, тянутся длинныя доски, замѣняющія столы. Окна расположены по три съ обѣихъ сторонъ каюты; они узки и малы (полъ аршина ширины и четверть аршина вышины),—имѣя вмѣсто рѣшотокъ по краямъ желѣзные зубцы. Свѣту отъ этихъ окошечекъ очень мало, такъ

что, когда спустишься въ каюту со свѣтлой палубы, сразу глазъ не въ состояніи ничего разглядѣть; читать и шить можно только у самаго окна, что, благодаря малому количеству оконъ, доступно очень немногимъ.

При томъ количествѣ арестантовъ, какое помѣщается на баржѣ, духота въ каютахъ, понятно, страшная, тѣмъ болѣе, что даже при открытыхъ окнахъ, вентиляція происходитъ только во время движенія баржи; когда-же она останавливается, воздухъ дѣлается еще болѣе тяжелъ и удушливъ. О вентиляціи искусственной, конечно, нѣтъ и помину.

На баржѣ есть и фельдшеръ и аптека; хотя, собственно, послѣдняя есть фикція, а въ дѣйствительности, аптека не заслуживаетъ этого названія: нѣсколько пузырьковъ съ самыми невинными средствами, нѣсколько коробочекъ, разновѣски съ вѣсами, мензурки, вотъ и все, такъ что въ дорогу тѣмъ, у кого есть средства, необходимо запасаться самыми обыкновенными медикаментами въ родѣ хины, Доверова порошка, желудочныхъ капель, какихъ-нибудь лекарствъ противъ ревматизма, такъ какъ для развитія послѣдней болѣзни имѣются всѣ условія.

Одно изъ такихъ условій миніатюрная кухня, въ которой печь сдѣлана изъ кирпича, обшитаго

листовымъ желѣзомъ; стѣны изъ такого-же желѣза.

Въ кухнѣ четыре котла, въ одномъ, большомъ, готовятъ обѣдъ арестантамъ, въ другомъ—для нихъ-же кипятокъ; а въ остальныхъ — обѣдъ конвоирамъ. Чтобы нагрѣть котлы, нужно топить печь часа три, вслѣдствіе чего въ кухнѣ развивается сильнѣйшій жаръ (до 60 град.); арестанты, готовящіе обѣдъ, обливаются потомъ, а тутъ-же, сбоку, сдѣлано въ кухнѣ окошечко, въ которое страшно дуетъ; да и вездѣ на баржѣ дуютъ сквозные вѣтры. и здѣсь не только ревматизмъ, не мудрено схватить и параличъ.

Еще слово о вентиляціи: кромѣ оконъ, воздухъ очищается еще и черезъ трубы, проведенныя изъ потолка каютъ на самую верхнюю палубу. Чтобы составить себѣ ясное понятіе о воздухѣ въ каютахъ, напомнимъ, что въ нихъ бываетъ по 200 человѣкъ, что во время холода, не имѣя чѣмъ хорошо укрыться, арестанты не отворяютъ оконъ, и даже, часто, имъ приходится затыкать трубу, такъ какъ изъ нея дуетъ, благодаря чему близко около трубы лежать не возможно, а мѣста не такъ много, чтобы оставлять часть наръ пустыми.

Кромѣ выше описанныхъ каютъ, находящихся въ нижней части баржи, есть еще и на вер-

ху: каюта начальника баржи, больница, аптека, помѣщеніе для конвойныхъ и каюта „привилегированныхъ“; дверь послѣдней выходитъ въ сквозной корридорчикъ съ рѣшотчатыми дверьми, изъ которыхъ одна ведетъ на палубу, другая—на носовую часть баржи; благодаря такому устройству, когда выходите изъ каюты, васъ охватываетъ страшный сквозникъ.

Каюта привилегированныхъ очень маленькая, но свѣтлая, съ двумя рѣшотчатыми окнами и двумя ярусами наръ, при чемъ верхній ярусъ такъ близокъ къ нижнему, что удивляешься, какъ могутъ дышать спящіе внизу?

Партія, о которой идетъ рѣчь, состояла изъ 500 слишкомъ уголовныхъ арестантовъ и 42 политическихъ; первые помѣщались въ 3-хъ каютахъ, гдѣ проводили весь почти день, выходя на палубу не на долго; для вторыхъ отдѣлили брезентомъ небольшую часть палубы: мужчинамъ отвели самую меньшую каюту внизу, а женщинъ (11) помѣстили въ каютѣ привилегированныхъ. Въ мужской каютѣ находился и сопровождавшій партію довольно многочисленный конвой, который здѣсь и спалъ, и ѣлъ, благодаря чему воздухъ и при открытыхъ окнахъ былъ крайне тяжелый.

Во время путешествія на баржѣ партія кор-

мовыхъ не получаетъ, а кормится „на котлѣ“, какъ говорятъ арестанты: офицеръ, завѣдующій баржей, закупаетъ провизію и для партіи, и для конвоя.

Политическіе арестанты, у которыхъ конвой отдѣльный отъ уголовныхъ, получая кормовыя, покупаютъ провизію у офицера и варятъ себѣ обѣды въ общей кухнѣ, когда котлы свободны; кромѣ того, какъ имъ, такъ и уголовнымъ, разрѣшаютъ покупать на пристаняхъ молоко, яйца, рыбу и пр.; дѣлаютъ это, понятно, арестанты не сами, а черезъ солдатъ.

Вообще, въ отношеніи питанія, баржа представляетъ для партіи гораздо больше удобствъ, чѣмъ желѣзныя дороги, гдѣ все очень дорого, а кормовыхъ въ обрѣзъ, особенно если судьба воспроизвела кого изъ такъ называемаго „непривилегированнаго сословія“ (дворянамъ15 к., не дворянамъ 10 к.)

27-го ночью пароходъ нашъ отчалилъ и пошелъ по Волгѣ, на Макарьевъ, Васильсурскъ, Козьмодемьянскъ, Чебоксары, Свіяжскъ, къ Казани. Благодаря прекрасной погодѣ, арестанты могли свободно любоваться этой великой рѣкой, съ ея довольно высокимъ правымъ берегомъ, на счетъ котораго сострилъ еще покойный „Доб-

ролюбовъ, и низменнымъ лѣвымъ, а также встрѣчавшимися красивыми, но съ медленнымъ ходомъ, трехъ-этажными пароходами американской системы.

28-го мы увидѣли древнюю столицу татарскаго царства, Казань, которая стоитъ не на самой Волгѣ, а въ 7-ми верстахъ отъ нея, на р. Казанкѣ, впадающей въ Волгу, благодаря чему для осмотра города нужно немало времени, а между тѣмъ городъ интересенъ во многихъ отношеніяхъ. На нынѣшнемъ мѣстѣ онъ существуетъ съ XV столѣтія, и теперь не уступаетъ лучшимъ городамъ Россіи, какъ въ торговомъ, такъ и въ культурномъ отношеніи. Не говоря ужъ о томъ, что благодаря университету, онъ служитъ очагомъ высшаго образованія для громадныхъ восточныхъ русскихъ окраинъ. Казань, какъ центръ магометанскаго населенія, играетъ важную роль для татаръ, имѣющихъ здѣсь *свой* университетъ — высшее татарское училище *медресэ*. Названіе „лучшаго уголка Москвы“ вполнѣ подходитъ къ этому красивому городу съ массою церквей, мечетей, мощеными улицами, конками, 10-ю площадями, кремлемъ, построеннымъ въ 1552 году, послѣ взятія Казани, и почти стотысячнымъ населеніемъ. Проектируемая на Казань желѣзная дорога при-

дастъ еще большее значеніе этому городу и оживитъ его.

У казанской пристани пароходъ стоялъ недолго; черезъ часъ, много два, онъ двинулся дальше, и въ тотъ-же день повернулъ въ *Каму*, при впаденіи которой Волга описываетъ дугу, поворачивая на Астрахань. Берега *Камы* до г. *Лаишева* скучны и пустынны; кой-гдѣ попадаются бѣдныя деревушки, напоминающія мѣсто продѣйствія и жизни „Подлиповцевъ“: такъ и проходятъ передъ глазами драмы изъ неприглядной жизни „Сысоекъ“, „Пилы“, „Афроськи“ и другихъ.

Около *Елабуги* мѣстность веселѣе, и, чѣмъ дальше, тѣмъ становится красивѣе. Возлѣ г. *Сарапуля*, славящагося сапожными издѣліями, бросается въ глаза густой лиственный лѣсъ, среди котораго мѣстами возвышаются темныя пирамидальныя ели. Къ числу красивыхъ мѣстъ можно причислить небольшую станцію, состоящую изъ двухъ домиковъ, подъ отвѣснымъ берегомъ Камы, „Пьяный Боръ“; самые-же живописные виды возлѣ г. *Осы*, особенно станція „Усть-рѣчье“. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, называемыхъ „перекатами“, Кама очень широка и глубока и на всемъ протяженіи судоходна; пароходство на ней развито не менѣе,

чѣмъ на Волгѣ. Ѣхать по Камѣ намъ пришлось недолго: на шестой день послѣ отъѣзда изъ Нижняго, мы прибыли въ Пермь. Прежде чѣмъ описывать дальнѣйшій путь, считаемъ не лишнимъ познакомить читателя съ зимнимъ путемъ отъ Нижняго до Перми.

Позднею осенью и зимою, во время прекращенія навигаціи, сообщеніе между упомянутыми городами совершается на почтовыхъ, по большой дорогѣ, бывшей ,,владиміркѣ", которая отъ Нижняго идетъ по правому берегу Волги, недалеко отъ Казани пересѣкаетъ эту рѣку, и дальше идетъ до Камы, къ Перми, перерѣзавъ около г. Малмыжа довольно большую, судоходную р. Вятку. До Казани путь идетъ по однообразной, но населенной мѣстности. Кромѣ русскихъ, здѣсь встрѣчаются *черемисы*, около Нижняго, и *чуваши*, подъ Казанью. И русскія, и инородческія поселенья поражаютъ своею бѣдностью и однообразіемъ построекъ, среди которыхъ выдѣляются только почтовыя станціи съ государственными гербами, и неизмѣнными столбами у крыльца.

Мѣстность отъ Казани до Перми болѣе разнообразна, лѣсиста; лѣсъ преимущественно хвойный съ изряднымъ количествомъ волковъ и лисицъ; попадаются и медвѣди.

Сейчасъ за Казанью живутъ *татары*, а дальше *вотяки*, народъ финскаго племени; послѣдніе, подобно *чувашамъ* и *черемисамъ*, оффиціально считаются христіанами, но названіе язычниковъ къ нимъ больше подходитъ.

Путешествіе по зимнему пути между Нижнимъ и Пермью гораздо дороже, чѣмъ на пароходѣ, на которомъ берутъ за проѣздъ слѣдующую плату: I-й классъ 13—руб.; II-й отъ 6 до 10 руб., смотря по пароходу; III-й—3 р.; *) на почтовыхъ 4 коп. за лошадь съ версты.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о *Перми*. Городъ этотъ стоитъ на влѣвомъ берегу Камы, немного ниже впаденія въ нее *Чусовой*. Это уже послѣдній губернскій городъ Европейской Россіи на С. В., такъ какъ Пермская губернія соприкасается съ губерніями Азіятской Россіи. Болѣе 300 лѣтъ тому назадъ мѣсто, гдѣ стоитъ теперь Пермь, принадлежало историческому Строганову; плѣнный шведъ Берменъ, въ 1723 году, устроилъ здѣсь мѣднопла́вильный заводъ, который черезъ 57 лѣтъ былъ переименованъ въ г. Пермь. Развитію

---

*) Не смотря на дешевизну продуктовъ въ этой мѣстности, цѣны въ буфетахъ очень высоки. Для пассажировъ I-го и II-го кл. имѣются книги и газеты.

его, несмотря на отдаленность, способствовало положеніе на судоходной Камѣ, въ мѣстности, издавна извѣстной богатствомъ мѣдной руды, благодаря чему здѣсь и въ настоящее время есть пушечно-литейный заводъ съ знаменитымп, по вѣсу, молотомъ и наковальней. Съ проведеніемъ уральской-горнозаводской желѣзной дороги, городъ пріобрѣлъ еще болѣе важное значеніе и немало оживился. Пермь походитъ на массу среднихъ, если можно такъ выразиться, губернскихъ городовъ Европейской Россіи; жителей до 40 т. Уральская желѣзная дорога идетъ отъ Перми до Екатеринбурга; до вокзала въ Перми отъ пристани всего нѣсколько саженей; вагоны лучше, чѣмъ на русскихъ дорогахъ: такого устройства вагоны мы видѣли только на николаевской дорогѣ; поѣздъ идетъ мѣстами быстро, мѣстами довольно медленно.

Арестантскіе вагоны съ рѣшотками, высокіе, и съ вентиляторами въ потолкахъ; они удобнѣе, чѣмъ на многихъ дорогахъ, но и здѣсь такая-же масса арестантовъ и конвоя, какъ и на нижегородской дорогѣ, и потому та-же духота. Начиная отъ Перми, уральская дорога идетъ между Чусовою, съ одной стороны, отрогами Урала, съ другой; далѣе она проведена винтообразно, зигзагами, отъ подножія къ высотамъ

Урала, благодаря чему вы часто видите въ окно передъ собою ту часть дороги, которую только что проѣхали. Мѣстность измѣняется на каждомъ шагу: то поѣздъ идетъ по довольно возвышенному мѣсту, имѣя по одну, или по обѣ стороны, большіе овраги, густо поросшіе лѣсомъ, изъ-за котораго выдвигаются верхушки высокихъ горъ; то онъ входитъ въ ущелье, среди обнаженныхъ боковъ горъ.

О красивыхъ видахъ и говорить нечего: ихъ очень много на этомъ пути, но особенно обращаютъ на себя вниманіе ландшафты на ст. *Чусовой*, а также мѣстность между ст. *Ермакъ* и *Архиповка*.

Вокзалы на всѣхъ 34 станціяхъ деревянные, новые, съ садиками и расположены возлѣ заводовъ, которыхъ на пути очень много; ст. *Европейская*, *Уральская* и *Азіятская* показываютъ направленіе дороги; послѣдняя изъ нихъ находится уже на азіятской сторонѣ Урала, хотя принадлежитъ пермской губерніи, какъ и остальныя 11.

На другой день послѣ отъѣзда изъ Перми, арестантскій поѣздъ прибылъ въ Екатеринбургъ, гдѣ партія останавливается на нѣкоторое время; пріѣхавшіе съ нами 42 чел. политическихъ уѣхали сейчасъ-же на ожидавшихъ ихъ трой-

кахъ по екатеринбургско-тюменскому тракту въ Тюмень *), а партію уголовныхъ отправили съ вокзала въ тюрьму; шли всѣ пѣшкомъ, кромѣ больныхъ и дѣтей, которые пользуются правомъ ѣхать на телѣгахъ съ вещами. До тюрьмы отъ вокзала нѣсколько верстъ; дорога идетъ за городомъ, который виднѣется вдали. Тюрьма въ Екатеринбургѣ, нельзя сказать, чтобы была изъ хорошихъ: грязный, хотя вымощенный камнемъ, дворъ, зловонный корридоръ съ такими же камерами—вотъ что видите при бѣгломъ осмотрѣ замка.

Подлѣ екатеринбургской тюрьмы, какъ и возлѣ многихъ другихъ, о которыхъ скажемъ ниже, расположено кладбище: momento mori!

Изъ Екатеринбурга возятъ всѣхъ арестантовъ безъ исключенія до самой Тюмени, но небольшими партіями, и потому нѣкоторымъ приходилось по долгу ожидать отправки.

Прежде чѣмъ послѣдовать дальше, познакомимся хотя бѣгло съ Екатеринбургомъ.

Это уѣздный городъ Пермской губерніи, находящійся въ 363 вер. къ Ю. В. отъ Перми,

---

*) Рѣчь идетъ о 83 годѣ, а желѣзн. дор. окончена въ 85 г. между Екатеринбургомъ и Тюменью, что избавляетъ отъ страшно-утомительной ѣзды на тройкахъ.

если считать не по желѣзной дорогѣ, а по бывшему сибирскому тракту; расположенъ онъ по обѣимъ берегамъ р. *Исети.*

Основатель Екатеринбурга—Петръ Великій, который такъ тщательно розыскивалъ богатства Россіи и немедленно утилизировалъ ихъ. Уралъ сразу обратилъ на себя вниманіе проницательнаго царя, и по его приказу, въ 1723 году, возникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь городъ, желѣзодѣлательный заводъ, названный въ честь Екатерины. Петръ не ошибся: Екатеринбургъ дѣйствительно стоитъ въ удобномъ мѣстѣ, что, по правдѣ сказать, рѣдкость въ нашемъ отечествѣ: глядя на иной городъ, просто не понимаешь, зачѣмъ онъ здѣсь?

Значеніе Екатеринбурга еще болѣе возвысилось, когда черезъ него проложенъ былъ сибирскій трактъ, шедшій прежде черезъ Верхотурье; теперь же, соединенный съ міромъ рельсами, онъ не уступаетъ лучшимъ губернскимъ городамъ Европейской Россіи, не говоря уже о таковыхъ въ Сибири.

Въ 1781 г. Екатеринбургъ былъ присоединенъ къ пермской губерніи, а раньше принадлежалъ къ тобольской; въ 1830 г. въ этомъ городѣ было сосредоточено управленіе всѣми горными заводами и онъ былъ въ вѣдѣніи гор-

наго вѣдомства до 1863 г., когда переведенъ въ вѣдомство гражданское.

Теперь въ Е. болѣе 25 т. жителей, есть мужская и женская гимназіи, нѣсколько начальныхъ училищъ, библіотека; городской банкъ и отдѣленіе государственнаго, монетный дворъ, механическая и гранильная фабрики, лаборато, рія, гдѣ пробируется и переплавляется золото, масса церквей православныхъ, двѣ единовѣрческихъ, одна раскольничья; издается „Екатеринбургская недѣля“,—словомъ, городъ хоть куда!

Уѣздъ е—скій не принадлежитъ къ числу плодородныхъ: большая часть его покрыта лѣсомъ, а остальная—болотами и озерами. Жители работаютъ на многочисленныхъ въ уѣздѣ фабрикахъ и заводахъ, немногіе заняты земледѣліемъ: хлѣба не хватаетъ для уѣзда, и его привозятъ изъ шадринскаго и камышловскаго уѣздовъ той-же губерніи.

ГЛАВА IV-я.

Екатеринбургско-тюменскій трактъ. Полу-этапы и этапы. Ѣзда на тройкахъ. Камышловскій уѣздъ. Камышловъ. Марково. Пограничные столбы. Вступленіе въ Сибирь. Коротенькій историко-географическій обзоръ Сибири. Дорога отъ Маркова до Тюмени. Тюменская тюрьма. — Р. Тюмень. Екатеринбургско-Тюменская желѣзная дорога.

Изъ Екатеринбурга партія отправилась 3-го іюля. Екатеринбургско-Тюменскій трактъ производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе: прекрасное, ровное шоссе, съ красивыми по обѣимъ сторонамъ березами, образующими аллею, которая была насажена еще, говорятъ, при Екатеринѣ; мелкія, березовыя рощи, то подходятъ къ самой дорогѣ, то удаляются отъ нея, давая мѣсто полянамъ и нивамъ; мѣстность совершенно ровная. Села и деревни лучше большинства русскихъ: школа *), лавки, не мало построен-

*) Въ похвалу будь сказано пермскому земству, дома, гдѣ помѣщаются школы, не въ примѣръ лучше помѣщеній многихъ народныхъ школъ по ту сторону Урала.

ныхъ со вкусомъ двухъ-этажныхъ домовъ; на окнахъ масса цвѣтовъ; „ренсковой погребъ", не говоря уже о многочисленныхъ неизмѣнныхъ „распивочно и на выносъ" и „постоялый дворъ". Конечно, это не малорусскія деревни, которыя тонутъ въ зелени садовъ; здѣсь этого нѣтъ и эпитетъ „лучшія" употребленъ нами въ смыслѣ „болѣе богатыя", хотя и здѣсь нерѣдко попадаются покосившіеся дома, съ прогнившими, поломанными крышами.

Въ здѣшнихъ селахъ вы можете достать все, что пожелаете, и недорого: а суньтесь-ка купить что-нибудь въ русскомъ селѣ!

Здѣшній трактъ чрезвычайно бойкій: ежедневно громадные обозы, преимущественно съ чаемъ, тянутся изъ Сибири въ Россію, а изъ послѣдней—съ разнообразными товарами въ Сибирь; кромѣ того, постоянно бываетъ масса проѣзжихъ, не говоря уже о партіяхъ, которыя ежедневно мчатся на тройкахъ въ таинственную Сибирь, останавливаясь не надолго на полу-этапахъ и этапахъ, устроенныхъ въ тѣхъ-же селахъ, гдѣ и почтовыя станціи.

Наружный видъ полу-этапа не представляетъ ничего особеннаго: вы видите небольшое пространство, обнесенное съ четырехъ сторонъ довольно высокимъ заостреннымъ наверху часто-

коломъ, изъ-за котораго виднѣются красныя крыши и трубы зданій; здѣсь арестанты отдыхаютъ недолго, только пока мѣняютъ лошадей, что совершается очень быстро; на это время во дворъ пускаютъ крестьянокъ-торговокъ, у которыхъ арестанты, получающіе на этомъ пути кормовыя, покупаютъ очень недорого разнообразную провизію (пироги, ватрушки*), жаркое, блины и пр.).

Этапы, гдѣ партія ночуетъ, устроены немного иначе: дворъ огороженъ частоколомъ только съ 3-хъ сторонъ, а съ четвертой—длиннымъ желтымъ зданіемъ съ окошечками, въ родѣ амбразуръ крѣпости; здѣсь помѣщаются арестанты. Внутреннее устройство этаповъ и полу-этаповъ различается только большей вмѣстительностью первыхъ и величиною дворовъ; въ камерахъ устроены нары въ одинъ ярусъ и невысокія.

Такъ какъ по этой дорогѣ возятъ всѣхъ арестантовъ безъ исключенія, то партіи здѣсь, на этапахъ, только ночуютъ, а дневокъ не дѣлаютъ, какъ за Томскомъ, гдѣ всѣ, кромѣ дворянъ и сильно больныхъ калѣкъ, идутъ пѣшкомъ. Говоря объ устройствѣ этаповъ, нельзя не упомянуть, что они не отличаются чистотой; въ

---

*) По сибирски „шаньги“.

самыхъ камерахъ, благодаря массѣ арестантовъ, воздухъ не изъ хорошихъ. Отсутствіе вентиляціи и дезинфекціи здѣсь такое же, какъ и на баржѣ и въ тюрьмахъ; лѣтомъ, при открытыхъ окнахъ, еще такъ-сякъ, но осенью бѣда.

Кстати объ окнахъ; они по большей части не отворяются, а приходится просто раму выставлять; лѣтомъ ни во время грозы, ни въ дождь, арестантамъ нечѣмъ себя защитить, а осенью, когда окна наглухо заколочены, даже въ хорошую погоду, нельзя очистить испорченнаго воздуха камеры. Все это производитъ болѣзни, отъ которыхъ, казалось бы, всѣми мѣрами надо защищать партіи, идущія въ далекій путь, гдѣ невозможно ожидать медицинской помощи.

Скажемъ еще о способѣ перевозки арестантовъ по описываемому нами пути. Возятъ ихъ здѣсь на „вольныхъ“: подрядчики заключаютъ контракты съ агентами правительства, и должны, съ 1-го мая по 1-ое октября, доставлять ежедневно по 20 повозокъ; плата съ версты за тройку—12 коп. Разъ началось движеніе съ 1-го мая (иногда немного позже, смотря по началу навигаціи на Волгѣ) изъ Екатеринбурга, то 1-я партія всегда имѣетъ позади 2-ю, эта 3-ю и т. д.; сажаютъ въ повозку по 6 чел. уголовныхъ съ однимъ конвойнымъ, и потому, по раз-

счету—120 чел. въ день—получается въ годъ 18,060 чел., высылаемыхъ ежегодно въ Сибирь изъ Россіи, не считая политическихъ.

Ѣзда на тройкахъ очень быстрая, не смотря на то, что повозки ветхи, и арестанты подвергаются опасности свернуть себѣ шею; поминутно слышится, какъ то одинъ, то другой ямщикъ, кричатъ: е-эй! стой, стои—й—„Что тамъ?"—„Ось, ваше благородіе". Наладили, двинулись, опять: сто—ой! — „Чека, в. б., выпала!" и т. д. Иногда всему поѣзду приходится стоять на дорогѣ и ждать, пока верховой съѣздитъ въ ближайшую деревню за повозкой.

Къ неудобствамъ ѣзды по этому пути относится еще слѣдующее: всѣ повозки обязательно слѣдуютъ близко одна за другой, такъ что въ сухую погоду подымается страшное облако пыли, въ которомъ приходится буквально задыхаться, не говоря уже о вредѣ для глазъ. Намъ пришлось видѣть однажды, какъ дѣвочка лѣтъ 7-и, очутившись въ такомъ облакѣ пыли, громко, жалобно плакала, закрывъ лицо худыми рученками, и кричала своей матери—арестанткѣ: „мама, мама, убери эту гадкую пыль, а то я умру". Ея тоненькій, жалобный голосокъ долго звучалъ въ нашихъ ушахъ. Такъ путешествуютъ партіи отъ Екатеринбурга до

Тюмени четыре дня *). Лѣтъ 15 назадъ возили, говорятъ, въ повозкахъ, напоминающихъ клѣтку; арестантовъ сажали въ нихъ по 5 человѣкъ на каждую изъ двухъ скамеекъ, спинами другъ къ другу, а сзади возсѣдалъ солдатъ съ ружьемъ.

Такъ какъ мы сдѣлали характеристику этаповъ, то намъ нѣтъ надобности говорить о каждомъ отдѣльно; упомянемъ только о нѣкоторыхъ селахъ, а въ концѣ приложимъ маршрутъ съ названіями станцій и селъ, встрѣчающихся на пути.

Камышловскій уѣздъ, послѣ шадринскаго, самый плодородный въ пермской губерніи, благодаря чему, въ противоположность екатеринбургскому, хлѣбопашество въ немъ очень развито, и хлѣба не только хватаетъ для мѣстнаго продовольствія, но и вывозятъ значительное количество; кромѣ земледѣлія, жители этого уѣзда занимаются скотоводствомъ, благодаря прекрас-

---

*) Екатеринбургско-тюменскій трактатъ весь на откупу, благодаря чему „на вольныхъ“ ѣздить воспрещается. Компромисса ради можно ѣхать только на одной лошади, на парѣ ужъ нельзя, но крестьяне и здѣсь умудряются надуть откупщика: они ѣдутъ по шоссе, лишь передъ станціей сворачивая въ сторону и объѣзжая ее, чтобы дальше опять выѣхать на шоссе. На вольныхъ ѣзда много дешевле почтовыхъ.

нымъ постбищамъ; это послѣднее занятіе служитъ источникомъ торговли: камышловцы возятъ на ирбитскую ярмарку не мало сала, масла, овечьей шерсти; занимаются также огородничествомъ, пчеловодствомъ, а въ селахъ и по тракту—извозомъ и содержаніемъ постоялыхъ дворовъ.

Не доѣзжая до Камышлова верстъ 8, на р. Пишмѣ, мы увидѣли садъ „обуховскихъ минеральныхъ водъ“, въ красивой мѣстности; насколько цѣлебны эти воды—не знаемъ, но зато слышали, что садъ этотъ служитъ притономъ ворамъ.

Миновавъ *Подкамышловку*, предмѣстье Камышлова, мы пріѣхали въ самый городъ, по тракту послѣдній въ Пермской губерніи.

Положеніе Камышлова очень выгодное: на р. Пишмѣ и Подкамышловкѣ, въ плодородной мѣстности, на главномъ сибирскомъ тракту; черезъ него проводятъ желѣзную дорогу, что сдѣлаетъ его важнымъ торговымъ пунктомъ; теперь-же жители, которыхъ болѣе 4 т., занимаются земледѣліемъ и отхожимъ промысломъ. Въ городѣ есть уѣздное и приходское училища, больница, общественный банкъ, гостинница, до 200 лавокъ; домовъ 500 слишкомъ, почти всѣ деревянные, каменныхъ не болѣе 20.

Къ числу каменныхъ зданій, выдающихся по величинѣ, принадлежитъ и мѣстная тюрьма, въ которой партіи обыкновенно ночуютъ одну ночь.

Говорить объ этой тюрьмѣ не будемъ: всѣ онѣ одинаковы, съ небольшими варіаціями, которыя отмѣчены еще дворовымъ человѣкомъ Поповымъ у безсмертнаго Гоголя.

Проѣхавъ ст. Черемышино, Пылаево, Сугатки, партія прибыла на ст. *Марково*, послѣднюю въ Пермской губерніи: за этимъ селомъ начинается уже та неизвѣстная Сибирь, которую такъ хотѣлось поскорѣй увидѣть. Мысли витали въ далекомъ прошломъ... Кто только ни шелъ, ни ѣхалъ по этому тяжелому пути? Какая масса несчастныхъ перешагнула въ ту страну, изъ которой большинство бѣжитъ, часть погибаетъ, а немногіе правдами и неправдами попадаютъ въ число счастливыхъ!.. А и тѣ, что добровольно отправляются въ богатую Сибирь, гдѣ, по слухамъ, „рѣки молочныя и берега кисельныя, богатства сколько хочешь загребай!“— гдѣ они, эти искатели не столько счастья, сколько хлѣба, котораго не могутъ достать на своей родинѣ? Не многіе изъ нихъ находятъ въ Сибири то, чего искали!

Природа точно гармонировала съ нашими не веселыми мыслями. Когда, на зарѣ, мы выѣха-

ли изъ Маркова, сдѣлалось холодно, началъ накрапывать дождикъ... Вотъ она Сибирь-то! думали мы, особенно когда пришлось ѣхать, вмѣсто прекраснаго шоссе, по какой-то грязи, смѣшанной съ камнями. На 11 верстѣ отъ *Марково* мы увидѣли каменный, невысокій, квадратный столбъ, давно побѣленный, съ гербами пермской и тобольской губерній. Такъ вотъ онъ пограничный столбъ! Мы почему то не такого ожидали. Остановившись, мы принялись читать надписи на этомъ историческомъ столбѣ, который осматриваютъ, несомнѣнно, всѣ, ѣдущіе въ Сибирь первый разъ. Надписи не только на русскомъ языкѣ, но и на иностранныхъ, причемъ послѣднія болѣе сантиментальны и приличны; русскія—съ примѣсью крѣпкихъ словъ: русскій человѣкъ и въ горѣ, и въ радости ругается. Надписи коротки, иногда два—три слова, но онѣ подчасъ прочувствованы, въ нихъ вложена душа человѣка; здѣсь онъ прощается совсѣмъ ему близкимъ, дорогимъ, прощается навѣки; часто онъ оплакиваетъ прошедшее, пугаясь будущаго, томясь настоящимъ: „прощай Маша"! гласитъ одна надпись; коротка она, но здѣсь все сказано: кажется, видишь человѣка, вспоминающаго любимую женщину, которую онъ никогда уже не увидитъ; сколько

горя онъ ей доставилъ, онъ, совершившій преступленіе, можетъ быть, не въ силу злой воли, а благодаря обстоятельствамъ, окружившимъ его со всѣхъ сторонъ, какъ сѣтью; а вѣдь какъ онъ ее любилъ, какъ могли бы они быть счастливы, если-бы...

А теперь... пропадай она, самая эта жизнь, что въ ней?... „Прощай жизнь"; впереди тьма. голодъ и холодъ, быть можетъ, опять преступленіе... „Прощай Маша"!...

И такъ, мы, наконецъ, въ Сибири, въ тюменскомъ округѣ, тобольской губерніи; здѣсь мы должны сказать послѣднее „прости" Европѣ съ ея цивилизаціей, съ ея желѣзными дорогами; жутко становится при мысли, что впереди предстоитъ проѣхать сотни, тысячи верстъ по сквернымъ дорогамъ, на что понадобятся цѣлыя недѣли. Прощай Европа! Прощай Россія!

При вступленіи въ новый, невѣдомый намъ суровый край, въ памяти невольно промелькнуло его прошлое.

Въ то время, когда Европа, переживъ эпоху открытій, изобрѣтеній и renaissanc'а, вступила въ періодъ реформаціи и вела не на жизнь, а на смерть борьбу съ отживавшими началами феодализма и католицизма, „холопы" московскаго царства, какъ угорѣлые, метались изъ стороны

въ сторону, укрывались и разбойничали. Самыя удобныя мѣста для укрывательства и разбоевъ были окраины вообще, восточная въ особенности; сюда и кинулись массы бродячаго люда, подъ предводительствомъ болѣе смѣлыхъ товарищей. Одна изъ такихъ разбойничьихъ шаекъ, руководимая смѣлымъ человѣкомъ, котораго назвали, можетъ быть, лишь впослѣдствіи Ермакомъ, преслѣдуемая властями, бѣжала все дальше и дальше на сѣверо-востокъ, осенью 1581 года перевалила черезъ Уралъ, поплыла по р. Тагилу и уже на р. Турѣ встрѣтила впервые непріятеля въ лицѣ остяцкаго князька Епанчи, который былъ разбитъ очень скоро; такая-же участь постигла и передовые отряды *Кугума*, а на р. Тоболѣ понесъ пораженіе сынъ Кугума, Мегметъ-Куль. Шайка пробиралась впередъ и впередъ. Недалеко отъ нынѣшняго Тобольска Ермака и его дружину, въ 500 слишкомъ человѣкъ, поджидалъ самъ сибирскій царь Кучумъ; произошло генеральное сраженіе, въ которомъ погибло не мало народу съ той и другой стороны, но побѣда осталась за Ермакомъ: 26 октября, не болѣе, какъ черезъ мѣсяцъ послѣ перваго появленія за Ураломъ, шайка Ермака заняла городъ *Искеръ*, столицу сибирскаго царства, который былъ располо-

женъ въ 19 верстахъ отъ нынѣшняго г. Тобольска, при устьѣ рѣчки Сибирки, впадающей въ Иртышъ.

Этотъ день и считается днемъ завоеванія Сибири хоть 300-то лѣтній юбилей праздновали 6 декабря 82 года — такъ какъ атаманъ Кольцо явился къ Ивану Грозному, съ извѣстіемъ о завоеваніи Сибири, не ранѣе начала декабря 1582 года. Послѣ смерти Ермака и Грознаго, вновь завоеванное царство не ушло изъ рукъ московскаго царства: уже въ 1585 г. устроился *первый* городъ *Тюмень*, въ 1587—Тобольскъ, 1590—Лозва, 1593—Березовъ, Сургутъ и Пелымь; въ 1594—Тара, черезъ годъ—Обдорскъ, въ 1596 — Нарымъ, 1598 — Верхотурье, въ 1600 — Мангазея (Туруханскъ) и Туринскъ; 1653—Курганъ, 1659 — Ялуторовскъ, 1604—Томскъ, 1618—Енисейскъ и Кузнецкъ, 1628—Красноярскъ, 1632—Якутскъ, 1650—Канскъ, въ 1642—Ачинскъ, въ 1661—Иркутскъ и т. д.,—словомъ, не болѣе, какъ черезъ 70 лѣтъ, къ царствованію Алексѣя Михайловича, почти вся нынѣшняя Сибирь, отъ Урала до Камчатки, принадлежала Россіи.

Сибирь не только больше всей европейской Россіи, но даже и Европы, Австраліи, равна $^1/_4$ Азіи, простираясь съ запада на востокъ отъ

Урала до Великаго Океана, а съ юга на сѣверъ отъ 45° до 77° с. ш., она занимаетъ болѣе 10,709,000 квадратныхъ верстъ, т. е. 1,113,815,000 десятинъ земли; изъ этого пространства болѣе 170,000,000 десятинъ занято дремучими лѣсами, 152,500 кв. вер.—водою четырехъ сибирскихъ бассейновъ, неизмѣримыя количества—тундрами и пастбищами, на которыхъ пасется около 18,000,000 головъ разнаго скота (олени, лошади, верблюды, рогатый скотъ). На сколько поразительны цифры сибирскаго простора, на столько мизерно населеніе: 4,869,365 русскихъ и 4,515,736 инородцевъ, всего 9,385,101 человѣкъ! Если принять во вниманіе, что все пространство между 45° и 60° с. ш., вь 115,152 кв. вер. считается удобнымъ для жизни и культуры, то выходитъ, что количество населенія просто незамѣтно сравнительно съ этою необъятностью.

До Петра Великаго Сибирь управлялась воеводами; это былъ завоевательный періодъ и, воеводы со служилыми людьми шли вслѣдъ за казаками-завоевателями, и когда послѣдніе уходили дальше, первые основывали „остроги", санкціонируя, такъ сказать, побѣду и управляя завоеванными мѣстами; въ „остроги" немедленно являлись „промышленные" люди, „холо-

ны", образовывался городъ, возлѣ — посады, деревни.

Петръ I-й изъ воеводства образовалъ губернію, въ составъ которой вошла часть Пермской, Вятской и Оренбургской губерній, немного позже (въ 1719 г.) онъ раздробилъ Сибирь на пять провинцій: Соликамскую, Вятскую, Тобольскую, Енисейскую и Иркутскую. Екатерина II-я сначала выдѣлила провинцію Иркутскую, а потомъ раздѣлила всю страну на два намѣстничества: Тобольское и Иркутское. При Павлѣ, вмѣсто намѣстничества, образованы были губерніи; Александръ I-й (въ 1822 г.) раздѣлилъ Сибирь на Западную и Восточную и образовалъ губерніи, которыя существуютъ и понынѣ. Въ настоящее царствованіе уничтожено Западно-Сибирское Генералъ-Губернаторство, и образовано Степное; Восточное оставлено, отъ него лишь отдѣлены Пріамурскій край и Забайкальская область, т. е. вся восточная часть, изъ которой образовали Амурское Генералъ-Губернаторство.

Съ конца XVI и начала XVII ст. началась ссылка въ Сибирь, при чемъ вначалѣ ссылали только государственныхъ преступниковъ. Первыми туда попали угличане, сосланные по дѣлу убіенія царевича Дмитрія въ Пелымскій

„острогъ“ тотчасъ по его основаніи; лѣтъ черезъ десять Борисомъ Годуновымъ сюда-же былъ высланъ родоначальникъ нынѣ Царствующаго Дома Василій Никитичъ Романовъ, который черезъ годъ умеръ здѣсь мучительной смертью. Вообще, государственныхъ преступниковъ всегда высылали въ самыя худшія мѣста, напр., въ началѣ царствованія Петра II-го въ Березовѣ былъ знаменитый Меншиковъ съ семьей; при воцареніи Анны Іоановны сюда явились Долгорукіе; при Елизаветѣ Петровнѣ—графъ Остерманъ, послѣ котораго начали чаще всего высылать въ Камчатку, въ Якутскъ, хотя и раньше „отдаленнѣйшія мѣста“ не забывались: при Алексѣѣ Михайловичѣ въ Забайкалье былъ высланъ гетманъ Демьянъ Многогрѣшный, на Амуръ—протопопъ Аввакумъ и т. д. Словомъ, начиная съ момента завоеванія Сибири, не было царствованія, которое не дало бы извѣстнаго процента „государственныхъ“. Въ 1856 году былъ перерывъ: при воцареніи въ Бозѣ почившаго Александра II-го изъ Сибири уѣхали поляки 30-хъ годовъ, Декабристы и Петрашевцы, но вскорѣ появились поляки 63-го года, Нечаевцы, Каракозовцы и т. д.

Уголовные тоже вскорѣ послѣ завоеванія Сибири начали наполнять ее; чтобы дать приб-

лизительное понятіе объ ихъ количествѣ, скажемъ, что, съ 1823 по 1877 годъ, выслано было 393,914 ч. уголовныхъ преступниковъ; въ 1879—18,255 ч.; вообще въ годъ высылаютъ около 19 тысячъ.

Теперь вернемся опять къ описанію нашего пути. Отъ Марково до самой Тюмени приходится ѣхать по безобразнѣйшей дорогѣ, судя по которой, составляешь невыгодное мнѣніе о Сибири; непріятное впечатлѣніе увеличилось еще благодаря скверной погодѣ. Но мы ошиблись въ нашемъ сужденіи о странѣ, въ которой отнынѣ намъ приходилось поселиться: далеко, далеко, гдѣ мы и не предполагали, намъ пришлось восхищаться ею, несмотря на осеннее время. Шоссе продолжалось до Тюмени, но уже безъ березокъ и совершенно испорченное, съ отвратительными мостами, которые, вѣроятно, останутся такими до тѣхъ поръ, пока кто нибудь изъ тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ объ исправности дороги, не сломаетъ себѣ шеи.

На 24-й верстѣ отъ Марково расположена первая сибирская деревушка, очень бѣдная, *Журавликъ*. Далѣе мы проѣхали богатое село *Тугулымское*. По тюменскому округу нельзя судить о настоящей Сибири; глинистый, иловатый въ сѣверной части, тощій и песчаный въ

восточной, на югѣ этотъ округъ имѣетъ черноземно-песчаную почву, благодаря чему хлѣбопашество составляетъ главное занятіе жителей.

Перемѣнивъ лошадей въ с. *Успенскомъ*, мы прямо уже покатили въ *Тюмень*, до которой отъ Екатеринбурга 316 верстъ.

Отъ Успенскаго попалась на встрѣчу д. *Ушаковка* и богатое село *Перевалово*, въ концѣ котораго, на выѣздѣ, помѣщается въ красивомъ зданіи „Алексѣевское училище“.

Недалеко отъ города встрѣтили мы своеобразную партію: на 18 тройкахъ катили кадеты, направляясь въ Питеръ. Пріѣдутъ ли они обратно? Врядъ ли: большинство сибирской молодежи, получивъ образованіе въ европейской Россіи, тамъ и остается, не желая возвращаться въ свою и богатую, и бѣдную, забытую азіятскую родину, оставляя ее во власти тьмы, кулачества и произвола....

Версты за двѣ до Тюмени, вправо отъ дороги, стоитъ небольшой мраморный памятникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ В. К. Владиміръ Александровичъ прощался съ тюменскими гражданами.

Какъ и всякій русскій городъ, Тюмень начинается самымъ необходимымъ для порядка зданіемъ—бѣлой каменной тюрьмой, окруженной каменной-же высокой стѣной; тюрьма находит-

ся влѣво отъ дороги; направо—длинный, грязный старый этапъ. Въ тюменской тюрьмѣ скопляется масса арестантовъ во время навигаціи. Въ наше время у воротъ, на черной доскѣ, было написано мѣломъ: состоитъ 1306 чел., прибыло изъ Россіи 21, убыло въ Россію 3; въ Тобольскъ 487 ч.

Партіи, останавливаясь въ этой тюрьмѣ, ждутъ дальнѣйшей отправки, которая бываетъ разъ въ недѣлю; отправляютъ арестантовъ отсюда опять на баржѣ до Томска.

Тюмень расположена на неровной мѣстности холмистой, благодаря чему и улицы тоже неровныя, за исключеніемъ двухъ—трехъ въ центрѣ города. Достопримѣчательностей не имѣется, если не считать бывшихъ татарскихъ укрѣпленій, отъ которыхъ остались лишь чуть замѣтныя развалины, носящія въ одномъ мѣстѣ названіе „Царевъ городъ."

Съ административной точки зрѣнія, Тюмень особенной роли не играетъ, обладая лишь правомъ распредѣлять ссыльный элементъ по градамъ и весямъ Сибири, для чего въ городѣ имѣется „приказъ о ссыльныхъ", куда сообщаются свѣдѣнія буквально о каждомъ ссыльномъ, назначенъ ли онъ въ Восточную или Западную Сибирь,—все равно.

Съ точки зрѣнія общественной, Тюмень играетъ роль болѣе важную, какъ первый по большой дорогѣ городъ Сибири, пограничный нѣкоторымъ образомъ; трудно найти пунктъ болѣе выгодный въ торговомъ отношеніи: на большомъ московско-иркутскомъ трактѣ, при началѣ судоходства по сибирскимъ рѣкамъ, такъ что его, какъ суженаго „конемъ не объѣдешь, водой не минешь". Не удивительно поэтому, что Тюмень—городъ промышленный, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, какимъ бы могъ быть, судя по его положенію; но и теперь черезъ него провозятъ ежегодно не менѣе милліона пудовъ товару.

Во всякомъ случаѣ, Тюмень—самый обгатый городъ Тобольской губерніи: банкъ его дѣлаетъ въ годъ болѣе, чѣмъ на 3,000,000 р. оборотовъ, а производство превышаетъ цѣнность 2 милліоновъ рублей. Онъ извѣстенъ, какъ центръ кожевеннаго производства, и славится коврами. Въ Тюмени—единственственное на всю губернію—реальное училище.

Городъ стоитъ на р. *Турѣ*, притокъ Тобола, и Тюменкѣ; насчитываетъ у себя до 20 тыс. жителей, людей, нельзя сказать, чтобы мирнаго нрава, ибо и доселѣ процвѣтаетъ между ними древне-русскій „кулачный бой".

Теперь описанныя нами мѣстности прежняго Екатеринбурго—Тюменскаго трактата прорѣзываются рельсами Екатеринбурго — Тюменской желѣзной дороги, которая вся пролегаетъ почти по тому же направленію, какъ шелъ этапно-почтовый трактъ.

Екатеринбурго-Тюменская желѣзная дорога, соединяясь непосредственно съ Екатеринбурго—Пермскою, укоротила путь, оживила всю мѣстность и дала громадный толчекъ торговлѣ, соединивъ бассейны рѣкъ сибирскихъ съ русскими. Благодаря этой желѣзной дорогѣ, этапное путешествіе между Екатеринбургомъ и Тюменью отошло въ вѣчность. Теперь—разстояніе между этими городами проѣзжается почти въ ½ сутокъ и стоитъ очень дешево; къ несчастію на этой дорогѣ замѣчается большая халатность и стремленіе къ эксплоатаціи публики. Кромѣ того, построена она, судя по свѣдѣніямъ сибирской прессы, не совсѣмъ добросовѣстно, благодаря чему поѣзда идутъ болѣе чѣмъ медленно. Какъ бы то однако ни было,—эта дорога, даже въ такомъ видѣ, придаетъ европейскій видъ всей этой азіатской мѣстности: въ Тюмени чувствуешь уже предверіе Европы.

Представители сибирской прессы, изъ за желѣзной дороги черезъ Сибирь, раздѣлились на

двѣ противуположныя партіи. Одна изъ нихъ утверждаетъ, что желѣзныя дороги не нужны Сибири, что онѣ причиняютъ вредъ странѣ; другая, наоборотъ, доказываетъ необходимость желѣзныхъ дорогъ.

Несмотря на всѣ симпатіи наши къ первой партіи, несмотря на полную солидарность съ помянутою партіею во многихъ другихъ вопросахъ, въ данномъ случаѣ, въ вопросѣ о желѣзной дорогѣ, мы присоединяемся ко взгляду противоположнаго лагеря. И вотъ на чемъ основываемъ наше глубокое убѣжденіе въ необходимости проведенія дороги черезъ всю Сибирь, отъ Урала до Восточнаго океана. Сибирскія рѣки, представляющія, повидимому, прекрасные пути сообщенія, на самомъ дѣлѣ не могутъ вполнѣ удовлетворить правильному торгово-почтовому и пассажирскому передвиженію, а слѣдовательно, и сближенію Сибири съ западомъ, этимъ источникомъ богатствъ умственнаго и экономическаго. Во первыхъ, всѣ эти рѣки, какъ извѣстно, несутъ воды свои въ непобѣжденный еще человѣкомъ, суровый, ледяной океанъ; во вторыхъ, передвиженіе по нимъ возможно лишь впродолженіе не болѣе 5 мѣсяцевъ въ году, при чемъ послѣдніе, осенніе, мѣсяцы представляютъ уже массу препятствій къ плаванію, благодаря обмеленію

даже такихъ рѣкъ, какъ Обь; въ третьихъ, каналъ между Обью и Енисеемъ, какъ доказали послѣднія свѣдѣнія о немъ, оказывается, не будетъ удовлетворять своему назначенію, т. е. не обезпечитъ правильныя сношенія Восточной Сибири съ Россіей, а слѣдовательно, и съ западомъ вообще; въ четвертыхъ, наконецъ, если бы даже не существовало всѣхъ этихъ препятствій, движеніе по водамъ было бы столь медлѣнно, что не могло бы удовлетворить стремленія къ быстрому умственному и торговому обмѣну Азіи съ Европою. А безъ этого Сибирь останется такою же дикою и глухою страною, какъ она, за исключеніемъ нѣсколькихъ городовъ, есть и теперь. Чтобы Сибирь могла играть какую-нибудь роль въ общей, міровой жизни, чтобы она дѣйствительно превратилась въ страну культурную, ей прежде всего необходимо населеніе, которое можетъ образоваться только при посредствѣ переселеній въ Сибирь земледѣльческаго элемента Россіи. Важность переселеній не отрицается ни однимъ органомъ Сибири. Переселенія столь важны для этой страны, что исключительно для однихъ только переселенцевъ можно провести дорогу черезъ всю Сибирь, потому что при теперешнихъ путяхъ сообщенія, требующихъ массу вре-

мени и денегъ, переселенецъ идетъ, съ одной стороны, неохотно, а съ другой, дѣлается нищимъ, покуда протянется тысячи верстъ. Нищему же трудно быть культивизаторомъ страны. Лица, ратующія противъ желѣзной дороги, говорятъ, что она, дорога, отнимаетъ заработокъ у массы людей, занимающихся извознымъ промысломъ, что она, дорога, будетъ, слѣдовательно, причиной обѣднѣнія страны, что она, дорога, будетъ способствовать вывозу сырья изъ Сибири и опять таки, слѣдовательно, служить къ истощенію страны.

Но врядъ ли это существенные мотивы. Во многихъ мѣстахъ извозный промыселъ существуетъ на началахъ эксплоататорскихъ, подрядныхъ. Одно лицо имѣетъ сотни извозчиковъ, которые сами по себѣ зарабатываютъ очень мало и нисколько не проиграютъ, если, бросивъ свой промыселъ, займутся земледѣліемъ, которымъ въ Сибири всегда заняться могутъ, такъ какъ (въ Сибири) земель не занимать стать. Далѣе, проведенная по главному тракту, дорога вызоветъ движеніе къ ней со всѣхъ концовъ Сибири, и эти-же извозчики могутъ, слѣдовательно, только перемѣнить направленіе передвиженія грузовъ, оставшись такимъ образомъ при своемъ прежнемъ занятіи.

Что-же касается придорожнаго населенія вообще, то весьма жаль, что въ данномъ случаѣ не принимается во вниманіе, во что обходится населенію, такъ называемая, дорожная повинность, о которой мы будемъ говорить дальше. Желѣзная дорога уничтожитъ, по крайней мѣрѣ, по главному, самому ужасному для народа, тракту, эту повинность и, несомнѣнно, дастъ еще заработокъ. О пресловутомъ сибирскомъ „сырьѣ“ мы, право, не знаемъ, что уже и сказать. На что понадобилось это сырье сибирякамъ—понять не можемъ. Мы были-бы довольны, если-бы, хотя для опыта, былъ изданъ законъ, на основаніи котораго никто, въ продолженіи 10 только лѣтъ, не имѣлъ-бы права вывозить изъ Сибири сырье. Что-бы съ нимъ тогда дѣлали? Если-бы въ Сибири были свои фабрики и заводы, если-бы для этихъ фабрикъ и заводовъ не доставало сырья, о! тогда-бы протестъ противъ вывоза былъ понятенъ, но при теперешнихъ условіяхъ, какъ хотите, а мы ничего не понимаемъ, а потому считаемъ разсужденія о сырьѣ однимъ изъ наименѣе уважительныхъ мотивовъ противъ постройки желѣзной дороги.

Мы глубоко убѣждены, что лица, ратующія противъ Сибирской дороги, не преслѣдуютъ, конечно, корыстныхъ цѣлей, что все это

они говорятъ изъ любви къ своей странѣ, но, по нашему мнѣнію, они заблуждаются.

Мы это говорили раньше, на столбцахъ одной уважаемой всѣми Сибирской газеты, и теперь тоже повторяемъ.

ГЛАВА V-я.

Р. Тура.—Баржа. Р. Тоболъ.—Тобольскъ. Р. Иртышъ. Село Самарское. Р. Обь. Остяки. „Ясакъ". Сургутъ. Еще объ остякахъ.—С. Тымское. Самоѣды. Нарымъ. Р. Томь. Томскъ. Зимній и почтовый путь между Тюменью и Томскомъ.

Рѣка Тура, на которой стоитъ Тюмень, беретъ начало въ восточномъ склонѣ уральскихъ горъ и течетъ на протяженіи 216 верстъ; ширина ея не превышаетъ 200 саженъ, *) дно песчано-глинистое. Въ 45 верстахъ отъ города, Тура впадаетъ въ Тоболъ, берущій начало въ киргизской степи и судоходный только отъ устья Туры.

И Тура, и Тоболъ рѣки историческія: онѣ играли немалую роль при завоеваніи Сибири, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ происходили жаркія битвы съ сильными тогда татарами, потом-

---

*) Въ концѣ лѣта Тура очень мелѣетъ, и по ней могутъ ходить только мелко-сидящіе пароходы.

ки которыхъ теперь ютятся въ грязныхъ небольшихъ деревушкахъ, разбросанныхъ по берегамъ вышеупомянутыхъ рѣкъ.

Сравнительно густое населеніе здѣсь состоитъ въ большинствѣ изъ русскихъ, которые по Турѣ занимаются земледѣліемъ, а по Тоболу и его притоку Тавдѣ—рыбной ловлей; аборигены же страны, татары, отъ прежняго величія которыхъ остались лишь развалины памятниковъ, занимаются отчасти тоже рыбной ловлей, но главнымъ образомъ извозомъ и ямщиной.

Начало пароходства по Турѣ, какъ и вообще по всѣмъ рѣкамъ обской системы, относится къ сороковымъ годамъ, при чемъ до 71 г. пассажировъ пароходы не возили, а только буксировали баржи; теперь же ходятъ болѣе 50 пароходовъ, не считая парусныхъ и гребныхъ судовъ. Главное пароходное общество на рѣкахъ западной Сибири—Курбатова и Игнатовыхъ; ихъ пароходы, буксируя арестантскія баржи, возятъ и пассажировъ *), которыхъ иногда бываетъ такъ много, что не хватаетъ мѣстъ, что особенно неудобно въ виду того, что пароходы ходятъ разъ въ недѣлю, и потому предусмотри-

*) Отъ Тюмени до Томска: 1-й классъ 22 р.; 2-й—14 р.; 3-й —6 р. Путь этотъ пароходы, смотря по времени года, совершаютъ въ 8—12 дней. Цѣны въ буфетѣ выше волжскихъ.

тельные сибиряки по телеграфу извѣщаютъ агентство объ оставленіи имъ билетовъ на извѣстный день *).

Намъ, къ счастью, не пришлось долго ждать, и уже на другой день мы сѣли на пароходъ „Коссаговскій“, который буксировалъ баржу съ арестантами.

Баржа эта, менѣе помѣстительная волжско-камской, по наружному виду, ничѣмъ почти не отличалась отъ послѣдней; внутреннее устройство разнилось только меньшими размѣрами каютъ и болѣе низкими нарами. Благодаря тому, что въ партіи было болѣе 500 человѣкъ, ѣхалъ не только фельдшеръ, но и врачъ; въ распоряженіи ихъ была плохенькая аптека и двѣ или три больничныхъ каюты, устроенныхъ на верхней части баржи; вмѣсто наръ, въ нихъ широкія скамейки и столики. Двери изъ больничныхъ каютъ выходятъ въ проходной, съ рѣшетчатыми дверьми, корридорчикъ, благодаря чему въ немъ постоянно сквозной вѣтеръ, равно какъ и въ каютахъ, если только отворить окна; воздухъ въ больницѣ даже при 3—4 больныхъ, невыносимъ, тѣмъ болѣе, что къ одной изъ стѣнъ примыкаетъ ватерклозетъ. Если у которой нибудь

*) Есть и другихъ владѣльцевъ пароходы, но менѣе удобные.

арестантки заболѣваетъ ребенокъ, то, отправляя его въ больницу, она принуждена и сама туда же перейти*), а также забирать и здоровыхъ своихъ дѣтей, если какая-нибудь сердобольная подруга не согласится присмотрѣть за ними.

Дѣти хворають очень часто, особенно дифтеритомъ, заражаясь другъ отъ друга; не удивительно по этому, что больницы вѣчно полны здоровыми и больными; умираетъ немало на этомъ пути, такъ что при насъ, за 10 дней плаванія, 6 труповъ было оставлено на разныхъ пристаняхъ, гдѣ ихъ и хоронятъ. Иногда, если больныхъ ужь очень много, и ихъ никакъ нельзя втиснуть въ больницу, устраиваютъ лазаретъ прямо на палубѣ, гдѣ и здоровымъ ночью холодно, принявъ во вниманіе, что пароходъ доходитъ до 61° с. ш.

Баржа, на которой сплавляютъ арестантовъ, до того ветха, что во время дождя показывалась течь въ каютахъ, и ее невозможно было остановить; самъ пакельщикъ, засовывая паклю въ гнилой потолокъ, продѣлывалъ еще большія дыры, прибавляя: вѣдомо, вещь не новая, что съ ней подѣлаешь? въ вёдро она ничего! Во-

*) На баржахъ нѣтъ никогда сидѣлокъ.

ображаемъ, что здѣсь бываетъ, если дождливые дни продолжаются долго!

Какъ и на первой баржѣ, арестанты получачаютъ провизію и, подъ наблюденіемъ начальства, варятъ обѣдъ на всю партію; вообще, условія ихъ жизни совершенно одинаковы на обѣихъ баржахъ.

Изъ Тюмени, какъ было нами упомянуто выше, пароходъ идетъ по Турѣ, а дальше по Тоболу. Послѣдній несравненно скучнѣе и пустыннѣе; берега рѣки низки, песчаны; растительности мало, и нѣтъ даже разнообразящихъ Туру извилинъ. За все время плаванія по вышеупомянутымъ рѣкамъ мы только одинъ разъ останавливались набрать дровъ, около д. Артамоновой, небольшой бѣдной деревушки на лѣвомъ берегу Тобола. За этой деревней расположено *Іевлево*. Проѣхавъ далѣе *Мѣдянскія Юрты*, татарское село съ мечетью, мы увидѣли вдали красивый г. *Тобольскъ*.

Блеснувшія главы многихъ церквей и расположеніе одной части города на горѣ напомнили намъ Кіевъ, когда посмотрѣть на него съ Днѣпра; подгорная, главная часть Тобольска, показалась намъ похожею на Подолъ Кіева. Всѣ любовались городомъ, какъ вдругъ кто-то подлѣ крикнулъ: „смотрите! смотрите!; оглянув-

шись, мы увидѣли замѣчательную картину: темная вода Тобола рѣзко, рельефно раздѣлялась темной полосой отъ молочнаго цвѣта воды *Иртыша*, въ который впадаетъ Тоболъ. Вода Иртыша напоминаетъ цвѣтъ чая съ небольшимъ количествомъ молока; особенно замѣтенъ этотъ цвѣтъ при впаденіи Тобола, такъ какъ впослѣдствіи глазъ привыкаетъ къ однообразной массѣ водъ.

Въѣхавъ въ Иртышъ, мы уже хорошо стали различать Тобольскъ: вотъ виднѣется Кремль, присутственныя мѣста, соборъ, архіерейскій домъ, а подлѣ обелискъ—это памятникъ Ермаку, съ надписью: Ермаку—покорителю Сибири, 1581—1584 гг.

Около архіерейскаго дома стоитъ небольшая колокольня, гдѣ, среди благонамѣренныхъ колоколовъ, есть—чисто русское явленіе—сосланный колоколъ съ отбитымъ ухомъ и съ надписью: сей колоколъ, въ который били въ набатъ при убіеніи благовѣрнаго царевича Димитрія въ 1593 г., присланъ изъ града Углича въ Сибирь, въ градъ Тобольскъ въ церковь Всемилостиваго Спаса, что на торгу, а потомъ на Софійской колокольнѣ часобитной; вѣсу въ немъ 16 п. 20 ф.“.

Недолго крамольный колоколъ скучалъ въ

одиночествѣ; скоро Тобольскъ сдѣлался мѣстомъ ссылки и для людей: въ 1656 году сюда явились братья Чириковы; въ 1688—гетманъ Самойловичъ, далѣе, взятые подъ Полтавой, шведы, выстроившіе въ Тобольскѣ Кремль и претерпѣвшіе немало мукъ въ этомъ городѣ; потомъ поляки: Мошинскій, Крыжановскій, богачъ князь Сангушко, одинъ изъ приверженцевъ Косцюшко, и много конфедератовъ. Былъ въ Тобольскѣ и Фикъ, любимецъ Петра, и знаменитый Радищевъ; потомъ явились на поселеніе декабристы: Алексѣй Муравьевъ, Торсонъ и Кюхельбекеръ; послѣдніе два здѣсь и умерли, а Муравьевъ былъ впослѣдствіи тобольскимъ губернаторомъ. Sic transit gloria mundi!

Можно вспомнить о губернаторѣ Бантышъ-Каменскомъ, проявлявшемъ къ декабристамъ отеческое вниманіе. Въ 30-хъ и 63-мъ годахъ явились опять поляки, которые пребываютъ здѣсь и въ настоящее время; недавно стали появляться такъ называемые „административные“, хотя, на сколько намъ извѣстно, въ самомъ Тобольскѣ ихъ почти не оставляли, развѣ 1—2 человѣка. Да, городъ этотъ богатъ историческими воспоминаніями, хотя и печальнаго свойства...

Около 9 ч. утра остановились мы у хорошей

пристани Тобольска, гдѣ стояло нѣсколько пароходовъ, баржъ и лодокъ.

Тобольскъ, расположенный на правомъ, возвышенномъ берегу Иртыша, недалеко отъ устья Тобола, основанъ въ 1587 г, и до 1822 г. игралъ въ Сибири выдающуюся роль, будучи центромъ управленія во время и намѣстничества, и губернаторства, и генералъ-губернаторства; только съ переводомъ управленія генералъ-губернатора въ *Омскъ*, Тобольскъ утратилъ свое значеніе. Принадлежа къ той серіи русскихъ городовъ, которые основываются не въ силу жизненной необходимости, а вслѣдствіе бюрократическихъ цѣлей, Тобольскъ стоитъ въ такомъ мѣстѣ, что ни въ промышленномъ, ни въ торговомъ отношеніи никакой роли играть не можетъ, и теперь падаетъ годъ отъ году; онъ поддерживается только чиновниками и евреями, да отчасти — конкурентами послѣднихъ—поляками, ссыльными 63 г., которые содержатъ гостинницы, кабаки, мелочныя лавки. Коренные жители живутъ небогато, пробавляясь пустячной торговлей и отдачей своихъ домовъ въ наемъ.

Кромѣ незавиднаго положенія въ торговомъ отношеніи, и гигіеническія условія Тобольска болѣе чѣмъ незавидны; въ верхней, нагорной части еще такъ-сякъ, но нижній го-

родъ расположенъ просто на болотѣ, благодаря чему жители здѣсь вѣчно страдаютъ тифомъ, лихорадками и даже черной оспой. Въ этой же части, ежегодно заливаемой Иртышемъ, находятся всѣ учебныя заведенія: женская и мужская гимназіи, семинарія, уѣздное училище. Необыкновенная заботливость о подростающемъ поколѣніи!

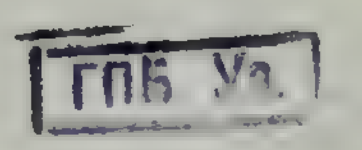
Простоявъ въ Тобольскѣ часа два, пароходъ пошелъ внизъ по *Иртышу*, ширина котораго здѣсь болѣе 300 с., а глубина 6—10 с. Иртышъ, по татарски „Землерой" названъ такъ вѣрно потому, что не имѣетъ мелей, сильно подмываетъ доходящій до 200 с. высокій, крутой правый берегъ, намывая лѣвый, который почти на всемъ теченіи низменный, супесчаный, съ отсутствіемъ болѣе или менѣе красивыхъ видовъ. Правый берегъ мѣняется: то онъ походитъ на лѣвый, то переходитъ въ возвышенный, крутой, поросшій сосновымъ или еловымъ лѣсомъ. Особенно красивъ Иртышъ при впаденіи въ него Туртуса, Демьяной и Конды. По Иртышу, отъ Тобольска до его устья, обитаютъ русскіе, остяки и татары. Климатическія и почвенныя условія этой мѣстности слишкомъ незавидны, и потому положеніе русскаго населенія нельзя назвать хорошимъ; о татарахъ и остякахъ и го-

горить нечего: они почти нищіе; на села и деревни, разбросанныя тамъ-сямъ, жаль смотрѣть.

Главное занятіе жителей—рыбная ловля; земледѣліе идетъ плохо; сѣютъ рожь и ячмень, но хлѣба своего не хватаетъ; сѣютъ и ленъ; изъ овощей здѣсь растетъ еще рѣпа, картофель, плохая капуста. Развитое нѣкогда звѣроловство значительно пало, такъ какъ, благодаря частымъ лѣснымъ пожарамъ, исчезнули звѣри и лишь изрѣдка теперь попадаются медвѣди, олени, горностаи, выдры, волки; бѣлокъ много, благодаря обилію кедровыхъ орѣховъ. Иртышъ—рѣка рыбная, но вся на откупу, такъ что прибрежные жители, вытащивъ для откупщика тяжелый неводъ, наполненный стерлядью, осетрами, налимами, щукой и пр., сами должны питаться мелкой рыбицей.

Проѣхавъ русское с. *Юрьевское* и д. *Филатово*, татарскія юрты *Иштамскія* и остяцкія *Ворлышовы*, мы остановились подлѣ с. *Демьянскаго*, первой пристани отъ Тобольска, расположеннаго на крутомъ берегу; населеніе села состоитъ изъ русскихъ и татаръ. За этой пристанью по Иртышу встрѣчаются еще села Романово, Рѣполово и *Самарское* *); въ послѣднемъ

*) Самаровцы ходатайствуютъ о проведеніи телеграфа въ обско-иртышскомъ районѣ. Телеграфъ здѣсь болѣе чѣмъ необходимъ, принимая во вниманіе пароходныя сообщенія по этимъ рѣкамъ.

пароходная пристань; село это—граница хлѣбныхъ растеній: дальше на сѣверъ земледѣліемъ уже не занимаются и живутъ въ страшной нуждѣ. Отъ с. Самарскаго до устья Иртыша всего 23 вер., но пароходъ дальше идетъ не по самой рѣкѣ, а по ея протокѣ „Неулевкѣ“, впадающей въ Обь и имѣющей 74 вер. длины; по пустыннымъ берегамъ этой протоки, проходящей уже по странѣ тундръ и болотъ сургутскаго края, разбросано 5 русскихъ деревень.

Движеніе по Иртышу самое незначительное, несмотря на все его удобство для судоходства.

Обь начинается отъ устья Неулевки при д. *Зеньковой* и пароходъ дальше идетъ уже по этой чуть ли не величайшей въ мірѣ рѣкѣ; ширина ея, не превышая вначалѣ 400 саженей, постепенно увеличиваясь, доходитъ до 15, даже до 40 вер.! Длина Оби болѣе 4000 вер., не считая длины рѣкъ ее образующихъ: *Біи*—длиною въ 220 вер., вытекающей изъ *Телецкаго* озера, и *Катуни* въ 630 вер., берущей начало изъ горы *Бѣлухи*, одной изъ вершинъ *Алтая*.

По мѣрѣ того какъ ширина Оби, чѣмъ ближе къ океану, тѣмъ больше, быстрота ея теченія, наоборотъ, уменьшается, такъ что въ ниж-

номъ теченіи вода застаивается и гніетъ; рыба *) стремится въ мелкія рѣки и ловится въ громадномъ количествѣ.

Величественная Обь, протекая отъ впаденія Иртыша по страшно безлюдной, холодной мѣстности, принадлежитъ къ числу рѣгъ мало изслѣдованныхъ; большинство же рѣкъ ея системы и вовсе неизвѣстны, несмотря на ихъ величину и, по слухамъ, пригодность для судоходства.

Болѣе значительные притоки—*Вахъ*, *Пимъ*, *Лямимъ-Соръ*, *Юганъ*—начинаются въ тундрахъ и урманахъ, т. е. въ буквальномъ смыслѣ непроходимыхъ лѣсахъ, гдѣ не ступала нога русскаго. Нѣкоторыя изъ этихъ рѣкъ завалены *ломами*, т. е. упавшими деревьями; такъ на р. *Пимъ* есть ломъ, запрудившій ее на двухверстномъ разстояніи, и можно свободно ходить по этому природному мосту; часто высокія, густыя деревья, достигая своими вѣтвями деревьевъ

*) Стерлядь, осетръ, окунь, щука, налимъ, плотва, карась, ершъ, язь, моксунъ, сырокъ. Рыбы всѣхъ сортовъ добывается до 500 тысячъ пудовъ; лучшіе сорта идутъ въ Москву. Нѣкоторые рыбопромышленники скупаютъ рыбу у крестьянъ за ранѣе условленную плату, давая имъ за это свои рыболовныя снасти; другіе нанимаютъ рабочихъ (отъ 12 до 200), съ 1-го мая по 20-е октября, по 30 руб. за все время, на хозяйскомъ продовольствіи; ловля рыбы безпрерывная.

противоположнаго берега, переплетаясь съ ними, образуютъ какъ бы корридоръ, куда не проникаютъ солнечные лучи. Не смотря на всю опытность природныхъ жителей этихъ мѣстъ—остяковъ и самоѣдовъ—и они, отправляясь на охоту, на каждомъ шагу подвергаются опасности: много ихъ погибаетъ въ этихъ трущобахъ, заблудившись и дѣлаясь жертвой или голодной смерти, или лѣснаго звѣря, изобилующаго въ урманахъ. Неуклюжіе, сонные, небольшаго роста, съ плоскимъ лицомъ, узкими, больными глазами; остяки принадлежатъ къ финскому племени, названіе „остякъ" произошло отъ татарскаго слова „угитякъ", т. е. дикій, и эти названіе какъ нельзя болѣе подходитъ къ остяку.

Обскіе остяки живутъ зимой въ бревенчатыхъ юртахъ, которыхъ нельзя даже сравнить съ худшей черной баней; лѣтнія юрты, имѣющія то форму конуса, то видъ навѣса, строятъ изъ тонкихъ деревьевъ и покрываютъ берестой. Питаются остяки рыбою, мясомъ лося, оленя, ѣдятъ даже крысъ; все это пожирается въ полу-сыромъ видѣ, въ большинствѣ безъ соли и хлѣба, такъ какъ послѣднее—роскошь для этихъ дикарей; къ числу остяцкихъ лакомствъ принадлежитъ теплая кровь животныхъ, а осенью кишки бѣлокъ, когда онѣ, т. е. кишки, напол-

нены кедровыми орѣхами. Изъ растительной пищи они употребляютъ черемшу, спасающую отъ цынги; одѣваются въ звѣриныя шкуры *).

Остяки платятъ подать не деньгами, а натурой „*ясакомъ*", т. е. звѣриными шкурами (соболя, лисицы, медвѣдя, горностая и прочихъ).

До завоеванія русскими, остяки управлялись своими князьями, потомки которыхъ есть еще и теперь въ березовскомъ округѣ, но не имѣютъ никакой власти; сами же князья жили около теперешняго г. Сургута; мѣсто это и теперь считается у остяковъ священнымъ.

Городъ *Сургутъ***), единственный представитель обширнаго сургутскаго края, имѣетъ до 200 домовъ и около 1000 жителей русскихъ; есть здѣсь мужская и женская начальныя школы, каменная церковь, почтовое отдѣленіе, полицейское управленіе съ исправникомъ и секретаремъ; нѣсколько лавокъ, пороховой погребъ,

---

*) Въ сибирской лѣтописи Саввы Есипова объ остякахъ, бродившихъ по Оби, между прочимъ сказано: „во истинну и скотамъ не уподобишеся сіи людіе; скотъ бо аще есть и безсловесно, но что есть Богомъ не повелѣно ясти ему, и не ястъ, звѣря ли, или птицы, или траву сѣнну. Сіи же человѣцы не уподобишася симъ, понеже... сыроядцы, звѣрина же и падская мяса снѣдающе скверно, и кровь піяху, яко воду, отъ животныхъ, и траву и корніе ядаху.

**) 61° с. ш. приблизительно.

хлѣбный и соляной магазины, куда хлѣбъ и соль доставляетъ правительство, причемъ, по закону, эти предметы первой необходимости должны быть всегда въ извѣстномъ количествѣ, сообразно нуждѣ, и продаваться инородцамъ во всякое время, съ прибылью въ пользу казны *не болѣе* 6%; въ случаѣ же обѣднѣнія инородцевъ, законъ дозволяетъ *продавать въ ущербъ казнѣ*, а во время голода раздавать даромъ. Нужно-ли говорить, что ничего этого не исполняютъ? Хлѣбъ и соль, во 1-хъ, рѣдко бываютъ въ должномъ количествѣ, а если и есть, то продаются *по невозможнымъ цѣнамъ*, благодаря чему, такъ называемые „вахтера“ набиваютъ свои карманы, а инородецъ, подъ охраною закона, гибнетъ съ голоду.

Жители Сургута занимаются мелочной торговлей, рыбной и звѣриной ловлей, доставкой дровъ на пароходы и отчасти огородничествомъ, такъ какъ здѣсь растетъ еще картофель, капуста и огурцы. Стоитъ городъ не на Оби, а на ея притокѣ *Бардаковкѣ*, и потому на пристани „Бѣлый Яръ“, находящейся въ 9 верстахъ отъ города, ничего нельзя было достать кромѣ плохаго хлѣба.

Въ этомъ неприглядномъ городишкѣ жили когда-то поселенцы-декабристы: Тизенгаузенъ,

Шахпревъ, Фохтъ и Фурманъ. Первый изъ нихъ былъ переведенъ въ Ялуторовскъ (тобольской губ.), а остальные здѣсь и умерли.

Мы уже упоминали, что *Обь* въ этой мѣстности очень широка и имѣетъ массу островов; иной разъ думаешь, что опредѣлились наконецъ ея берега, на самомъ же дѣлѣ мы плывемъ не по самой рѣкѣ, а по одному изъ ея многочисленныхъ рукавовъ, „протокъ". Берега Оби пологи, низки, покрыты тальникомъ; вездѣ тихо, дико и пустынно, только рыбалки оглашаютъ воздухъ своими криками, да порой прошумитъ, пролетая, стая дикихъ утокъ; кой-гдѣ мелькаютъ юрты остяка.

Помнимъ одинъ вечеръ: луна, то скрываясь за легкія тучки, то показываясь изъ за нихъ, освѣщала величественную Обь, бросая по водѣ серебристый столбъ; вѣтеръ стихъ; отдаленные берега рѣки чуть-чуть виднѣлись на золотистомъ западѣ, еще освѣщенномъ послѣдними лучами скрывшагося солнца; кругомъ тишина, прерываемая лишь мѣрными движеніями парохода; свѣжо, но хорошо! Вдругъ съ баржи донеслись до насъ звуки пѣсни, въ которой слышалась то удаль безшабашная, то грусть-тоска... „Гей-же вы, хлопци! Гей-же молодьци! чомъ вы смутны, не веселы"... долетало къ намъ.

Не хотѣлось думать, что находишься въ необитаемыхъ, дикихъ мѣстахъ, что вокругъ все мертво; что стоитъ высадиться на берегъ и тебя, культурнаго человѣка, ожидаетъ неминуемая смерть, если не наткнешься на какую нибудь юрту дикаго остяка, которой иногда нѣтъ на сотни верстъ!

Такова мѣстность до Сургута и дальше, почти до границы томской губерніи.

Миновавъ Сургутъ, мы остановились около пристани „Мелитопольскія Мели“, гдѣ намъ удалось близко видѣть остяковъ, пріѣхавшихъ сюда на маленькихъ лодочкахъ и привезшихъ стерлядь, осетровъ и дичь, чѣмъ наглядно показали свой образъ жизни и занятіе.

Некрасивые, черные, грязные, съ волосами на подобіе шапки, остяки были одѣты въ какія-то тряпки, очевидно вымѣнянныя у русскихъ: были и въ халатахъ, и въ пальто, даже въ кофтахъ, нѣкоторые безъ брюкъ, не смотря на дождь и довольно чувствительный холодъ. Были здѣсь и женщины въ безобразнаго покроя ситцевыхъ платьяхъ, а одна—просто въ арестантскомъ халатѣ съ кускомъ кожи на груди, усѣяннымъ бѣлыми пуговицами; дѣти полунагія; одна дѣвочка лѣтъ 12-ти, худая, блѣд-

ная, въ лохмотьяхъ, держала на рукахъ ребенка; „это мать“ сказали намъ.

Продажа рыбы и дичи производилась слѣдующимъ образомъ: въ руку остяка бросали мѣдныя деньги (серебра они не любятъ), и онъ отрицательно качалъ головой, пока сумма его не удовлетворяла, тогда онъ отдавалъ рыбу. Охотнѣе, чѣмъ деньги, остяки берутъ хлѣбъ: мы видѣли, какъ одинъ остякъ торжественно уносилъ два бѣлыхъ хлѣба, за которые отдалъ массу рыбы, а остальная толпа съ жадностью и завистью глядѣла на счастливца. Болѣе всего однако остяки любятъ водку, и можно себѣ представить, какъ пользуются этой страстью и поощряютъ ее купцы, скупающіе у инородцевъ шкуры, рыбу и дичь.

Слѣдующая пристань, село *Тымское*, не велика: не болѣе десятка домишекъ, старая церковь и только, хотя издали оно кажется большимъ, благодаря тому, что дома построены далеко одинъ отъ другаго: земля вѣдь въ Сибири не мѣрена, бери сколько хочешь!

С. Тымское стоитъ на землѣ, принадлежащей, собственно, самоѣдамъ, но здѣсь поселились русскіе промышленники, скупающіе у инородцевъ шкуры, которыя потомъ сбываютъ въ Нарымѣ и Томскѣ. Самоѣды, лишь изрѣдка при-

не превышаетъ Сургута, если даже не меньше его; такой-же глухой, мертвый; жители—мѣщане и козаки—занимаются рыбной ловлей; торговля находится въ рукахъ нѣсколькихъ купцовъ, сбывающихъ товаръ, купленный у инородцевъ, въ Томскѣ и Ирбитѣ.

Нарымскій край находится въ вѣдѣніи засѣдателя 5-го участка томскаго округа; засѣдатель живетъ въ самомъ Нарымѣ, гдѣ есть и такъ называемое „расходное отдѣленіе", куда инородцы этого края сдаютъ „ясакъ", о которомъ мы упоминали, говоря о сургутскомъ краѣ; какъ и въ Сургутѣ, здѣсь имѣются тѣже „запасные магазины", порядки въ которыхъ не уступаютъ выше описаннымъ и дѣла ведутся точно также.

Оставляя Нарымъ, сообщимъ, что здѣсь былъ на поселеніи декабристъ Выгодовскій; каково жилось ему въ этой глуши, одному Богу извѣстно.

За Нарымомъ мы останавливались въ ц. *Колпашево*; это послѣдняя до Томска пристань на правомъ берегу Оби; жителей—татаръ и русскихъ—до 600 человѣкъ; здѣсь уже занимаются земледѣліемъ; лѣсъ становится крупнѣе, есть кедры. Дальше къ Томску остяцкихъ юртъ почти уже нѣтъ; все чаще и чаще попадаются русскія рыбацкія поселенія; нѣсколько разъ мы

ходящіе въ село, нанимаются рубить дрова для пароходовъ; ведутъ они точно такую жизнь, какъ и остяки, которыхъ и въ нарымскомъ краѣ немало; прибавимъ, что тѣ и другіе ѣздятъ зимой на собакахъ, запряженныхъ въ нарты— родъ саней.

Въ 110-ти верстахъ отъ с. Тымскаго, внизъ по *Оби*, расположенъ *Нарымъ*)*, заштатный городъ томской губерніи. Это единственный городъ въ громадномъ нарымскомъ краѣ; онъ находится верстахъ въ двухъ отъ Оби, на правомъ берегу р. *Кети*, берущей начало въ енисейской губерніи и впадающей въ Обь нѣсколькими рукавами, изъ которыхъ самые большіе около д. Колпашевой, о которой скажемъ ниже, и у Нарыма. Кеть такъ близко подходитъ къ р. *Енисею*, что при ея посредствѣ этотъ послѣдній будетъ соединенъ съ Обью **).

По количеству домовъ и жителей, Нарымъ

---

*) 59° с. ш. приблизительно.

**) Работы по прорытію канала уже начаты. Изъ Кети въ рр. Озерную, Ламатовую, Язевую до верховьевъ этой послѣдней; верховье Язевой обходится каналомъ до большаго Озера, откуда семи верстный каналъ идетъ къ Малому Касу, притоку Енисея; изъ Малаго Каса переходитъ въ Большой, и, за версту съ небольшимъ отъ впаденія этого послѣдняго въ Енисей, будетъ еще каналъ до самаго Енисея. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, каналъ этотъ не выполнитъ своего назначенія.

видѣли, какъ на песчаныхъ отмеляхъ народъ тащилъ громадные, по 500 саженъ, невода, около которыхъ плавала и летала масса рыбалокъ, безцеремонно хватавшихъ рыбу; въ одномъ мѣстѣ неводъ тащили воротомъ.

Въ с. *Орловкѣ* не останавливались. „Скоро ли пріѣдемъ въ Томскъ"? спросили мы. Версты не считаны—отвѣтъ. Вотъ патріархальность!

Изъ Оби мы въѣхали въ *Томь*, которая беретъ начало въ Кузнецкомъ Алатау, течетъ на протяженіи 700 вер. и въ 60-ти верстахъ отъ Томска впадаетъ въ Обь.

Берега Томи покрыты лиственнымъ лѣсомъ, въ которомъ изрѣдка попадаются хвойныя деревья, довольно красивыя; по берегамъ немало селъ, деревень и заимокъ (хуторъ); вообще чувствуешь, что приближаешься къ довольно большому оживленному городу, что безграничныя, страшныя тундры сургутскаго и нарымскаго краевъ съ ихъ дикими инородцами остались далеко позади; мы—въ сравнительно цивилизованной мѣстности, и легче становится на душѣ.

Передъ вечеромъ „Коссаговскій" подошелъ къ пристани, находящейся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Томска; мы поспѣшили въ городъ, а партія, пріѣхавшая на баржѣ, была тамъ оставлена до утра.

Основаніе Томска относится къ началу XVII столѣтія, когда жившіе здѣсь татары, не надѣясь устоять противъ русскаго нашествія, отправили къ Борису Годунову депутацію, во главѣ съ княземъ своимъ Тояномъ, прося принять ихъ въ подданство. Депутація, конечно, была принята, и уже въ 1604 году положено основаніе Томску на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ и теперь, т. е. въ удобной и красивой мѣстности на р. Томи и рч. Ушайкѣ, притокѣ первой.

Съ самаго основанія Томскъ начинаетъ играть выдающуюся роль въ торговомъ и стратегическомъ отношеніяхъ: отсюда ведутся или мирные, своеобразно-дипломатическіе переговоры съ непокоренными еще инородцами, которыхъ различными способами склоняли къ подданству; или „царскіе люди“, не видя толку въ разговорахъ, прибѣгали къ силѣ и этимъ путемъ достигали желаемаго; такъ „мирно“ были покорены нѣкоторыя татарскія племена, енисейскіе остяки и другіе; но немало пришлось пролить крови при покореніи киргизовъ, которые, лѣтъ черезъ пять послѣ основанія Томска, не только сами напали на городъ, но подняли многихъ уже покоренныхъ инородцевъ; кровопролитіе было страшное, хотя побѣда, въ концѣ концовъ, осталась за русскими, и лѣтъ черезъ 7—8 по-

слѣ многихъ жаркихъ стычекъ въ верховьяхъ Чулыма, киргизы были покорены окончательно.

Въ 1629 г. Томскъ былъ сдѣланъ провинціальнымъ городомъ въ зависимости отъ Тобольска; въ 1848 г. онъ сгорѣлъ и былъ возобновленъ; при Петрѣ I—причисленъ къ Енисейску, въ 1727 г.—опять къ Тобольску; при Екатеринѣ II былъ сдѣланъ областнымъ, въ 1797 —уѣзднымъ, и наконецъ въ 1800 г. при Павлѣ—губернскимъ, каковымъ состоитъ и по настоящее время. Съ возникновеніемъ Енисейска и Красноярска, Томскъ временно упалъ, но теперь эти города уступаютъ ему во всѣхъ отношеніяхъ. Томскъ лежитъ подъ 56° 30' с. ш. и 102° 38' в. д., въ 1430 верстахъ отъ Тобольска и 4214 отъ Петербурга, считая по большому сибирскому тракту. Въ настоящее время въ Томскѣ насчитываютъ 33,834 человѣка обоего пола и 8,012 строеній, изъ которыхъ 255 каменныхъ. Кромѣ русскихъ, среди жителей города есть значительное количество евреевъ, татаръ, поляковъ (въ большинствѣ ссыльные 63 г.), и въ незначительномъ количествѣ самоѣды, черкесы, чуваши а также французы, нѣмцы, датчане, венгры и пр. народы населяющіе Европу. Такое разнообразіе въ населеніи не удивительно; вѣдь Томскъ городъ сибир-

скій, слѣдовательно здѣсь не мало ссыльнаго элемента—это во-первыхъ, а во вторыхъ, Томскъ,—благодаря выгодному положенію на большомъ сибирскомъ трактѣ, при судоходныхъ рѣкахъ—играетъ одну изъ выдающихся ролей въ торговомъ отношеніи; черезъ него ежегодно провозится болѣе 3 м. пудовъ товару изъ Россіи въ Сибирь и наоборотъ, не считая хлѣба, который въ значительномъ количествѣ вывозится отсюда въ безхлѣбныя мѣста западной Сибири. Доходы Томска достигаютъ до 150 т. рублей въ годъ. Здѣсь есть реальное училище, мужская и женская гимназіи, десятка полтора городскихъ училищъ, изъ которыхъ 7 для мальчиковъ, 5 для дѣвочекъ, 1 еврейское и 2 воскресныхъ школы; театръ, книжный магазинъ, и при немъ читальня и библіотека; отдѣленіе русскаго музыкальнаго общества, статистичекій комитетъ; строится университетъ*) и издается очень порядочная газета „Сибирская Газета" и... „Сибирскій Вѣстникъ".

Вообще, внѣшній видъ города очень сносный. Томскъ, въ культурномъ отношеніи, стоитъ вы-

*) Теперь университетъ уже оконченъ; въ 86 г. ждали его открытія, но по неизвѣстнымъ причинамъ открытіе, къ крайнему огорченію сибиряковъ, отложено на неопредѣленное время.

ше всѣхъ городовъ Сибири, кромѣ Иркутска хотя и очень удаленнаго на востокъ, но самаго интеллигентнаго города Сибири. Чтобы закончить описаніе Томска скажемъ, что въ царствованіе Анны Іоанновны въ одномъ изъ томскихъ монастырей томилась Екатерина Долгорукая; при Николаѣ I сюда сосланъ былъ сибирякъ—декабристъ Батенковъ; теперь же, кромѣ поляковъ 63 года, есть еще и „административныхъ" немало; благодаря изданнымъ въ 81 году „правиламъ", имъ очень трудно устроиться какъ слѣдуетъ, такъ какъ всѣ почти занятія воспрещены, а въ такомъ городѣ, какъ Томскъ, люди образованные, каковы въ большинствѣ „административные", могли бы найти примѣненіе своимъ познаніямъ, чѣмъ принесли-бы немало пользы странѣ.

Закончимъ эту главу свѣдѣніями о почтовомъ и зимнемъ пути между Тюменью и Томскомъ, проходящемъ на разстояніи 1509 верстъ, черезъ слѣдующіе города: *Ялуторовскъ*, *Ишимъ*, *Тюкалинскъ* (тобольской губерніи), *Омскъ* (семипалатинской области), *Каинскъ* и *Колывань* (томской гсберніи).

Округъ ялуторовскій лѣсистый;—ишимскій и тюкалинскій считаются житницей тобольской губерніи, здѣсь произрастаютъ даже очень снос-

ные арбузы и дыни. Слѣдующій за Тюкалинскомъ (138 вер.) г. *Омскъ* принадлежитъ къ числу лучшихъ городовъ западной Сибири; прежде здѣсь проживалъ генералъ-губернаторъ зап. Сиб., а теперь, съ упраздненіемъ этого генералъ-губернаторства, здѣсь резиденція генералъ-губернатора степнаго. Въ 353 вер. отъ Омска расположенъ г. *Каинскъ,* находящійся въ центрѣ извѣстной *барабинской степи,* по которой приходится ѣхать болѣе 300 вер., до г. *Колывани.* Въ сухое лѣто дорога въ степи прекрасная, но во время дождей, а также весною и осенью, ѣхать по этому болоту просто невыносимо.

Барабинская степь лежитъ между Обью и Иртышемъ; простираясь съ сѣвера на югъ, отъ 57° приблизительно до 53° с. ш., она занимаетъ часть Каинскаго, Томскаго, Омскаго, Тарскаго и Сургутскаго округовъ, нося различныя названія: на сѣверѣ—Васьюганской, на югѣ—Кулундинской, а въ центрѣ, по тракту, Барабинской.

„Бараба"—это ровное, травянистое полуболото съ плодородною почвою, съ миріадами насѣкомыхъ, мучащихъ человѣка и животныхъ во всякое время дня и ночи; если прибавить къ этому, что эта степь—гнѣздо и родина си-

бирской язвы, то, не смотря на богатство барабинской почвы, на ея луга, массу рыбы и дичи, нельзя не пожалѣть обитающихъ здѣсь. Большинство жителей Карабы—потомки ссыльно-каторжныхъ.

Кромѣ, такъ сказать, оффиціальнаго пути между Тюменью и Томскомъ, существуетъ еще частный, „купеческій трактъ“, верстъ на сорокъ съ небольшимъ короче почтоваго: онъ расходится съ послѣднимъ отъ Тюкалинска, и опять сходится на ст. Вознесенской, въ 130 вер. отъ Каинска.

Нечего и говорить, что путешествіе на почтовыхъ обходится гораздо дороже, чѣмъ на пароходѣ, не смотря на то, что между Тюменью и Томскомъ платятъ только 1½ коп. съ версты и лошади. Мы уже не говоримъ объ удобствахъ: чего стоятъ однѣ переправы черезъ сибирскія рѣки, на которыхъ нѣтъ постоянныхъ мостовъ.

Осенью и весною, благодаря этому послѣднему обстоятельству, на нѣкоторое время вовсе прекращается сообщеніе въ Сибири: даже почты или вовсе не ходятъ, или страшно запаздываютъ. А рѣкъ въ Сибири, какъ извѣстно не мало; между Тюменью и Томскомъ существуетъ,

напримѣръ, девять перевозовъ, черезъ рѣки, между которыми встрѣчаются такія громадины, какъ Обь, Иртышъ и такъ далѣе*).

---

*) Сибиряки хлопочутъ о проведеніи желѣзной дороги между Тюменью, Томскомъ и Красноярскомъ, а отсюда до Иркутска. Мы уже говорили, что есть и противники желѣзно-дорожнаго пути.

ГЛАВА VI-я.

Томскія тюрьмы. Арестантская организація. Побѣги. „Смѣна“. Смѣнщики. Наказаніе плетьми и розгами. Жиганы. Майданщикъ. Бродяги. Староста и подстароста.

Въ Томскѣ, какъ мы упомянули раньше, двѣ тюрьмы; губернская, „содержающая“, какъ называютъ ее арестанты, и „центральная пересыльная“. Первая—это большое, трехъ-этажное зданіе съ довольно обширнымъ, чистымъ дворомъ, посреди котораго есть нѣчто въ родѣ садика; при тюрьмѣ есть кузница, слесарныя мастерскія, гдѣ работаютъ арестанты; есть грязная, тѣсная баня. Камеръ въ верхнихъ этажахъ и на женскомъ отдѣленіи, помѣщающемся въ отдѣльномъ зданіи черезъ улицу, мы не знаемъ, такъ какъ намъ пришлось побывать только въ нижнемъ этажѣ и въ „татарскомъ отдѣленіи“: свѣтлыя, просторныя, но грязныя общія камеры и нѣсколько одиночныхъ съ окна-

ми на улицу; эти „секретныя“ одиночки напомнили намъ описаніе средневѣковыхъ тюремъ: сводчатые потолки, почернѣвшіе отъ времени, каменный полъ, по которому глухо раздаются шаги часовыхъ; вездѣ, не исключая полутемнаго коррпдора, затхлый, сырой воздухъ; неудивительно, что заключенные жаловались на ревматизмъ, лихорадки и т. п.

На окраинѣ города, по дорогѣ въ Красноярскъ, расположена другая тюрьма, „центральная пересыльная“, окруженная высокимъ частоколомъ и состоящая изъ нѣсколькихъ деревянныхъ зданій, между которыми выдѣляется своею крестообразною формою церковь, расположенная прямо противъ воротъ, посреди обширнаго двора; кромѣ постоянныхъ построекъ, здѣсь есть еще и временные бараки, гдѣ арестанты помѣщаются лѣтомъ. Не смотря на обширность тюрьмы, въ ней очень замѣтно ощущается недостатокъ помѣщенія, такъ какъ, во время навигаціи, арестантовъ скопляется здѣсь многое множество, благодаря чему, все биткомъ бываетъ набито, да еще человѣкъ по 100—200 отправляютъ въ губернскій замокъ*).

*) Тюрьма выстроена на 1,200 человѣкъ, а въ ней нерѣдко скопляется до 2½ тысячъ. Неудивительно, что изъ 38,432 ч., перебывавшихъ въ томской тюрьмѣ съ 1877 по 1880 годъ, заболѣло

Тѣснота помѣщенія—главный недостатокъ тюрьмы; камеры въ большинствѣ свѣтлыя, высокія и, при незначительномъ количествѣ народа, здѣсь было-бы сноснѣе, чѣмъ въ другихъ тюрьмахъ, не говоря ужъ объ этапахъ; но теперь гигіеническія условія ни чуть не лучше, чѣмъ въ остальныхъ тюрьмахъ, расположенныхъ на пути.

Въ Томскѣ еженедѣльно привозятъ гораздо больше народу, чѣмъ отправляютъ въ Красноярскъ, и потому арестанты сидятъ въ пересыльной тюрьмѣ по долгу; здѣсь удобнѣе всего познакомиться съ внутреннимъ строемъ партіи.

Арестантская партія, это—организованное общество съ собственнымъ „сводомъ законовъ“ и неумолимымъ „уложеніемъ о наказаніяхъ“. Законы здѣсь просты, наказанія тоже; собственно говоря, существуетъ одно преступленіе—*доносъ*, одно наказаніе—*смерть*. Развитіе арестантской организаціи и законодательства очень просто и понятно: отдѣльно взятый арестантъ—личность безправная, въ буквальномъ смыслѣ этого слова: съ нимъ можно поступать, какъ кому заблагоразсудится; для самозащиты является артель, организація. Основа организаціи—недопу-

7471 г., изъ которыхъ 957 умерло, т. е. выходитъ болѣе 10% заболѣвшихъ, а изъ этихъ послѣднихъ болѣе 12% отправилось на томское кладбище, находящееся по сосѣдству.

щеніе начальства въ тайны своей жизни; недопустить силой нельзя, необходимы хитрость и абсолютная тайна—вотъ причина страшнаго наказанія за доносъ; *молчи!* вотъ вся суть, весь нравственный кодексъ арестантской жизни; можно убить, ограбить, надуть своего ближняго, такого-же арестанта, но донести невозможно*). Какъ же заставить молчать такую массу разнообразнѣйшихъ преступниковъ? Только угрозой смерти, почти всегда приводимой въ исполненіе. Вотъ почему арестантъ, не будучи увѣренъ въ неприкосновенности своей собственности, даже жизни, въ большинствѣ случаевъ, можетъ быть покоенъ, что его не выдадутъ, когда онъ затѣваетъ побѣгъ, или желаетъ сдѣлать что-нибудь противъ начальства.

Побѣги изъ тюремъ и этаповъ—вещь рискованная, и потому арестанты чаще всего прибѣгаютъ къ „смѣнѣ“: желающій бѣжать—каторжникъ или идущій въ отдаленнѣйшія мѣста, т. е. въ якутскую область—отыскиваетъ въ партіи какого-нибудь бѣдняка, идущаго на поселеніе, и

---

*) Впрочемъ, намъ передавали, что въ одной изъ русскихъ тюремъ среди женщинъ существовало наказаніе за кражу. „На волѣ кради, сколько хочешь, а здѣсь у своихъ не смѣй“. Намъ передавали также, что разъ до полусмерти избили одну арестантку, которая украла двугривенный у сосѣдки, хотя послѣднюю всѣ не любили за ея крайне неуживчивый нравъ.

мѣняется съ нимъ именемъ и фамиліей, при чемъ, если у собирающагося бѣжать нѣтъ нужной суммы, и если онъ идетъ въ каторгу безъ срока или на 20 лѣтъ, то для него собираютъ деньги, и никто не отказывается дать хоть-бы копѣйку, если нѣтъ больше. Иногда „примѣты“ смѣняющихся не совсѣмъ сходны, но въ такихъ случаяхъ бѣднякъ не задумается причинить себѣ даже физическое страданіе; такъ, напримѣръ, въ т—ой тюрьмѣ у одного смѣнявшагося каторжника былъ волдырь на лбу; смѣнившій его поселенецъ, не долго думая, разбѣжался и что есть силы ударился лбомъ объ стѣну, дабы имѣть примѣту каторжника, въ случаѣ начальство вздумало-бы провѣрить примѣты; и это за какихъ-нибудь два—три рубля: до того велика нужда большинства! Обмѣнявшись, каторжникъ выходитъ на перекличкахъ за поселенца, а поселенецъ за каторжника, пока послѣдній не выйдетъ вмѣсто поселенца на волю: выпущенный на поселеніе въ какую-нибудь волость, онъ немедленно бѣжитъ и дѣлается *бродягою*. Понятно, все это бываетъ извѣстно всей партіи и возможно лишь при страшной боязни наказанія за доносъ. Смѣнщикъ, не желая идти на каторгу, скоро послѣ ухода каторжника, объявляетъ начальству свою настоящую фами-

лію; начинается слѣдствіе, справки, и, въ концѣ концовъ, смѣнщика отправляютъ на каторгу или поселеніе, предварительно наказавъ *плетьми;* въ этомъ послѣднемъ случаѣ „артель“ также выручаетъ своего товарища: чтобы облегчить участь наказуемаго: дѣлаютъ сборъ и вручаютъ деньги, „маховыя“*) (отъ: „махать“) палачу, который за вознагражденіе дѣйствуетъ такъ ловко, что *плеть* почти не касается тѣла арестанта. Гораздо хуже *розги*, отъ которыхъ откупиться невозможно: наказываетъ розгами не свой братъ-арестантъ, а полицейскій или тюремный служитель въ присутствіи тюремнаго смотрителя или какого-нибудь начальства.

Смѣнщика скорѣе всего можно найти среди *жигановъ. Жиганъ* — это проигравшійся въ карты арестантъ. Нужно замѣтить, что картежная игра, не смотря на всѣ запрещенія, развита въ большихъ размѣрахъ во всякой тюрьмѣ, во всякой партіи: есть арестанты, черезъ руки которыхъ проходитъ по 100—200 рублей! Увлекшись, арестантъ проигрываетъ всѣ свои деньги, все свое и казенное имущество и даже „кормо-

*) Палачи въ тюрьмахъ вообще состоятъ на жалованіи у арестантовъ: кромѣ денегъ, имъ даютъ и продукты въ счетъ будущаго снисхожденія. *Палачъ* всегда бываетъ изъ арестантовъ-же.

выя“ за весь путь впередъ, т. е. обрекаетъ себя на голодъ.

Картами игроковъ снабжаетъ майданщикъ; онъ же даетъ деньги подъ залогъ имущества и кормовыхъ. *Майданщикъ* въ партіи это тоже, что маркитантъ при войскахъ: съ большой опасностью онъ достаетъ и держитъ у себя все воспрещенное: у него есть не только карты, но и водка, табакъ, закуска, не говоря ужъ о чаѣ, сахарѣ и т. п.; все это продаетъ онъ въ три—дорога и, конечно, наживается. Въ существованіи *майдана* заинтересованы всѣ, а потому онъ охраняется строгимъ молчаніемъ*). Въ виду того, что иногда на этапахъ, а въ губернскихъ городахъ всегда, провѣряютъ казенную одежду, и тѣхъ, у кого ея нѣтъ—наказываютъ, майданщики часто снабжаютъ жигановъ временно, для начальства, вещами и потомъ отбираютъ ее, благодаря чему жиганы ходятъ въ лохмотьяхъ, питаясь лишь подаяніемъ, которымъ надѣляютъ партію въ деревняхъ и селахъ. По-

---

*) Собственно говоря, торговать въ тюрьмѣ не запрещаютъ предметами дозволенными (чай, сахаръ, булки и пр.):—и майданщики дѣлаютъ закупки съ разрѣшенія начальства и, въ большихъ тюрьмахъ, въ солидныхъ размѣрахъ. Такъ намъ передавали, что знаменитая *Золотая Ручка*, которую мы видѣли въ Москвѣ, вела въ пересыльной тюрьмѣ очень бойкую торговлю въ майданѣ.

даяніе собираетъ жиганскій староста и дѣлитъ потомъ поровну между всѣми; *жиганы* въ партіи исполняютъ роль прислуги за ничтожное вознагражденіе: носятъ дрова, воду, парашу, подметаютъ камеры и т. д. Гроши, получаемые жиганами отъ партіи, немедленно проигрываются или пропиваются; выпущенные на свободу жиганы пополняютъ собою кадры мелкихъ воровъ и плутовъ.

Самые вліятельные и самые солидарные между собой лица въ партіи — это *бродяги*; стоитъ оскорбить одного бродягу, и приходится имѣть дѣло съ цѣлою компаніей; нерѣдко десятокъ *бродягъ* держитъ въ рукахъ всю партію. Причина понятна: *бродяга* не разъ надувалъ начальство, уходилъ изъ подъ замковъ и отъ конвоя, прошелъ вдоль и поперекъ Сибирь, гулялъ на волѣ на правахъ свободнаго человѣка и теперь идетъ на поселеніе. Оно ему не страшно: онъ хорошо знаетъ всѣ мѣста, гдѣ придется проходить, и часто заранѣе рѣшаетъ, откуда онъ убѣжитъ, и непремѣнно убѣжитъ! Кто лучше бродяги знаетъ начальство отъ Одессы до Сахалина? Кто знаетъ путь, всѣ бродяжьи тропы въ тайгѣ? Какъ абойтись безъ бродяги новичку, идущему въ Сибирь впервые и желающему бѣжать? *Бродяга* понимаетъ это и, какъ нельзя

лучше, пользуется обстоятельствами, эксплуатируя простыхъ смертныхъ изъ арестантовъ самымъ безцеремоннымъ образомъ; нерѣдко онъ грабитъ и убиваетъ тѣхъ, которыхъ самъ-же выручилъ изъ бѣды, давъ возможность бѣжать. У бродяги потеряно чувство жалости, человѣчности: его никто не жалѣетъ, и онъ никого: сегодня на него охотятся, какъ на дикаго звѣря, онъ питается одними кореньями*), терпитъ нужду, голодъ и холодъ, а завтра онъ убиваетъ своего преслѣдователя или кого попало, грабитъ, воруетъ и кутитъ напропалую, топитъ въ винѣ воспоминаніе о пережитыхъ страданіяхъ. Разсказами *бродягъ* о ихъ странствіяхъ и баснословныхъ приключеніяхъ можно бы наполнить цѣлые томы, но многое въ ихъ повѣствованіяхъ— чистѣйшая ложь: принужденный передъ начальствомъ скрывать свое имя, свое прошлое, бродяга привыкаетъ лгать, говоря о своихъ похожденіяхъ, преувеличивая опасности, которымъ подвергался, хотя онѣ и безъ того велики; конечно, онъ не скрываетъ своего прошлаго отъ товарищей, которые нерѣдко знаютъ его на-

*) Въ Сибири, на горахъ, мы встрѣчали растеніе съ широкими толстыми листьями, которое называютъ „бодяга" или „бродяжій чай"; они его пьютъ.

стоящее имя, но неарестантъ можетъ быть увѣренъ, что бродяга вретъ ему немало.

Количеству бродягъ въ Сибири нѣсть числа: плохо ли живется въ чужой сторонѣ, одолѣетъ ли тоска по родинѣ и семьѣ,—беретъ ссыльный котомку, котелокъ и идетъ, рѣдко достигая желаннаго мѣста, а чаще попадаясь въ дорогѣ; иногда, застигнутый вьюгой и морозами, онъ добровольно является въ тюрьму (въ Сибири къ зимѣ тюрьмы полнешеньки), называетъ себя уроженцемъ какой-нибудь губерніи, куда его и отправляютъ. Уличенный въ обманѣ, онъ мѣняетъ показанія, его отправляютъ въ новое мѣсто и т. д. по нѣсколько разъ, пока разсерженное начальство не предастъ его суду (безъ присяжныхъ), и не осудитъ его на поселеніе.

Бродяжатъ нерѣдко люди, не совершившіе никакихъ преступленій: бродяжество это какая-то принадлежность русской жизни, вызванная, несомнѣнно, экономическимъ и гражданскимъ строемъ нашей родины. Уничтожить это зло возможно только, поднявъ умственный, нравственный и экономическій уровень страны.

Бродяжатъ не только мужчины, но и женщины; если мужчинѣ трудна и опасна бродячая жизнь, то, понятно, для женщины она вдвое труднѣе и опаснѣе. Кромѣ вышеупомянутыхъ

условій, общихъ для всѣхъ, женщинъ заставляетъ бродяжить ихъ подневольное, нерѣдко унизительное положеніе, какъ женъ и дочерей, заставляющее бѣжать отъ постылаго мужа или строгихъ родителей; очень часто причиною служитъ также любовь къ какому нибудь бродягѣ, за которымъ любящая женщина съ свойственнымъ ея полу самоотверженіемъ слѣдуетъ всюду. Нужно замѣтить, что, не смотря на всю испорченность уголовной среды, на весь царящій въ ней развратъ, намъ пришлось видѣть немало примѣровъ самой безкорыстной, самой глубокой любви; такъ, въ томской тюрьмѣ мы видѣли молодую дѣвушку, которая года два назадъ добровольно назвалась „непомнящей родства“, чтобы слѣдовать за своимъ „любителемъ“; оставленные на поселеніи въ иркутской губерніи, они вмѣстѣ ушли и долго бродяжили; но дѣвушка, не смотря на всю свою любовь, должна была бросить бродягу за звѣрское съ нею обращеніе, вскорѣ была арестована, открыла свой „родъ жизни“ и была отправлена въ Москву, но на пути сошлась съ другимъ бродягой и теперь шла за нимъ въ Восточную Сибирь, вновь перенося всѣ неудобства путешествія: была два раза больна тифомъ— а вѣдь стоило ей сказать свою фамилію, и

скоро она была-бы на свободѣ! И это фактъ не единичный. Часто причина бродяжничества— стыдъ явиться въ родимую деревню съ конвоемъ: въ описываемой нами партіи за Ачинскомъ мы познакомились съ одной женщиной, лѣтъ 30, шедшей изъ Тобольска на каторгу, и она говорила намъ, что, лѣтъ семь назадъ, будучи арестована въ Курскѣ безъ паспорта *), она побоялась указать, откуда родомъ: „отецъ проклялъ-бы меня, да и сестра—невѣстка заѣла-бы; съ роду вѣдь у насъ сраму этакого не было, чтобы кто въ тюрьмѣ сидѣлъ, или укралъ что, не бывало этого! А тутъ въ части бабы научили: „скажи, что бродяга“, ну я, по дурости, и послушала ихъ, и пошла въ энтакую жизнь: молода—глупа была; а теперь не вернешь; иду въ работы за поджогъ изъ ревности, это ужъ недавно случилось, а раньше никакихъ преступленіевъ за мной не было, нѣ-етъ!“—Нерѣдко мужья и любовники угрозами заставляютъ женщину бродяжить. Мы сами видѣли одну такую скромную, тихую женщину, до безумія любившую своихъ дѣтей; мужъ ея, изъ зажиточ-

*) Насколько бы уменьшилось бродяжество, если-бы, напримѣръ, была уничтожена паспортная система, ровно никакого смысла не имѣющая, но благодаря которой народу приходится переносить не мало лишнихъ невзгодъ.

ныхъ крестьянъ, совершивъ убійство, скрылся; однажды ночью онъ явился къ ней и сказалъ, что если она не пойдетъ съ нимъ бродяжить, то онъ убьетъ сына. Несчастная мать, взявъ своихъ дѣтей, телѣгу съ конемъ и кое-какую одеженку, отправилась странствовать съ мужемъ по весямъ и дебрямъ Сибири; мало того что терпѣла нужду—принуждена была смотрѣть, какъ чахла ея пятилѣтняя дочь, вскорѣ умершая; только смерть мужа, утонувшаго черезъ годъ въ р. Томи, дала возможность бѣдной скиталицѣ объявить, кто она, и быть отправленной по этапу при партіи, на родину, въ Енисейскую губернію. *)

Мы сказали уже, что бродяги пользуются наибольшимъ почетомъ въ партіи: староста, который обязательно долженъ быть въ каждой партіи, выбирается чаще всего изъ ихъ среды. *Староста*—представитель партіи, защитникъ ея интересовъ, посредникъ между начальствомъ и арестантами; онъ получаетъ на руки „кормовыя“ на всѣхъ и онъ же раздаетъ ихъ, при чемъ, для удобства, партія дѣлится на десятки; нужно-ли

---

*) Администрація часто сквозь пальцы смотритъ на бродягъ: нерѣдко когда въ волость является партія поселенцевъ, ихъ прямо спрашиваютъ: кто уйдетъ бродяжить? Заявившіе желаніе не вносятся въ списки, „чтобы поменьше было дѣла“.

обратиться къ этапному офицеру съ какой-либо просьбой, идетъ староста и, какъ человѣкъ знающій все начальство, заранѣе можетъ сказать, у кого и о чемъ можно просить; староста же долженъ заботиться, чтобы были телѣги не только для больныхъ и дѣтей, но и лишнія, на случай, кто устанетъ; чтобы получить лишнія телѣги, два-три арестанта притворяются больными (а они мастера на это!); староста заявляетъ офицеру, что такіе-то пѣшкомъ идти не могутъ; получивъ просимое, староста обязанъ слѣдить, чтобы никто на телѣгѣ не сидѣлъ слишкомъ долго, чтобы соблюдалась очередь; изъ-за мѣстъ на подводѣ подымаются вѣчныя ссоры, но стоитъ вмѣшаться старостѣ, и немедленно его распоряженіе приводится въ исполненіе. Обязанность представителя партіи довольно хлопотливая, а потому нерѣдко бываетъ еще и *подъ-староста*; но кромѣ хлопотливости, обязанность эта довольно отвѣтственна: за побѣги, бунтъ арестантовъ старостѣ не миновать розогъ или плетей; поэтому они строго смотрятъ за порядкомъ; опредѣленнаго вознагражденія арестантскіе выборные администраторы не получаютъ, но доходовъ имѣютъ немало.

Такимъ образомъ, въ партіи есть свое пра-

вительство (староста и его помощникъ), аристократія (бродяги), среднее сословіе (арестанты вообще) и пролетаріатъ (жиганы).

Теперь разскажемъ о путешествіи партіи по Западной Сибири.

ГЛАВА VII.

Отправленіе партіи изъ Томска. Привалъ. Отъ Томска до Красноярска. Этапъ. Медицинская помощь. Устройство полуэтаповъ. Надписи на стѣнахъ. Устройство этаповъ. Маріинскій округъ. Маріинскъ.

Въ концѣ августа передъ томской тюрьмой мы увидѣли знакомую уже читателю картину *) отправленія партіи въ путь съ тѣмъ только различіемъ, что теперь арестантовъ вели не на вокзалъ, какъ въ Москвѣ, а въ далекій-далекій пѣшій путь. Партія состояла изъ 300 безъ малаго человѣкъ мужскаго пола**); всѣ они, за исключеніемъ калѣкъ и стариковъ, были закованы

*) Глава III-я.

**) Въ 83 году вышло распоряженіе, чтобы холостые мужчины шли отдѣльно, а женатые—съ женами и дѣтьми—въ одной партіи съ дѣвушками и вдовами, но правило это соблюдалось не всегда, такъ, напр., при насъ въ Ачинскѣ мужская партія застала партію женщинъ, которыя пробыли здѣсь лишнюю недѣлю, за неимѣніемъ конвоя, а дальше пошли вмѣстѣ съ мужчинами.

въ кандалы; арестанты выстроились въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала пѣшіе, дальше телѣги съ больными и вещами, потомъ, на телѣгахъже, политическіе (25 человѣкъ: 15 осталось въ Тюмени для отправки въ степное генералъ-губернаторство), а въ концѣ экипажъ, въ которомъ помѣстился этапный офицеръ; конвоировъ было немного: на 300 человѣкъ криминалистовъ всего 25 солдатъ, и столько-же для политическихъ. Партія, громко звеня кандалами, въ такомъ порядкѣ медленно зашагала по срединѣ дороги, чуть-чуть вздымая ногами улегшуюся за ночь, еще влажную отъ росы пыль. Проходя черезъ села и деревни, арестанты пѣли длинную заунывную „милосердную“ пѣсню; отворялась то одна, то другая калитка, выходила какая-нибудь старушка, или дѣвочка и, видя это привычное шествіе, слыша знакомые звуки пѣсни и кандаловъ, выносили „подаяніе“, собираемое старостою въ мѣшокъ, чтобы потомъ раздѣлить между всѣми, но главнымъ образомъ между жиганами*). Солнце поднимается все выше и выше, дѣлается жарко и душно, въ горлѣ сохнетъ и цѣлыя облака пыли сто-

---

*) Подаяніе рѣдко даютъ деньгами, чаще всего хлѣбъ, огурецъ и проч.

ять надъ партіей; дышать становится трудно; солдаты и арестанты идутъ медленнѣе, вытирая рукавами потъ. Прив-валъ! прив-валъ! раздались возгласы, когда на половинѣ пути между Томскомъ и первымъ полуэтапомъ—Семилужками, показалась деревня, а въ сторонѣ отъ дороги виднѣлись торговки и бочка съ водой*). У крестьянокъ мигомъ былъ разобранъ весь запасъ провизіи и вскорѣ вся партія усѣлась группами на травѣ, жуя хлѣбъ и запивая водою: болѣе прихотливая пища достается на долю немногихъ, такъ какъ торговки приносятъ продуктовъ далеко недостаточно для всей партіи, не говоря ужъ о солдатахъ; во время-же страды иной разъ никто даже не является, и партія положительно голодаетъ**). Менѣе чѣмъ черезъ часъ раздается снова команда: вста-вай! подымай-ся! Партія выстраивается, ее считаютъ—и опять шагаютъ бѣдняки дальше, до ночлега.

Отъ Томска до Красноярска 554 вер.; разстояніе это партія проходитъ въ мѣсяцъ, при

*) Вывозить на „привалъ"—мѣсто отдыха партіи—воду въ бочкѣ есть одна изъ безчисленныхъ натуральныхъ повинностей сибирскаго крестьянина, о которыхъ скажемъ ниже.

**) Мы помнимъ, какъ на одинъ изъ этаповъ явилась партія, усталая, промокшая, голодная, а во дворѣ сидѣлъ только одинъ какой-то старичекъ и передъ нимъ ведро съ квасомъ!

чемъ идетъ только 19 дней, а 11 отдыхаетъ, такъ какъ черезъ два дня на третій бываетъ дневка—суточный отдыхъ на этапѣ; въ среднемъ выходитъ 30 верстъ въ сутки. На первый взглядъ сдѣлать 30 верстъ дѣло не трудное, но нужно принять во вниманіе слѣдующія обстоятельства: въ партіи идетъ народъ не только изнуренный тюрьмой, но и отвыкшій ходить, во первыхъ; во вторыхъ, такое путешествіе продолжается цѣлые мѣсяцы (большинству надо пройти не сотни, а тысячи верстъ, напр., до Кары, на каторгу, или въ якутскую область, на поселеніе); въ 3-хъ, экономическое положеніе арестанта и плохое устройство этаповъ, ведущія къ тому, что партія плохо питается и не можетъ какъ слѣдуетъ отдохнуть на дневкѣ; наконецъ, климатическія условія. Выше мы упомянули о жарѣ и пыли, въ которой вся эта масса, идущая обязательно плотной кучей, задыхается, а путешествіе лѣтомъ считается еще лучшимъ. Представте-же себѣ осеннюю или весеннюю распутицу; не говоря ужъ о зимней стужѣ, такъ какъ, начиная отъ Томска, движеніе партій происходитъ круглый годъ, за исключеніемъ ужъ слишкомъ сильныхъ морозовъ, т. е. какихъ нибудь 4—5 дней. Моросить холодный, пронизывающій дождь, идетъ снѣгъ; казен-

ный халатъ *) и рубаха промокли насквозь; арестанта пробираетъ дрожь; хотѣлось бы идти скорѣе, но это очень трудно, благодаря кандаламъ и массѣ грязи, прилипшей къ *котамъ* **) и до того затрудняющей шествіе, что многіе предпочитаютъ, снявъ обувь, идти босикомъ, не смотря на холодъ.

Но вотъ вдали блеснулъ крестъ на сельской церкви; спустя немного передъ взорами арестантовъ раскинулось и самое село, вначалѣ котораго, изъ-за высокаго частокола, высится красная крыша полуэтапа; еще полчаса, и усталая, промокшая партія добралась, наконецъ, до столь желаннаго мѣста отдыха. Но мы уже знаемъ, какова обстановка этого мѣста. Партія, пересчитанная на улицѣ, раскрываетъ ворота этапа и стремглавъ бѣжитъ въ желтое деревянное зданіе, расположенное среди двора, чтобы поскорѣй захватить мѣсто на нарахъ, иначе придется спать на полу подъ нарами, что многимъ и приходится дѣлать, благодаря недостатку мѣста ***).

---

*) Шубы выдаютъ не тогда, когда холодно, а когда полагается по закону, причемъ отъ Одессы до Якутска назначенъ одинъ срокъ.

**) Кожанные башмаки.

***) Мы не помнимъ, чтобы намъ приходилось когда видѣть такія дикія лица, какъ у партіи, бѣгущей въ камеры; если кто упадетъ—бѣда тому, затопчутъ!

Полъ моментально покрывается толстымъ слоемъ мокрой грязи, принесенной сотнями ногъ; въ камерахъ холодно, или потому, что печи испорчены *), или—„еще не время топить". Продрогшій арестантъ не имѣетъ возможности даже бѣлье перемѣнить или чѣмъ нибудь укрыться: все имущество его промокло, потому что лежало на телѣгѣ ничѣмъ не прикрытое. Какъ бы то ни было, арестанты размѣщаются, подкрѣпляются пищей, купленной у торговокъ, и убиваютъ по своему время; передъ вечеромъ ихъ всѣхъ опять собираютъ во дворѣ, дѣлаютъ перекличку, ставятъ въ корридоръ громадныя кадки—„парашки" безъ крышекъ и запираютъ арестантовъ на ночь **). Завтра опять путь, опять жара или дождь, снѣгъ, такой же этапъ. И такъ, изо дня въ день, цѣлые мѣсяцы! Нужно ли говорить, что при такой обстановкѣ значительный % арестантовъ каждой партіи заболѣваетъ въ пути? Нужно ли говорить, что многихъ изъ заболѣвшихъ ждетъ смерть, если только организмъ самъ не пересилитъ болѣзни? Какъ

---

*) Хотя ихъ ежегодно починяютъ.

**) Политическихъ считаютъ въ камерахъ, гдѣ съ ними ночуютъ и конвойные. Хотя политическіе помѣщаются отдѣльно отъ уголовныхъ, но за то по большей части принуждены занимать одну камеру съ женщинами.

бы ни былъ тяжело и опасно боленъ арестантъ, его не оставляютъ на этапѣ, а везутъ за партіей до пункта, гдѣ есть хоть какая-нибудь медицинская помощь; а такихъ пунктовъ до Красноярска три: с. Ишимское, г. Маріинскъ и г. Ачинскъ. И вотъ тифозные, дифтеритные, плетутся на телѣгахъ, прикрытые казенными халатами, мокнутъ на дождѣ, засыпаетъ ихъ пыль или снѣгъ, пока не довезутъ до больницы. Чтобы понять весь ужасъ положенія уголовныхъ и политическихъ арестантовъ, всѣ тѣ физическія и нравственныя страданія, которыя выпадаютъ на долю этихъ людей, нужно испытать все это самому или хоть видѣть во очію все...

Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ устройствѣ полуэтаповъ. Поднявшись па высокое крыльцо желтаго зданія, вы входите въ небольшой корридоръ съ однимъ окномъ въ концѣ его и, иногда, съ нарами у окна; изъ корридора четыре двери (двѣ направо и двѣ налѣво) ведутъ въ четыре камеры съ одноэтажными или двухъэтажными нарами возлѣ стѣнъ, которыя, стѣны, вѣчно исписаны всевозможнѣйшими надписями, и служатъ для партій справочною книгой, изъ которой узнаютъ, кто, когда и куда прошелъ; кто бѣжалъ, пойманъ или умеръ; тутъ пишутся: поклоны, любовныя записки и т. д.;

надписи есть и на заборахъ, и на наружныхъ стѣнахъ.

„Машка, гласитъ одна надпись: Гришка будетъ ждать тебя въ Ачинскѣ“.—„Ѳедька босоногій шлетъ привѣтъ, а его ужъ нѣтъ“. „Пусть это знаетъ „Перекати поле*)“, и т. п. до безконечности. Надписи эти очень важны для партіи и руководятъ поступками многихъ арестантовъ. Камеры въ полуэтапѣ едва-едва достаточны человѣкъ на 100. Предоставляемъ судить читателю, что бываетъ при 300 и болѣе. Кромѣ главнаго зданія, лѣтомъ имѣются еще бараки; въ нихъ очень холодно. Удивительно, что на нѣкоторыхъ полуэтапахъ намъ приходилось видѣть помѣщенія для арестантовъ запертыми на замокъ (обыкновенно вправо отъ воротъ); на вопросъ: почему въ эти помѣщенія не пускаютъ арестантовъ, когда въ баракахъ и камерахъ холодно и тѣсно, намъ, не стѣсняясь, отвѣчали, что въ этомъ зданіи сохраняются товары, которыми, съ разрѣшенія офицера, торгуютъ солдаты!

Этапы вѣчно исправляются, и всегда не исправны: проѣзжая по этому тракту въ 80 го-

---

*) Бродяги даютъ себѣ самыя замысловатыя прозвища „Гони въ полѣ вѣтеръ“, „Лови за хвостъ“, „Я за нимъ“ и т. д.

ду, мы видѣли всюду разломанныя печи, работающихъ плотниковъ и печниковъ; въ 83 году таже картина! И это, говорятъ, ежегодно!

Этапъ много обширнѣе полу-этапа; возлѣ перваго всегда устроена гимнастика для солдатъ, имѣется довольно обширное помѣщеніе для начальника этапа, выходящее фасадамъ на улицу села и огороженое палисадникомъ; рядомъ съ помѣщеніемъ офицера расположены солдатскія казармы; иногда есть и баня; помѣщенія для арестантовъ больше, хотя далеко не достаточно при большихъ партіяхъ, не смотря на то, что бываетъ еще отдѣльный дворъ съ двумя камерами для женщинъ и семейныхъ. Внутреннее устройство здѣсь такое же, какъ и на полуэтапахъ, только все въ большихъ размѣрахъ; при этомъ нельзя умолчать о ватерклозетахъ, устроенныхъ во дворахъ этаповъ и полуэтаповъ: они находятся большею частью около колодцевъ и заражаютъ воду.

Офицеръ, живя на этапѣ, провожаетъ партію отъ своего этапа до другаго и сейчасъ же возвращается обратно, чтобы вновь совершить такое же путешествіе, причемъ лишь болѣе храбрые обгоняютъ партію, оставляя ее на попеченіе фельдфебеля: большинство ѣдетъ за партіей шагомъ въ концѣ длиннаго поѣзда. Понят-

но, что такая однообразная, монотонная жизнь дѣйствуетъ на офицеровъ самымъ отупляющимъ образомъ, и большая часть изъ нихъ или горькіе пьяницы, или люди мрачные, молчаливые.

Нельзя не сказать того-же самаго и о солдатахъ: занятіе ихъ трудное и въ высшей степени отвѣтственное: за побѣги арестантовъ солдатъ отдаютъ подъ судъ; поэтому солдатъ жестоко расправляется съ пойманнымъ бѣглецомъ. Провожать партію солдатамъ еще и потому непріятно, что они считаютъ это переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее. Мы сами были свидѣтелями слѣдующей сцены: „вонъ, поглядите, *стрѣлки* (такъ солдаты называютъ бродягъ) идутъ“, обратился къ намъ солдатъ, указывая на нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ у самой дороги съ котомками на плечахъ: „вѣдь попадутся скоро—опять веди! Эй, ты!“ обратился солдатъ къ одному бойкому арестанту: „какъ тебя? иди сюда!“ Арестантъ подошелъ. „Признайся, ты проходилъ съ партіей весною“?—Какъ не проходить! Проходилъ! отвѣчалъ спрошенный: скрывать нечего: меня оставили въ К—комъ округѣ, а я и убегъ, да, вишь, мало на волѣ погулялъ! Ну, да ничего! Скоро опять погуляю! Въ Кузнецкѣ! вдругъ крикнулъ арестантъ бродягамъ и исчезъ въ толпѣ товарищей.—

„Вотъ слышите“, продолжалъ солдатъ: „мы ихъ впередъ, а они назадъ! Вотъ и води, язви ихъ въ душу“!...

Дорога отъ Томска, на разстояніи 94 верстъ, идетъ по томскому округу; дальше начинается округъ маріинскій.

Томскій округъ принадлежитъ къ числу плодороднѣйшихъ въ губерніи и изобилуетъ хлѣбомъ, который въ значительныхъ размѣрахъ вывозиться отсюда въ другіе округа; кромѣ хлѣбопашества здѣсь развито скотоводство и заводская промышленность; орошаемый Обью съ такими притоками какъ Томь, Кеть, Чулымъ и другіе, томскій округъ занимаетъ весьма видное мѣсто въ торговлѣ рыбою; если ко всему этому прибавить изобиліе лѣса, то, безъ преувеличенія, можно сказать, что помянутый округъ, съ населеніемъ болѣе чѣмъ 150,000 человѣкъ, принадлежитъ къ числу лучшихъ мѣстъ Сибири.

Тоже самое можно сказать и объ округѣ Маріинскомъ, по которому путь пролегаетъ на разстояніи 310 верстъ и затѣмъ переходитъ уже въ Сибирь восточную, не доѣзжая 14 верстъ до Ачинска, перваго окружнаго города восточной Сибири.

Плодородныя земли маріинскаго округа плохо утилизируются жителями, благодаря золотопро-

мышленности, развитой здѣсь въ широкихъ размѣрахъ; золотопромышленность же уничтожила въ этомъ округѣ звѣроловство и довела до минимальныхъ размѣровъ скотоводство, не смотря на благопріятныя условія для этого послѣдняго; весьма значительный % изъ болѣе чѣмъ 50,000 населенія округа занятъ на золотыхъ промыслахъ.

Маріинскій округъ изобилуетъ лѣсомъ и орошается рѣками системъ Оби, изъ которыхъ болѣе замѣчателенъ *Чулымъ* съ притоками *Кія* и *Яя*. Въ 205 верстахъ отъ Томска, на лѣвомъ берегу р. Кіи, расположенъ г. *Маріинскъ*, получившій названіе свое вмѣстѣ съ преобразованіемъ его въ окружной городъ, лѣтъ 30 тому назадъ: раньше это было село, носившее названіе рѣки, на которой стояло. Будучи представителемъ золотопромышленнаго округа, Маріинскъ и самъ живетъ только золотопромышленностью, служа сборнымъ пунктомъ для рабочихъ, идущихъ и возвращающихся съ маріинскихъ, ачинскихъ и минусинскихъ пріисковъ; это бываетъ зимою, и городъ оживляется веселыми голосами рабочаго люда, оставляющаго трудовыя деньги въ мѣстныхъ кабакахъ и въ широкихъ карманахъ маріинскихъ кулаковъ; зимою же наѣзжаютъ сюда мелкіе золотопро-

мышленники со служащими и придаютъ „видъ“ городу, мертвому и скучному въ остальное время года; въ немъ насчитываютъ не болѣе 6—7 тысячъ жителей. Маріинскій округъ нѣкоторымъ образомъ глава „золотаго дѣла“: въ 1428 г. екатеринбургскій купецъ Поповъ въ *первый разъ открылъ золото* въ этомъ округѣ, именно на р. *Бирикулѣ*, правомъ притокѣ р. Кіи; съ этого-то времени золотая лихорадка обуяла всю Сибирь.

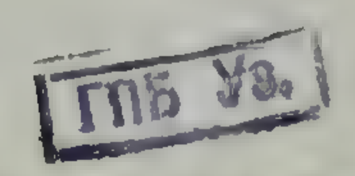
ГЛАВА VIII.

Конецъ Западной и начало Восточной Сибири. Р. Чулымъ. Плашкотъ. Ачинскъ. Ачинскія тюрьмы. Ачинскій Округъ. Красноярскій Округъ. Р. Енисей. Сибирскіе виды. Тайга. Послѣдняя станція передъ Красноярскомъ. Красноярскъ.

Давно, давно сказали мы послѣднее прости Европѣ и Россіи! Какъ онѣ далеко теперь отъ насъ! Вонъ вдали виднѣются уже столбы на границѣ Западной Сибири: дальше начинается восточная, т. е. „мѣста отдаленныя", „болѣе отдаленныя", „отдаленнѣйшія"... Необъятная Русь! Сколько есть у тебя „мѣстъ" для обузданія страстей твоихъ сыновъ! И такихъ мѣстъ, куда не дай Богъ попасть человѣку! Мы-же пока вступаемъ только „въ мѣста отдаленныя", гдѣ есть еще признаки цивилизаціи, въ видѣ телеграфной проволоки, непокидавшей насъ на всемъ пути: мы въ ачинскомъ округѣ Енисейской губерніи. Тотчасъ за станціею Краснорѣчинскою,

послѣднею въ маріинскомъ округѣ, взору открывается громадная перспектива — ничего нескрыто на 30-ти верстномъ разстояніи: первое восточно-сибирское с. Бѣлоярское, самый г. Ачинскъ, а за ними вдали синѣютъ горы, горы и горы, точно заграждая путь; еще немного, и первый окружный городъ Восточной Сибири—какъ на ладони: блестятъ кресты на трехъ церквахъ, видны зданія нижняго и верхняго города, обрывистый берегъ Чулыма. Что за чудная рѣка! вода чисто изумруднаго цвѣта! А въ какихъ мѣстахъ она протекаетъ! Какіе виды! Особенно въ сс. Боготольскомъ*) и Краснорѣчинскомъ. Лѣтомъ Чулымъ мелѣетъ, почему пароходы изъ Томска въ Ачинскъ приходятъ только раннею весною, во время разлива; теченіе рѣки очень быстрое, благодаря чему переправа черезъ него совершается при посредствѣ „плашкота", съ которымъ считаемъ не лишнимъ познакомить читателя, ибо „плашкотовъ" въ Россіи не имѣется: на серединѣ рѣки устанавливаютъ нѣсколько лодокъ, причемъ крайняя, вверхъ по теченію, укрѣпляется на якорѣ, соединяясь съ другими

*) С. Боготольское—станція передъ Краснорѣчинскою. (См. въ концѣ маршрутъ).

лодками канатомъ, другой конецъ котораго привязывается къ парому—вотъ и все устройство „плашкота“; двигается онъ силою теченія; какъ только паромъ отвяжутъ, теченіе уноситъ его впередъ, но, прикрѣпленный канатомъ въ одной точкѣ къ неподвижной лодкѣ, онъ описываетъ дугу и приплываетъ къ другому берегу, напоминая качаніе маятника. На такомъ плашкотѣ мы переправились черезъ Чулымъ и очутились въ Ачинскѣ. Маленькій, скучный и мертвый, какъ всѣ окружные города восточной Сибири, онъ расположенъ въ довольно красивой мѣстности и насчитываетъ въ своихъ предѣлахъ до 6,000 чел. обоего пола, которые обходятся даже безъ библіотеки! Мало-мальски образованному человѣку жить здѣсь невыносимо; и, къ счастію, ачинцы очень мало насчитываютъ въ своей средѣ „такихъ“ людей, да и тѣ, въ концѣ концовъ, ищутъ истину „на днѣ стакана“; газетъ и журналовъ выписывается очень мало, и даже корреспонденціи отсюда появляются рѣдко, не смотря на массу матеріаловъ для человѣка пишущаго. Подъ именемъ „Ачинскаго острога“ городъ этотъ былъ основанъ въ 1642 году на р. Осѣ; въ 1682 г. сгорѣлъ до тла, былъ перенесенъ на Чулымъ, гдѣ стоитъ и теперь; 100 лѣтъ назадъ извѣстный Палласъ

зналъ Ачинскъ еще селомъ, которое два раза назначалось окружнымъ городомъ и только въ 1822 г. утверждено окончательно. Желая, вѣроятно, увѣковѣчить за собою названіе „Ачинскаго острога“, Ачинскъ устроилъ у себя такой острогъ и такую пересыльную тюрьму, что, разъ заглянувъ въ нихъ, не забудешь во вѣки: много тюремъ и этаповъ пришлось увидѣть намъ, но хуже ачинскихъ ни одной; просто удивляешься выносливости человѣческаго организма, видя заключенныхъ въ этихъ клоакахъ. Когда мы обратились къ смотрителю съ вопросомъ: почему вы не постараететь хотя не много почистить ваши тюрьмы? онъ отвѣтилъ: сами Галкинъ-Врасскій видѣли все это; чтобы сдѣлать тюрьмы сносными, ихъ надо сжечь и выстроить новыя, а гдѣ деньги?—Послѣ этого разговаривать было нечего. Къ несчастію, партіямъ приходится дѣлать въ Ачинскѣ дневки, а тѣмъ, кто назначенъ въ минусинскій и ачинскій округа,—нерѣдко остаются здѣсь цѣлые мѣсяцы до отправки*).

*) Ссыльные, назначаемые въ степныя генералъ-губернаторства и въ западную Сибирь, разсылаются изъ тюремъ Тобольска или Томска; недавно, сравнительно, вышло распоряженіе, чтобы, ссылаемые въ ачинскій и минусинскій округа, отправлялись прямо изъ Ачинска; раньше же всѣ шли до Красноярска и оттуда—обрат-

Въ Ачинскѣ всякую партію тщательно провѣряютъ, **) брѣютъ обросшія за дорогу головы, вмѣсто старой выдаютъ новую одежу, а осенью кромѣ того — полушубки, бродни и суконные штаны. Благодаря недостатку помѣщенія провѣрка и выдача одежи производятся на дворѣ; мы видѣли, какъ въ пасмурный и осенній день стояли арестанты на холодѣ съ 2 часовъ пополудни до вечера, и такъ какъ процедура не была окончена, то партію разбудили въ 3 часа пополуночи, а въ 10 утра отправили дальше. Отъ Ачинска до Красноярска всего 166 вер. Путь проходитъ по ачинскому и красноярскому округамъ и совершается партіею ровно въ недѣлю ***). Ачинскій округъ принадлежитъ къ числу плодороднѣйшихъ въ енисейской губерніи и уступаетъ только минусинскому, который слыветъ подъ именемъ „Сибирской Италіи“ и снабжаетъ хлѣбомъ весь сѣверъ своей губерніи. Кромѣ земледѣлія и скотоводства, въ ачин-

---

нымъ этапомъ, т. е. вторично медленнымъ путемъ или назадъ въ Ачинскъ, а отсюда этапнымъ-же порядкомъ на мѣсто назначенія; тоже бываетъ съ ссылаемыми въ Сургутъ и Нарымъ: они сначала идутъ въ Томскъ.

**) Перемѣняется начальство и солдаты.

***) При благопріятныхъ условіяхъ отъ Москвы до Красноярска можно доѣхать въ три недѣли. Партія идетъ два мѣсяца.

скомъ округѣ развиты звѣриный и рыбный промыслы, а также золотопромышленность; послѣдняя—менѣе чѣмъ въ округѣ маріинскомъ. По своему положенію ачинскій округъ представляетъ необыкновенное разнообразіе: по немъ проходятъ горы, вершины которыхъ большую часть года бываютъ покрыты снѣгомъ *); болѣе низкія горы, поросшія дремучимъ лѣсомъ, перемежаются громадными равнинами съ густою и высокою травою; прекрасный извилистый Чулымъ—главная рѣка округа, хотя въ одной части протекаетъ „могучій“ Енисей, но на незначительномъ разстояніи. Жителей въ округѣ около 60,000, изъ числа которыхъ тысячъ восемь приходится на долю инородцевъ, преимущественно татаръ. Красноярскій округъ гораздо менѣе плодороденъ и во всѣхъ отношеніяхъ уступаетъ ачинскому; значительная часть его представляетъ песчаную безлѣсную равнину; хлѣбопашество и скотоводство развиты мало; жителямъ (около 70,000; изъ нихъ 4—5 тысячъ татаръ) часто не хватаетъ хлѣба, и ихъ выручаетъ Енисей, по которому приплавляютъ изъ минусинскаго округа въ Красноярскъ хлѣбъ, арбузы, дыни, дрова и т. п.

*) Ак-таскылы.

Рѣка Енисей—главная артерія красноярскаго округа—беретъ начало въ предѣлахъ Небесной Имперіи и, выйдя изъ Саянскаго хребта, вступаетъ въ предѣлы русскихъ владѣній, и течетъ, исключительно по енисейской губерніи, *) на разстояніи 4000 верстъ, а за тѣмъ впадаетъ въ сѣверный океанъ; ширина Енисея, начиная съ версты, достигаетъ (верстъ за 200 до устья) 60 верстъ, превосходя здѣсь въ $1\frac{1}{2}$ раза ширину Оби; теченіе его очень быстрое, благодаря чему на всемъ протяженіи Енисей образуетъ массу „протокъ" (рукавовъ) и островобъ; на немъ встрѣчаются пороги, препятствующіе правильному пароходству, которое пока существуетъ только отъ г. Енисейска до устья рѣки, и между Красноярскомъ (съ 1882 г.) и Минусинскомъ. Среди высотъ Саянскаго хребта Енисей течетъ такъ быстро, что почти никогда не замерзаетъ, въ прочихъ же мѣстахъ онъ покрывается льдомъ съ октября или ноября до апрѣля, или мая, а въ самомъ нижнемъ теченіи свободенъ отъ льда только одинъ или два мѣсяца; передъ замерзаніемъ по Енисею идетъ

---

*) По величинѣ енисейская губ. самая большая въ Сибири, она уступаетъ немного только якутской области; енисейская губернія занимаетъ пространство въ 2,259,562 квадратныхъ верстъ.

„шуга“ *) (какъ и на всѣхъ рѣкахъ Сибири) и въ этотъ періодъ переправа прекращается до времени, когда рѣка „станетъ“.

Изъ притоковъ Енисея болѣе замѣчательны: Елогуй, Абаканъ, Кача, Сомъ—лѣвые, и Усъ, Туба, Канъ, Мана, Подкаменная, Нижняя Тунгузка и Ангара—правые. Енисей протекаетъ по живописнѣйшимъ въ мірѣ мѣстамъ. Начиная отъ Ачинска дорога идетъ по холмистой и чрезвычайно живописной мѣстности; особенно чудныя картины открываются тотчасъ за станціею Большой Кемчугъ, съ такъ называемой „крестовой горы“: налѣво и направо тянутся горы, бездонные овраги, покрытые густымъ хвойнымъ и лиственнымъ лѣсомъ; а у подножія этихъ горъ, въ глубинѣ овраговъ сверкаетъ и лентою извивается красивая рѣка Кемчугъ; въ долинѣ, разстилающейся передъ глазами, на открытыхъ берегахъ этой рѣки расположено с. Большой Кемчугъ.

Въ этихъ мѣстахъ мы отчасти познакомились съ настоящею сибирскою „тайгою“.

„Тайга“ трудно поддается описанію: для этого нужно имѣть особый поэтическій талантъ.

---

*) „Шуга“—мелкія льдинки; идущія сплошною массою по рѣкѣ; въ это время прекращается даже ходъ почты.

Когда ѣдешь по широкой дорогѣ, окаймленной съ обѣихъ сторонъ лѣсомъ, еще не чувствуешь, если можно такъ выразиться, „тайги"; но взберитесь на возвышенное мѣсто и оглянитесь кругомъ: картина величественная! во всѣ стороны, куда не посмотришь, — необъятный лѣсной океанъ сливается съ горизонтомъ; темно-зеленыя хвойныя деревья, перемежаясь съ свѣтло-зелеными и пожелтѣвшими лиственными, образуютъ чудный коверъ; надъ этимъ безпредѣльнымъ царствомъ растительности высится голубой куполъ неба, и солнце обливаетъ фантастическій лѣсъ своими свѣтлыми лучами, словно желая проникнуть въ таинственный мракъ „тайги"; но трудно, очень трудно солнечнымъ лучамъ проникнуть внутрь закалдованнаго лѣснаго царства! вѣтви деревъ, сцѣпившись между собою, переплетенныя ползучими растеніями, строго охраняютъ тайны лѣса!..

Лишь дикіе звѣри царятъ въ „тайгѣ": птицы не рѣшаются залетать далеко въ „тайгу", живя по ея окраинамъ. Нужно быть инородцемъ-звѣроловомъ или опытнымъ бродягою, знающимъ „бродяжьи тропы", чтобы выбраться изъ „тайги", въ глубинѣ которой нѣтъ и помину не только о дорогахъ—о тропинкахъ: мѣтки на деревьяхъ, камни да колоды служатъ тамъ пу-

тевыми знаками, таежными верстовыми столбами. Но какой глазъ, какой навыкъ, наблюдательность нужны, чтобы замѣтить, запомнить эти мѣтки?!? Простому смертному безъ хорошаго компаса или проводника нечего и думать выбраться изъ этого лѣснаго лабиринта, гдѣ царитъ невозмутимая, гробовая тишина, гдѣ особый, свой міръ!

„Тайга“ имѣетъ громадное вліяніе на климатъ прилежащихъ мѣстъ; нивы подтаежныхъ селъ и деревень почти ежегодно бываютъ жертвами раннихъ морозовъ; нерѣдко, когда въ степи уже пашутъ, въ „тайгѣ“ ѣздятъ на саняхъ, и очень часто подтаежные обыватели бросаютъ свои деревни и перебираются на другія мѣста; „тайга“ послѣ самой упорной и продолжительной борьбы побѣждаетъ крестьянина, пробирается въ улицы деревни, окружаетъ дома и гонитъ отъ себя пахаря; но за то какое раздолье здѣсь охотнику! медвѣди, волки, лисицы, рыси, сохатые, изюбры или моралы, россомахи, бѣлки—въ его распоряженіи! Но чтобы охотится въ „тайгѣ“, нужно много опытности и умѣнія. Дорога, конечно, подчиняется здѣсь всѣмъ условіямъ таежной жизни, и не дай Богъ ѣхать здѣсь весною или осенью!

Послѣдняя станція передъ Красноярскомъ—

с. Заледѣевское; отсюда дорога вступаетъ въ волнистую степь съ высокими холмами изъ краснаго мергеля, благодаря чему и городъ получилъ названіе краснаго яра; далеко раньше города виднѣется такъ называемая Афонтова гора, на которой нѣкогда былъ сторожевой пикетъ, а теперь одиноко стоитъ полуразрушенная часовня. У подошвы этой горы, между рѣч. Качею *) и лѣвомъ берегомъ Енисея, расположенъ г. Красноярскъ, стиснутый съ трехъ сторонъ горами, отчего здѣсь почти безпрестанно дуетъ сильный западный вѣтеръ.

---

*) Рѣка Кача впадаетъ въ Енисей въ самомъ Красноярскѣ.

ГЛАВА IX.

Жизнь на этапѣ. Повѣрка. Дѣти въ партіи. Занятія арестантовъ на этапѣ. Политическіе на этапѣ. Этапныя бесѣды и игры. Пѣсни. Этапные разсказы. Ночь на этапѣ.

Только тотъ, кто самъ пожилъ кочевою этапною жизнью, только тотъ, повторяемъ, можетъ понять, почему большинство, даже изъ идущихъ на каторгу, желаетъ поскорѣе достигнуть мѣста назначенія; тяжело на каторгѣ, но она все таки есть нѣчто опредѣленное: здѣсь есть свой уголъ на нарахъ, опредѣленное занятіе,— здѣсь арестантъ обдумываетъ побѣгъ или работою старается наполнить время, пока не окончится „срокъ испытанія"; здѣсь, наконецъ, ознакомившись съ начальствомъ, можно, принаравливаясь къ его нраву, немного улучшить свою безотрадную жизнь. Не-то на этапѣ: сегодня одно начальство съ одними требованіями, завтра другое—и требованія иныя; то строгое,

то снисходительное: одинъ этапный офицеръ запрещаетъ пѣть, другой—даетъ на водку за хорошо исполненную пѣсню и т. д. О радости поселенцевъ, при приближеніи конца этапнаго путешествія, и говорить нечего: вѣдь ихъ ждетъ свобода! Положимъ, они на чужой, далекой сторонѣ, часто безъ мѣдной полушки денегъ, но все-таки „воля"—не тюрьма, не окно съ рѣшоткою. А кому-же недорога свобода, хотя-бы въ нищенской обстановкѣ?

Въ предъидущей главѣ мы замѣтили, что этапъ на этапъ похожи, какъ двѣ капли воды; жизнь на этапахъ также однообразна, и потому достаточно описать одну „дневку", чтобы читатель могъ составить себѣ понятіе о жизни на этапѣ вообще.

Совсѣмъ рано; солнышко только еще позолотило востокъ, не показываясь на небѣ; въ воздухѣ чувствуются холодъ и сырость; на этапномъ дворѣ невозмутимая тишина, почему ясно слышны шаги часовыхъ за оградою и разговоры торговокъ, явившихся съ припасами заранѣе и размѣстившихся подъ навѣсомъ, въ ожиданіи своихъ покупателей, которые еще заперты въ камерахъ.

Наконецъ по двору быстро прошелъ изъ казармы фельдфебель съ конвоемъ, подошелъ къ

этапу, отперъ замокъ и, створивъ дверь, остановился на крыльцѣ.—„Тьфу черти! и какъ только они не издохнутъ въ этакой, можно сказать, гадости“, ворчитъ фельдфебель, отплевываясь, когда изъ отворенныхъ камеръ пахнуло спертымъ, удушливымъ воздухомъ.

— Варнаку все непочемъ, замѣчаетъ на это одинъ изъ солдатъ.

— На повѣрку! На по-вѣр-ку-уу! раздалось по камерамъ, и вся партія сонная, неумытая, зѣвая, протирая глаза и потягиваясь, высыпала на дворъ для провѣрки, послѣ которой поднимается шумъ, гамъ и толкотня: кто спѣшитъ умыться, кто идетъ обратно спать; „парашники“ выносятъ парашу, тащутъ въ камеры дрова, воду; около торговокъ столпились покупатели, стараясь поскорѣе захватить, что подешевле; вонъ у окна солдатской кухни собралась толпа съ жестяными чайниками, и, въ ожиданіи кипятку для чаю, толкаютъ другъ друга, отпуская шутки, колкости и остроты; другіе, захватившіе кипятокъ раньше, сидя группами, пьютъ чай; вотъ цѣлое семейство: мать, отецъ и пять человѣкъ дѣтей съ наслажденіемъ прихлебываютъ жидкія, черныя щи, причемъ ребятишки не разъ получаютъ подзатыльники за желаніе вырвать другъ у друга маленькіе

кусочки мяса, плавающіе въ мискѣ. Еврей, надѣвъ на себя полосатую хламиду, усѣлся въ углу двора, на бревнахъ и началъ молиться.

— Эй, жидъ! что бормочешь? обращается къ нему молодой арестантъ, садясь рядомъ и трогая еврея за руку.

— Что пристаешь! Всякъ по своему Бога хвалитъ, строго останавливаетъ молодаго повѣсу сѣдой худощавый старикъ.

— А тебѣ что? Самъ ты жидъ, что-ли? огрызается молодой.

— Самъ ты жидъ! сердится старикъ.

— А ты... братъ мой!...

— Ну, чего глотки дерете! прикрикиваютъ на ссорящихся близь стоящіе. Ссора прекращается.

— Ишь, денекъ-то какой! благодать! весело заговорили арестанты, когда часамъ къ 10 небо прояснилось и изъ-за тучъ выглянуло теплое солнышко, освѣтившее дворъ: веселѣе даже—право!—Эхъ, кабы завтра да этакую погоду! добавилъ блѣдный, больной арестантъ, садясь на самомъ припекѣ: а то замаяла меня проклятая лихоманка, а намедни какъ есть весь промокъ.

— Какъ не промокнешь, коли ежели весь день такъ и льетъ, такъ и льетъ!...

— Гляди! вонъ и ребята-то выползли на солнышко.

Дѣйствительно, изъ камеръ начали выходить дѣти и болѣе бойкія сейчасъ-же принялись бѣгать по двору; большинство-же жалось къ матерямъ и отцамъ, изъ подлобья поглядывая на всѣхъ. Какъ блѣдны, грязны эти несчастныя, безъ вины виноватыя, переносящія всѣ невзгоды пути наравнѣ со своими преступными родителями! Неудивительно, что большая часть изъ нихъ умираетъ въ дорогѣ. Не лучше-ли это для нихъ? Чего не вытерпятъ, чему не научатся они въ окружающей средѣ? Намъ пришлось видѣть малолѣтнихъ дѣвочекъ, позволявшихъ себѣ такія безстыдства, что краснѣли взрослыя женщины. Насколько дѣти оживляютъ тюрьму, бываютъ любимы въ нихъ, настолько на этапахъ, при тѣснотѣ и большей раздражительности арестантовъ, они ненавистны большинству, и намъ не разъ приходилось слышать, какъ выбивавшаяся изъ силъ, измученная дорогою мать, глядя на цѣлую ораву дѣтей своихъ, говорила: „хоть-бы Господь прибралъ ихъ! а то и они мучаются, и мнѣ житья съ ними нѣтъ!“ Въ партіи, о которой идетъ рѣчь, мы встрѣтили семью, въ которой былъ мальчикъ, гимназистъ 1-го класса. Бѣдный ребенокъ!

Что ожидаетъ его впередъ? О наукѣ, конечно, и думать нечего. А бросилъ онъ гимназію, чтобы слѣдовать за своими преступными родителями *). Кончили ѣду, чаепитіе; утро коекакъ прошло, а до вечера, до сна далеко еще. —Что дѣлать?

Нѣсколько бабъ, получивъ отъ фельдфебеля корыта, принялись стирать бѣлье; вонъ у очага, построеннаго среди двора, какой-то мастеръ паяетъ для офицера кастрюлю; рядомъ съ нимъ другой—починяетъ жестяные чайники; матери принимаются за шитье и починку дѣтскихъ лохмотьевъ; кое-кто изъ холостяковъ самъ взялся за иглу, умудряясь изъ дыръ соорудить платье; на длинныхъ бревнахъ, у изгороди, портной, мурлыча пѣсню, передѣлываетъ брюки для дворянина; ходятъ медленно, группами, дворяне, вспоминая о быломъ, прошедшемъ, и съ полупрезрѣніемъ бросая взоры на „простыхъ" своихъ товарищей, которые тоже бродятъ взадъ и впередъ отдѣльно, по два, кучами, и тоже ведутъ разговоры, причемъ бродяги непремѣнно повѣствуютъ о своихъ похожденіяхъ, выдумывая такія невѣроятности, что „новички"

*) Что же дѣлаетъ этотъ комитетъ, слѣдящій за „малолѣтними"? Въ каждой партіи идутъ дѣти въ Сибирь—зачѣмъ?

просто за голову берутся, удивляясь и восхищаясь до безконечности; другіе укладываются спать тутъ же, на дворѣ; нѣсколько человѣкъ, усѣвшись на солнышкѣ, безъ церемоніи сняли съ себя рубахи и преусердно казнятъ вшей и блохъ за ихъ ночныя каверзы. Кучка бродягъ окружила торговцевъ и торговокъ.

— Эй! Кто кіевскій будетъ!?? кричитъ одинъ изъ нихъ.

— Не надо-ли самарскаго? Такъ я буду.

— Я кіевскій, а тебѣ зачѣмъ?

— Да вотъ землячекъ тебѣ выискался, говоритъ одинъ бродяга другому, откликнувшемуся и подошедшему на зовъ, указывая на сѣдаго старичка, торговавшаго шаньгами.

— А ты развѣ былъ въ Кіевѣ? вопрошаетъ старика послѣдній.

— Бувъ, риднэсэнькій, бувъ, шамкаетъ хохолъ: изъ Кыива и прыгнали сюды.

Пошли распросы про городъ, про Россію вообще, про землю въ особенности; у старика даже блескъ показался въ потухшихъ глазахъ, тѣмъ болѣе, что бродяга не лѣзъ въ карманъ за словомъ.

— Такъ, кажишь, чугунка?

— Она самая! То-ись, скажу тебѣ—вѣтеръ! Только сядь, свистни, и-и... понесла! Птица!

— А-а, Боже мій, Боже мій! Якэ диво! Хочъ-бы глазкомъ подывыцця! Та дэ вже! Развѣ внучата вернуцця. Такъ якъ птыця?

— Эге, птыця, птыця! Поддѣлывается бродяга**).

— На, хлопче, зъижъ на здоровье! сказалъ старикъ, давая бродягѣ шаньгу. Онъ только этого и ждалъ, и вызвалъ желающихъ подражать ему.

— Я изъ Пензы! заоралъ какой-то дѣтина: нѣть-ли землячекъ промежъ бабъ?

— Я изъ Пензы, мы съ тятенькой недавно оттеда, робко объявляетъ дѣвочка, торгующая квасомъ.

— Больно мала, отвѣчаетъ дѣтина: а вотъ съ тобою мы земляки, обращается онъ къ молодой бабенкѣ... Окружающіе хохочутъ.

— Кто щи заказывалъ? кричитъ тоненькимъ голоскомъ вошедшая во дворъ дѣвочка; арестанты мгновенно ее окружаютъ, спрашиваютъ о цѣнѣ, пробуютъ, жирныя-ли щи и... расходятся, не думая вовсе покупать, а болтая отъ скуки. Въ углу двора усѣлись политическіе, играя въ шашки, въ шахматы; кто громко читаетъ книгу товарищамъ; ихъ окружила толпа аре-

---

**) Бродяги на этапахъ заводятъ съ торговцами знакомство, чтобы воспользоваться ими впослѣдствіи, во время бродяжества.

стантовъ, спрашивавшая, что новаго въ газетахъ? Многіе просятъ „почитать книжечку", каковая просьба удовлетворяется немедленно; иногда происходятъ разспросы, кто изъ какого города? и т. д. Здѣсь, кстати сказать, что просятъ „почитать" очень многіе изъ арестантовъ, и дѣйствительно, читаютъ съ увлеченіемъ; мы помнимъ одного поселенца, шедшаго за оскорбленіе офицера: поселенецъ этотъ, едва партія приходила на этапъ, сейчасъ шелъ къ политическимъ, просилъ книгу и немедленно принимался читать, забывая даже объ отдыхѣ*).

Почти на серединѣ двора арестанты образовали кругъ, въ которомъ отплясываетъ цыганъ подъ пѣсню:

А барыня пышна
За вороты вышла... и т. д.

...Семь вѣдь? слышится въ кружкѣ собравшихся бабъ. — „Солдатъ"—разъ, Степка—два, на баржѣ Тимофей да „кудлатый"... А Мироновъ? Забыла?—Ну, Мироновъ еще и—больше не было: всего пять, да теперь Финогенъ...

---

*) Жаль, что тюремный комитетъ, комитетъ грамотности и другіе мало или вовсе даже не обращаютъ вниманія на эту сторону потребности арестанта—какъ хорошо-бы имѣть на этапахъ книги.

— А „пожарные" даромъ, небось, чаемъ угощали?....

— Провалиться на этомъ мѣстѣ—не успѣла: скоро назадъ тогда въ острогъ увели....

— Ну пять! Нешто это мало?!?.

.... Да ты самъ посуди: у „чалдона" работы много, работа трудная; дастъ онъ, положимъ, рублей пять; такъ вѣдь одежи-то я въ мѣсяцъ сколько изорву! А ежели я залѣзу въ чужой, значитъ, карманъ, али домъ, у меня—худо-худо—рубля два барыша, и одежа цѣлехонька—вотъ что!—А ежели по спинѣ-то дадутъ? по загривку?

— А голова на што? Развѣ руки не привычны?

.... „Ужъ лупцовалъ онъ меня, лупцовалъ, повѣтствуетъ въ другомъ мѣстѣ баба: взялъ кандалы у Петьки, изъ подъ подушки—всю спину избилъ, и теперь знаки есть". Разскащица спускаетъ по поясъ рубаху и показываетъ на спинѣ шрамы; бабы качаютъ головами; разскащица продолжаетъ: „мужики, было, заступились, а я имъ: не ваше, молъ, дѣло, говорю. Какъ сказала я это, онъ бить и бросилъ: отлегло, значитъ, за то, что покорилась.

— Нѣтъ, мой-то что сдѣлалъ! билъ меня, билъ и подаетъ стаканъ вина: пей! говоритъ; а какое тутъ питье, когда на сердцѣ кровь-то за-

кипѣла у меня отъ этакова, можно сказать, случая. А—а! Не хошь?!? говоритъ—и ну опять, опять; я и выпила; такъ что же? бить то перересталъ, да еще почалъ цѣловать.

Повѣрите—захворала я отъ этого винища.

— Ужъ какъ не захворать! Не дай Богъ съ эдакимъ связаться! хоть въ гробъ ложись!—Ну, ты это напрасно, обижается разскащица; я его всегда добромъ поминаю; вотъ хоть бы въ Нижнемъ: самъ на „пайкѣ" *), а мнѣ все порцыи **), порцыи, пять или шесть тамъ порцыи (по копейкѣ тогда порцыи были); „щей арестантскихъ и въ ротъ я не брала, да и ходила я чистенько, не какъ другія—прочія: шаль подарилъ, платье; а что побоевъ приняла я отъ него,—это точно...

А—яй! сколько побоевъ! вздохнула разкащица: теперь съ Федькою ку-ды-ы вольготнѣе.

— Такъ васъ бабъ и надо: бить, да учить уму разуму, сказалъ какой-то подошедшій арестантъ.

— У самого есть ли? огрызнулась баба.

— Ахъ ты, к....! еще поговори! и арестантъ шлепнулъ бабу по спинѣ, поваливъ ее на землю,

---

*) Паекъ—2½ ф. хлѣба и обѣдъ, полагаемый арестанту.

**) Въ тюрьмахъ нѣкоторые арестанты закупаютъ провизію и за опредѣленную плату готовятъ желающимъ кушанья по порціямъ.

— Дуй её, ддуй! шутливо подзадоривали проходившіе.

.... Какъ проиграю я эти деньги, моя-то дура и реветъ; а я ей: нѣшто это мои деньги? нѣшто я ихъ заробилъ? Ужъ гдѣ заробилъ! сегодня выигралъ, завтра проигралъ.—Ну да— ба-ба, чего она смыслитъ? Вѣдомо! Одно слово— ба-ба . . . .

— „Шохоръ! Шохоръ"! слышится у воротъ: это старый бродяга, нѣчто въ родѣ клоуна, представляетъ танецъ какихъ-то сибирскихъ инородцевъ, прибавляя циническіе жесты. Кругомъ хохочутъ и аплодируютъ.

.... А я Наполеона видѣлъ, разсказываетъ арестантъ среднихъ лѣтъ.—Видѣлъ? Ишь ты! качаютъ головами слушающіе его солдаты.—А вы и повѣрили? А еще сол-да-ты! смѣется другой арестантъ: да онъ въ материнскомъ пузѣ еще не зачинался, когда Наполеонъ въ Россіи былъ: въ 12-мъ году онъ былъ, цѣлыхъ семьдесятъ слишкомъ лѣтъ назадъ. — И то правда! Ахъ ты чортовъ сынъ.—Мудёръ надувать! А про Бисмарка слыхалъ?—Какъ не слыхать! Тоже, чай, газеты читывалъ *).

---

*) Вообще арестанты развитѣе солдатъ, читаютъ при первой возможности газеты и интересуются „политикой".

.... Этьенъ! Этьенъ! повѣствуетъ грамотная каторжанка содержаніе когда-то читанной ею повѣсти: „я тебя люблю, но не могу бросить мужа! я должна, я должна къ нему вернуться! —„Ишь, образумилась, значитъ?“—,,Извѣстно, ученая, не то, что наша сестра‘‘...

.... Шелъ я это на поселеніе за кражу—замокъ сломалъ—и повстрѣчайся я въ Томскомъ съ ,,Сохатымъ‘‘ (Сергѣй и ,,Безродный‘‘ знаютъ его); встрѣтились это, а онъ и ну бахвалиться: я де ,,засыпалъ‘‘ Козлову—это бытто свекру мому; зло тутъ меня взяло, сердце закипѣло, жалко мнѣ свекра, добрый былъ человѣкъ!

Какъ схвачу я ножъ, да какъ полосну ,,Сохатаго‘‘ по шеѣ—онъ только ахнулъ.

— Такъ ему и надо! утопилъ, с... с..., да еще бахвалится! Умеръ?

— Нѣтъ, чортъ его не взялъ! Опосля еще гдѣ-то робята ему подбавили; въ бѣгахъ ужъ, слыхать, гдѣ-то окачурился.

— Какъ это ты, братецъ, сплоховалъ?

— Стыдно, братъ!

— Ножъ, должно быть, не больно востеръ былъ.

— Прямо бы его по башкѣ, въ високъ—и-и, шаба-шъ!

.... Трудно, и-и! какъ трудно бродяжить бабѣ; да и на каторгѣ не житье, а мука,—говоритъ худая, сморщенная старушонка—бродяга, обращаясь къ молодой, красивой арестанткѣ, идущей на каторгу за убійство ребенка: здѣсь-то одеженка плохая, а на заводѣ и того хуже; а тутъ все на работѣ, да на работѣ, только успѣвай дѣлать; дадутъ на три мѣсяца тебѣ „чирки“, „коты“ по здѣшнему, а они за недѣлю и порвутся; придешь къ смотрителю, а онъ сейчасъ: „розогъ“! кричитъ.—И наказываютъ? вздрагивая спрашиваетъ слушательница.—А ты думаешь, шутятъ? А ѣда-то, ѣда—не приведи господи! Щи черныя, пречерныя; рабочему человѣку полагается фунтъ мяса въ день, а мы въ мѣсяцъ трехъ фунтовъ не получали; хлѣба по 2½ ф. давали; такъ, повѣришь ли, намъ бабамъ и то не хватало.—Ужъ какъ хватитъ, коли одинъ хлѣбъ почесть. Видно смѣняться надо, да бѣжать!—Отъ этого житья какъ не убѣжишь...—Страшно, какъ вспомню, что и убить-то тебя могутъ, и звѣрь-то въ лѣсу...Ну звѣрь-то ничего, а вотъ „братскихъ“ *) берегчись надо, а то, какъ разъ, на „лопать“ **) то поза-

*) „Броцкіе“ называются буряты Забайкальской области.
**) Одежда.

рится и убьетъ; да и одеженку-то худеньку прехуденьку надо носить: этакъ-то ужъ не нарядишься, какъ ты теперь. У молодой дѣвушки показались слезы на глазахъ: впереди видитъ она одно горе, одни опасности, все равно пойдетъ ли на каторгу или въ лѣсъ... Девятнадцатый годъ всего мнѣ... Лучше бы сразу на судѣ меня убили", рыдаетъ она. Окружающіе притихли...—Ну, Маша! полно горевать-то! утѣшаютъ бродяги: ишь насъ сколько! Намъ съ тобою веселѣе въ лѣсу будетъ!—Я ужъ десять лѣтъ по бродяжеству хожу, всю почесть Сибирь проклятую знаю, какъ свой домъ: все покажу тебѣ! Пойдемъ-ка пѣсни пѣть! вонъ наши пѣвуны усаживаются. И черезъ нѣсколько минутъ все еще грустная Маша сидѣла уже „въ обнимку" со своимъ „любителемъ" въ кругу пѣвцовъ. Хоръ собрался большой; слышались и недурные голоса, но пѣли не особенно стройно:

На этапъ намъ собираться
Приказанье отдано—
Знать съ Сибирію спознаться
На роду намъ суждено.
Не боюся я Сибири,
Но боюсь разлуки я;
Жалко съ милой мнѣ разстаться —
Она дороже мнѣ всего!
Не кори меня въ развратѣ,
А цѣлуй меня звончѣй!

Поздно думать объ утратѣ
Нашихъ прежнихъ дней...

Здѣсь кстати приведемъ еще нѣсколько пѣсенъ, пѣтыхъ арестантами, замѣтивъ, что, за весьма незначительными исключеніями, всѣ онѣ неоригинальныя, а взятыя изъ различныхъ „сборниковъ“ и „пѣсенниковъ“, нерѣдко переврапы и перепначены до неузнаваемости; содержаніе пѣсенъ, въ большинствѣ, подходящее къ тюремнымъ и этапнымъ условіямъ.

Мѣщане большихъ русскихъ городовъ очень часто поютъ:

Въ одной знакомой улицѣ
Я помню старый домъ,
Съ высокой темной лѣстницей,
Съ завѣшаннымъ окномъ;

И тамъ огонь, какъ звѣздочка,
До полночи горитъ,
А вѣтеръ занавѣсочку
Тихонько шевелитъ.

Никто не зналъ, какая тамъ
Затворница живетъ,
Какая сила тайная
Меня туда влечетъ;

Какая чудна дѣвица
Въ завѣтный часъ ночной
Выходитъ ко мнѣ блѣдная
Съ распущенной косой,

Съ заплаканными глазками,
И въ ручкахъ со свѣчей;
Какія рѣчи странныя
Она твердила мнѣ:
О мужествѣ, объ обществѣ,
О дальней сторонѣ.

———

Теперь мы пташки вольныя,
И насъ не стерегутъ,
А ты, мой другъ, не дѣвица—
Тебя не проклянутъ.

———

Прощай, прощай, мой милый другъ!
И поцѣлуй звучалъ,
А вѣтеръ занавѣсочку
Тихонько колыхалъ.

———

Каторжники нерѣдко поютъ:

Ночь темна, лови минуты!
У тюрьмы стѣна крѣпка,
У дверей нашихъ замкнуты
Два желѣзные замка.

———

Чуть брезжетъ вдоль корридора
Огонекъ сторожевой.
Не стучитъ тамъ шпоромъ, шпоромъ,
Но скучаетъ часовой.

———

„Часовой!—Что, баринъ, надо?
—Притворись, что будто спишь!
А я мигомъ чрезъ ограду
Тѣнью быстрою промчусь:

———

Край родной повидѣть надо
И жену поцѣловать,
А потомъ съ друзьями, подъ тѣнью,
Въ лѣсу зеленомъ, погулять".

— Я бы радъ услужить тебѣ,
Во что ни стало,
Но боюся одного:
Отдадутъ меня подъ судъ военный
И сквозь „тальцы" проведутъ,
И мой трупъ окровавленный
На тележкѣ повезутъ.

И не дадутъ мнѣ ни ружья, ни пистолета,
Но дадутъ одну лопатку,
И ноги къ тачкѣ прикуютъ.
Вѣчно цѣпь будетъ одѣта,
И меня въ каторгу сошлютъ.

И не видѣть мнѣ роднаго края,
И жены не цѣловать,
И подъ тѣнью съ друзьями
Въ лѣсу зеленомъ не гулять.

Любимая пѣсня бродягъ—это извѣстная:

Отцовскій домъ покинулъ я,
Травою заростетъ.
Собачка вѣрная моя
Залаетъ у воротъ, и т. д.

А также:

Умереть бы мнѣ молодцу въ клѣткѣ,
Если-бъ не было милой сосѣдки:

Разъ проснулись мы съ ней зарей, зарей,
Я кивнулъ ей слегка головой.

— —

И теперь у окошечка сяду,
Волю дамъ ненасытному взгляду,
А напротивъ въ окошечко: стукъ—стукъ!
Занавѣсъ подымается вдругъ.

— —

Выбирай-ка ты ночь потемнѣе,
Да напой-ты отца попьянѣе,
Да повѣсь, чтобы видѣть я могъ, я могъ,
На окно поласатый платокъ.

— —

Золотые ключи ты украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь,
А ужъ съ тѣмъ, кто поставленъ къ дверямъ, къ дверямъ
Постараюся справиться самъ.

— —

. . . .

Не горюй же ты, мила сосѣдка:
Скоро наша отворится клѣтка,
И, какъ Божіи пташки, вдвоемъ, вдвоемъ,
Во чисто мы поле порхнемъ... и т. д.

Или:

За дикими степями, за Байкаломъ,
Гдѣ золото роютъ въ горахъ,
Бродяга судьбу проклинаетъ,
Тащится съ сумою назадъ.

— —

Тащится густою тайгою,
Гдѣ птички поютъ во кустахъ;
Худая на немъ шапченка
И сѣрый казенный халатъ;

— —

Плохая на немъ рубашенка,
При множествѣ разныхъ заплатъ.
Котелокъ съ боку тревогу
Ухарски съ ложками бьетъ.

———

Къ Байкалу тихо подходитъ,
Рыбачью лодку беретъ,
Любимую пѣсню заводитъ:
Про родину что-то поетъ.

На дворѣ далеко не вся партія: многіе сидятъ въ камерахъ, хотя тамъ и душно, и грязно; здѣсь, подъ шумъ, гамъ и крики, дѣлаются дѣла, воспрещенные закономъ, „Майданщикъ", разложивъ свой „майданъ", т. е. всевозможнѣйшіе товары, охотно угощаетъ водкою, табакомъ, папиросами, продавая все втридорога, его окружаетъ со всѣхъ сторонъ толпа народу и одному майданщику не успѣть бы удовлетворить требованія, если-бы ему не помогали „жиганы"—должники, обязанность которыхъ наблюдать также—«не идетъ-ли начальство»? Благодаря этому, тутъ же сидящіе игроки спокойно „дуются" въ самыя азартныя игры, увеличивая ставки все болѣе и болѣе, ограничиваясь короткими замѣчаніями:—слопаетъ Митька-то бондаря.—Ему фартъ сегодня.—Ишь! такъ и бьетъ, такъ и бьетъ!

Въ другихъ углахъ—другія занятія, и вездѣ говоръ. Все слышно отрывками, которые, пере-

данные въ подлинникѣ, прекрасно характеризуютъ арестанта и этапную жизнь.—Серега, а Серега—а! кричитъ арестантъ, стоящій подлѣ окна и разбирающій надпись.—Ну?—А Куликовъ-то прошелъ уже.—Ты откеда знаешь?—А вотъ тутъ, погляди-ка, написано на окнѣ: Куликовъ кланяется бродягамъ, прошелъ благополучно, здоровъ.—Пиши и ты поклонъ нашимъ.—Вѣдомо, напишу!.

Въ сосѣдней камерѣ раздается крикъ:—Алешка кудрявый Сашку лупитъ, объявляютъ публикѣ стоящіе ближе къ дверямъ.—Такъ ей и надо! не связывайся съ жиганами!

„Ему и обидно"...—Какъ не обидно"! чего ей надо? кажись все покупаетъ, такъ ей все, видишь, мало! Крики продолжаются, но никто и не думаетъ вступаться, а вошедшій староста еще прибавляетъ: Наддай ей, к..., чтобы не кричала больно, а то, не ровенъ часъ, офицеръ услышитъ, такъ мнѣ же и достанется.

Въ сторонѣ отъ играющихъ раздался бабій плачъ, вслѣдъ за которымъ послышалось довольно логичное увѣщаніе со стороны „любителя" или мужа: нѣшто я эти деньги заробилъ? выигралъ и проигралъ! Не твои вѣдь?!! продолжаетъ онъ, бросая карты.

— Да, не мои... а гдѣ... платье, что хо... хо-

тѣлъ ку...купить, всхлипываетъ баба: шутка-ли 100 рублей...

— Не твое это дѣло! Слышь?!? замолчи! Не то... увѣщатель показалъ солидныхъ размѣровъ кулакъ, съ которымъ баба была, вѣроятно, знакома, такъ какъ всхлипыванія прекратились...

— Что, братъ, часы—ау?— А куда мнѣ съ ними? того гляди украдутъ... Только больно дешево взялъ: пять съ полтиною...—Пять съ полтиною?!? а самъ 25 далъ? — Что и говорить... далъ маху... солдатъ, выжига эдакая, не далъ больше... этотъ солдатъ вчерась у Терещенки цѣпку золотую за три рубля купилъ! То ись, прямо даромъ! да еще, то-ли одну, то-ли двѣ бутыли вина доставилъ.

...А—а! ты грозишь, гро-зи-шь?!? начинается ссора русскаго съ какимъ-то восточнымъ человѣкомъ,—ножъ показываешь?!? Это, братъ, не дѣло! хошь бить-бей, а не грози, нѣ-ѣтъ! Бей его, ребята! Нѣсколько человѣкъ бросаются на восточнаго человѣка, у котораго дѣйствительно виденъ въ рукахъ ножъ; на помощь къ нему подбѣгаютъ его единовѣрцы, и начинается страшная, дикая свалка. Ай!—Ой!—Карраулъ! Старосту! Старосту позовите! Такими возгласами наполняется камера. Староста является, и бой стихаетъ, переходя въ ругательства...

— Эхъ, шутъ тя дери! слышенъ возгласъ подъ нарами: экъ ловко сдѣлалъ! выражаютъ восхищеніе арестанты глядя, какъ ловко ихъ товарищъ вырѣзалъ печать.

— „Прикладывай на бумагу"! Подали сальный огарокъ и скоро прекраснѣйшій отпечатокъ виднѣлся на клочкѣ бумаги.—То-ись и въ голову никому не придетъ, что она поддѣльная! продолжаетъ восхищаться одинъ изъ окружающихъ рѣзчика печатей. — А видѣлъ, какъ Федька двугривенные поддѣлываетъ? спросилъ восхищающагося другой арестантъ.

— Нѣтъ, не видѣлъ.—Такъ посмотри: вотъ я сказалъ тебѣ, а и то надуетъ: дастъ двугривенный, и не увидишь, что онъ фальшивый.

. . . .

Въ темномъ уголкѣ, подъ нарами шепчутся двѣ бабы: — цыцъ Марфушка! усмиряетъ одна баба ребенка, чтобы слушать разсказы собесѣдницы: родила, говоришь?

— Родила и не крикнула: кругомъ-то мужики спали — стыдно... Какъ не стыдно... Пойдемъ, поглядимъ. — Нѣту ея тамъ: знаешь, Карпъ-то, старичекъ?—Ну?. Жалко ему стало бабу, ну, и пошелъ онъ къ политическимъ попросить, чтобы въ свою камеру взяли (у нихъ все поспокойнѣе); проситъ, а у самого-то сле-

зы на глазахъ, будто она ему своя. Жаль вѣдь тоже и ему: тѣснота, гамъ, крикъ кругомъ, а она, бѣдная, перваго родила.—Что-же, пустили?—Сами даже ребенка унесли и постель ей приготовили.

— Гляди-ка! гляди-ка! раздается возгласъ арестанта, сидящаго отъ нечего дѣлать у окна: экій чугунъ политическій староста тащитъ! Знать у солдатъ на кухнѣ обѣдъ готовили*).—Имъ хорошо, замѣчаетъ подошедшій арестантъ: не то, что нашему брату...—Извѣстно, дворяне**).— ...Пойти посмотрѣть, не набралось-ли больше торговокъ, къ вечеру ихъ поболѣ бываетъ): не куплю-ли молока, а то ребята плачутъ...—Что это нынче какъ все дорого стало, не приведи Господи!—Тутъ-то еще ничего, а вотъ какъ по иркутской пойдешь—тамъ намаешься! . . .

... Пришли это мы въ Нижне-Удинскъ, повѣствуетъ на нарахъ баба-бродяга, окружившимъ ее новымъ арестанткамъ: холостыхъ-то угнали,

*) Политическіе за извѣстную плату пользуются солдатскою кухнею, гдѣ готовятъ обѣдъ изъ провизіи, купленной частью у солдатъ, частью у торговокъ.

**) Въ 80 и 79 гг. политическіе шли особыми партіями, отдѣльно отъ уголовныхъ; тогда этапы имѣли видъ иной, а политическіе на этапахъ пѣли, танцовали, устраивали литературные вечера и даже импровизированные спектакли.

а насъ, бабъ, оставили; наши мужики и говорятъ: съ чужими не связуйтесь, а мы будемъ ждать васъ въ Иркутскомъ. Только пришла скоро партія изъ Красноярска, мужиковъ стра-асть сколько! Насъ съ ними вмѣстѣ и погнали. Пристаютъ они къ намъ, да и только! Мы знать ихъ не хотимъ: наши вѣдь сказали, что въ Иркутскомъ ждать будутъ. Ужъ и намаялись мы! Съ наръ насъ гонятъ, къ печкѣ не пускаютъ, только и мѣста намъ было, что возлѣ парашекъ, а мы все-таки не сдались. Только Федосья-хохлуша была у насъ. „Любитель“ ейный былъ бѣдный - разбѣдный; она и свяжись съ кѣмъ - то; а онъ ей купилъ лиловое платье. Пришли мы въ Иркутскъ; всѣ принарядились; и Федосья лиловое платье надѣла. Мужики наши рады, угощаютъ насъ; стали чай пить, а про хохлушу молчимъ: не наше, молъ, это дѣло; и она со своимъ сѣла чай пить, да и говоритъ ему: а я вѣдь связалась съ Иваномъ; онъ платье мнѣ подарилъ. Ба-атюшки, думаемъ, сдурѣла дѣвка! вѣдь бить будетъ! А онъ поглядѣлъ на нее и говоритъ: ну, ладно, что хоть не даромъ—платье хорошее! — Ишь ты! Чтобъ только не даромъ! Другой-бы избилъ въ смерть!—Еще какъ бы! А онъ ничего. —Ужъ и похохотали мы!—Пойдемъ, дѣвки, съ

невѣстою чай пить, все равно шить-то темно.
— Съ какою невѣстою?

— Катьку бродяжку не знаете? она и есть невѣста: вѣдь она, было, въ Канскомъ за бродягою пошла и задумала съ нимъ повѣнчаться, чтобы, значитъ, хозяйствомъ своимъ жить; преступленіевъ за нею не было, она и открыла родъ жизни, и проситъ, чтобы, значитъ, сняли съ нея патретъ на ея счетъ и отправили - бы патретъ на родину для улики, а ее чтобы въ Канскомъ оставили и вѣнчаться позволили съ бродягою. Ну да не такъ-то вышло: какъ открылась, такъ ее въ Казань этапомъ и отправили; уже другой годъ, какъ она изъ Канска: въ Казани ее выпустили, а она опять бродягою назвалась и идетъ къ своему любителю.—А онъ, можетъ, другую нашелъ?—Я говорю ей—не вѣритъ....

Совсѣмъ стемнѣло, а потому всѣ, бывшіе въ камерѣ, оставивъ занятія и работы, вышли до повѣрки на дворъ; только нѣкоторые, сидя и лежа возлѣ оконъ, старались докончить письма на родину, чтобы сдать до завтра офицеру.

Скоро раздалось: на по-вѣр-ку-у! Арестанты сбѣжались со всѣхъ сторонъ, выстроились, были провѣрены и заперты на замокъ; долго еще въ душномъ этапѣ продолжалась жизнь: играли въ карты, пили,

пѣли, ругались, бились; но въ концѣ—концовъ всѣ уснули мертвецкимъ сномъ, чтобы, проснувшись, идти дальше, до слѣдующей дневки, гдѣ повторится подобная же картина. И такъ до безконечности!

ГЛАВА X.

Общій взглядъ на Сибирь. Населеніе. Повинности. Злоупотребленія. Характеристика сибиряка. Поселенцы. Политическіе ссыльные. Сибирское общество. Золотопромышленники. Рабочіе. Интеллигенція.

Проѣхавъ до Красноярска, мы не считаемъ себя вправѣ говорить о Сибири вообще, говорить объ этой необъятной странѣ, по которой, сравнительно, сдѣлали лишь нѣсколько шаговъ: вѣдь отъ Тюмени до Владивостока 7,304 версты, до Средне-Колымска 8,608 верстъ, до Петропавловскаго порта 10,728 верстъ, а мы проѣхали только 2,190! Мы обобщать и не будемъ, но считаемъ долгомъ болѣе познакомить читателя съ описываемымъ нами кусочкомъ Сибири, прибавивъ кое-что ко всему сказанному, а именно нѣкоторыя наблюденія наши относительно—сибирскаго народа и общества.

На всемъ пути отъ Тюмени до Красноярска живетъ исключительно русскій православный

людъ съ незначительною примѣсью аборигеновъ страны, которые повсемѣстно вымираютъ и ведутъ самый жалкій, получеловѣческій образъ жизни, благодаря отсутствію какого-либо благотворнаго вліянія на нихъ со стороны господствующаго населенія. Разнаго рода кулаки только выжимаютъ изъ несчастныхъ инородцевъ послѣдніе соки. Читатель видѣлъ уже, что дорога между двумя помянутыми городами проходитъ, за весьма незначительнымъ исключеніемъ, по плодороднѣйшимъ мѣстамъ Сибири, съ умѣреннымъ, прибавимъ, климатомъ; онъ видѣлъ, что въ этихъ мѣстахъ нѣтъ недостатка ни въ лѣсѣ, ни въ землѣ, ни въ водѣ, ни въ пастбищахъ. Всего вдоволь, и a priori можно заключить, что жизнь сибирскаго крестьянина въ этихъ мѣстахъ не въ примѣръ лучше русской; но это не совсѣмъ такъ. Правда, нигдѣ почти не встрѣчается здѣсь той забитой, непригладной нищеты, которая такъ замѣтна въ русской деревнѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя сказать, чтобы сибирскій крестьянинъ не могъ желать лучшаго. Дѣло въ томъ, что сибирякъ обремененъ такою массою разныхъ налоговъ и повинностей, что ему весьма трудно благоденствовать даже при всѣхъ богатствахъ природы, имѣющихся въ его распоряженіи. Чтобы не

быть голословными, мы приведемъ фактическія данныя изъ оффиціальныхъ источниковъ.

Вотъ такъ называемыя „натуральныя повинности“, которыя приходится отбывать сибирскому крестьянину,

1—исправленіе дорогъ, частію мостовъ, перилъ, поставка верстовыхъ столбовъ и приготовленіе для нихъ лѣса.

2—отправленіе междудворной обывательской гоньбы.

3—содержаніе перевозовъ черезъ рѣки.

4—караулы при церквахъ и экономическихъ магазинахъ; служба при волостныхъ и сельскихъ правленіяхъ въ качествѣ десятниковъ и проч.

5—приготовленіе лѣса для церквей, общественныхъ строеній, училищъ, тюремъ, богадѣленъ, и вообще содержаніе общественныхъ (строеній) зданій, магазиновъ и ледниковъ.

6—поимка бѣглыхъ, препровожденіе ихъ, а равно и пересыльныхъ партій.

7—прекращеніе лѣсныхъ пожаровъ.

8—работы при межеваніи земли.

9—препровожденіе воинскихъ партій.

10—перевозка каравановъ съ золотомъ.

Уже одно это перечисленіе дѣлаетъ, пожалуй, излишнимъ комментаріи; но вникнемъ въ

ихъ суть. Для отбыванія этихъ повинностей въ енисейской, напр., губерніи, въ 1881 году требовалось 57,676 человѣкъ и 93,367 подводъ. Если примемъ во вниманіе, что населеніе въ помянутой губерніи равнялось 421,000 обоего пола, то выходитъ, считая, что повинности отбываютъ и женщины (мужчинъ въ губерніи 237, 156 ч.), болѣе 13% занято въ продолженіе года исключительно отбываніемъ этихъ повинностей, употребляя 93,957 лошадей, т. е. болѣе 26% всего количества (лошадей въ губерніи считается 354,357). Перелагая все это на деньги, получимъ слѣдующіе внушительные выводы. Средняя поденная плата рабочему съ лошадью равняется 1 р 78 к.*) на своемъ содержаніи; еслибы заплатить всѣмъ 57,676 рабочимъ съ лошадьми, пришлось бы истратить сумму въ 10,266,328 руб,; но и это количество не оплатило бы еще 35,681 лошади, за которыхъ, назначивъ 1/3 всей цѣны, полагаемой рабочему съ лошадью, нужно прибавить еще 21,051 р. 79 к. „Натуральныя повинности“ далеко однако еще не все: существуютъ „сбо-

*) Поденная плата въ енис. губ. распредѣляется такъ: во время посѣва яроваго хлѣба рабочему съ лошадью на своемъ содержаніи— 1 р. 70 к., во время сѣнокоса—1 р. 60 к., во время уборки хлѣбовъ—2 руб.

ры“: „окладные“, „губернскіе-земскіе“ и „частные-земскіе“; „сборовъ“ этихъ взимается въ енисейской губ. 1,306,062 руб.; но кромѣ сборовъ, существуетъ еще „денежная повинность“ на:

1—содержаніе дорогъ, мостовъ, перевозовъ и на поверстныя чиновникамъ по строительной части.

2—подводы при полицейскихъ управленіяхъ и для земскихъ сообщеній въ селеніяхъ, на содержаніе воинскихъ помѣщеній въ городахъ.

3—содержаніе столовъ по земскимъ повинностямъ въ губернскихъ мѣстахъ.

4—содержаніе тюремныхъ и прочихъ помѣщеній и устройство дорожныхъ аптекъ.

5—жалованье оспопрививателямъ.

6—содержаніе волостныхъ правленій, степныхъ думъ и инородческихъ управленій, IV-го отдѣленія главнаго управленія восточной Сибири и служителей при архіерейскомъ домѣ.

7—содержаніе городскихъ полицій.

8—содержаніе пожарной части по сельскимъ обществамъ, плата писарямъ, и т. д.

8—содержаніе казенныхъ и общественныхъ зданій и экономическихъ магазиновъ.

На содержаніе перечисленнаго крестьяне енисейской губерніи платятъ 532,956 р., а вмѣ-

стѣ съ ранѣе перечисленными „повинностями" и „сборами", всего 12,126,397 руб. Нельзя не замѣтить при этомъ, что помянутая сумма увеличивается по меньшей мѣрѣ вдвое, благодаря способамъ взиманія: нѣтъ почти писаря, волостнаго старшины, которые бы не прибавили „при собираніяхъ" какую либо „лишку" и для себя; нерѣдко писаря, въ связи со старшинами, выдумываютъ не существующія повинности, собираютъ деньги и кладутъ ихъ къ себѣ въ карманъ; даже исправное отбываніе повинностей, правильный взносъ въ казну денегъ не гарантируютъ крестьянина: пріѣзжаетъ мужикъ въ волость верстъ за 200—300, чтобы взнести слѣдуемыя деньги, писарь не принимаетъ ихъ по недѣлямъ, говоря „некогда", покуда не задобритъ его крестьянинъ. А во сколько крестьянину обходится судъ, „мертвыя тѣла" и т. п.? Вотъ почему нужно удивляться сносному житью сибирскаго крестьянина и быть снисходительнымъ къ его нѣкоторымъ несимпатичнымъ качествамъ. Главная черта, проходящая во всѣхъ его дѣйствіяхъ—это необыкновенное деньголюбіе;*) за деньги онъ, какъ говорится, отца

*) Сибирскій поэтъ Өедоровъ (Омулевскій), характеризуя въ одномъ изъ своихъ стихотвореній (№ 2 „В. О." 84 г.) нравы и обычаи сибирскаго крестьянина, которые въ стихотвореніи опоэтизи-

родного не пожалѣетъ, готовъ на все. Онъ дрожитъ надъ каждой копейкой и цѣлые часы торгуется изъ-за гроша. Параллельно съ сребролюбіемъ надо поставить любовь къ вину, благодаря которой съ сибирякомъ за $^1/_2$ штофа можно сдѣлать что угодно; послѣднимъ обстоятельствомъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ пользуются при темныхъ дѣлахъ волостныя начальства, кулаки, міроѣды, золотопромышленники. Эксплоатація, закабаленіе до крѣпостничества дѣлаются при винѣ легкою, ничего не стоющею вещью: очнется мужикъ или рабочій на промыслахъ, да уже поздно! онъ уже связанъ условіями, подписками и расписками по рукамъ и ногамъ!...

У сибиряка нѣтъ ничего своего, оригинальнаго: все наносно и, къ несчастію, сюда занесено ссыльнымъ элементомъ большею частію худшее. Послушайте пѣсню сибиряка. Вы услышите перевранные „романсы", изуродованныя до неузнаваемости пѣсни малорусскія, велико-

---

рованы въ высшей степени, оговаривается въ примѣчаніи, что „теперь этого нѣтъ", что „такія времена прошли": Весьма возможно, что прежде сибирскій крестьянинъ былъ симпатичнѣе, весьма возможно также, что намъ пришлось наблюдать только отрицательныя стороны сибиряка, при томъ наблюдать поверхностно; во всякомъ случаѣ мы пишемъ только о томъ, что намъ пришлось замѣтить на разстояніи отъ Тюмени до Красноярска, и весьма возможно, что сужденія наши зависятъ отъ недостаточнаго знакомства съ сибирскими крестьянами.

русскія и „книжныя", если можно такъ выразиться, т. е. заимствованныя изъ различнаго рода „сборниковъ" и „пѣсенниковъ". Темные лѣса, рѣки широкія, степи необъятныя не тронули души сибиряка, и онъ на берегахъ Енисея оретъ „внизъ да по матушкѣ по Волгѣ"; говоримъ «оретъ» потому, что сибирякъ и пѣть-то хорошо неумѣетъ. Идите на свадьбу: тамъ все французское съ азіятскимъ: китайскія церемоніи, благодаря чему ранѣе трехкратнаго приглашенія ѣсть не полагается, французскія кадрили, полуазіатскіе, полуевропейскіе костюмы, русское пьянство, непремѣнно съ мордобоемъ, и все это начинается и кончается дѣйствительно удалою, ухарскою, бѣшеною ѣздою съ бубенцами, колокольцами и крикомъ на все село или городъ. Нельзя при этомъ не упомянуть о большой испорченности нравовъ, особенно по золотопромышленнымъ трактамъ и по городамъ: нерѣдко мать продаетъ свою дочь не въ силу крайности, а руководствуясь денежными соображеніями. Послѣднее зло, какъ и многое другое, есть несомнѣнное и пагубное вліяніе уголовнаго элемента, о которомъ, къ слову, и поговоримъ.

Поселенецъ, если онъ правдами и неправдами не завоюетъ себѣ человѣческое положеніе,— это сибирскій парій; голодный, полуголый, онъ

сталкивается съ телѣги, привезшей его на мѣсто поселенія, безъ всякихъ средствъ къ жизни въ настоящемъ и будущемъ, за тысячи верстъ отъ родины; поселенецъ—это китайскій куль, за которымъ начинаетъ гоняться сибирякъ, какъ за даровымъ рабочимъ; каждая партія встрѣчается въ городахъ и селахъ мѣстными жителями, которые и берутъ себѣ поселенцевъ въ работники нерѣдко за кусокъ хлѣба; голодный „варнакъ“ *) идетъ охотно работать, но ненадолго: скоро эксплоатація превосходитъ мѣру возможности: „варнака“ плохо кормятъ, не одѣваютъ, не даютъ денегъ. Что дѣлать? Поселенецъ бѣжитъ, нерѣдко ограбивъ своего хозяина. Бывало и такъ, что сибирякъ обѣщаетъ „варнаку“ жалованье; поселенецъ проработаетъ съ годъ, требуетъ расчета; „чалдонъ“ **) раскошеливается и даетъ „варнаку“ должную сумму, но когда послѣдній уйдетъ, сибирякъ догоняетъ поселенца, спокойнѣйшимъ образомъ убиваетъ и забираетъ обратно не только деньги, но и „лопоть“ (одежду). „Чалдонды“ и „варнаки“—это враги, вѣчно преслѣдующіе другъ друга, гра-

*) Названіе «варнакъ» произошло отъ буквъ В. Р. Н. К., которыми клеймили когда-то каторжниковъ; эти буквы были начальными слѣдующихъ словъ: „воръ, разбойникъ, наказанный кнутомъ“.

**) Мы не знаемъ, что означаетъ это прозвище.

бящіе другъ друга; какъ бы въ отмщеніе, „поселенецъ“ надѣляетъ сибирскаго крестьянина всею гадостью тюремной и этапной жизни. Поистинѣ ужасно положеніе страны, гдѣ месть—явленіе обыденное, гдѣ убійства, грабежи, кражи—привычное явленіе; одно изъ двухъ: или, для спасенія страны, ссылку надо уничтожить, или поставить поселенца въ лучшія матеріальныя условія.

Въ вопросѣ о ссылкѣ, какъ и въ вопросѣ о желѣзной дорогѣ, сибирская печать высказываетъ два радикально противоположные взгляда. Одни говорятъ о настоятельной необходимости окончательнаго уничтоженія ссылки въ Сибирь, другіе же возражаютъ противное.

И тѣ, и другіе, замѣтимъ мы, имѣютъ очень вѣскіе аргументы въ защиту своихъ взглядовъ. Это вопросъ очень сложный, и въ данный моментъ касаться мы его не будемъ.

Кромѣ ссыльныхъ уголовныхъ, попадающихся на каждомъ шагу, есть еще, какъ извѣстно, ссыльные политическіе; по количеству, больше всего политическихъ ссыльныхъ выпадаетъ на долю поляковъ 1863 года; послѣднихъ въ попутныя губерніи, т. е. въ тобольскую, томскую и енисейскую, сослано было всего 14,126 чел.: 4101 въ тобольскую, 6306 въ томскую и 3719 человѣкъ въ енисейскую губернію.

Поляки устроили здѣсь булочныя, колбасныя, кондитерскія, биргалле, гостинницы, рестораны; дали хорошихъ медиковъ, ученыхъ ремесленниковъ; съ большимъ трудомъ польская интеллигенція снискивала себѣ пропитаніе, и нашли далеко не всѣ: большинство, особенно изъ низшаго сословія, не выдержало борьбы и поплыло по обще-сибирскому руслу эксплоатаціи и мошенничества, завоевывая человѣческое существованіе; тѣ же, которымъ не удалось пойти и по этой торной дорогѣ, прозябали 20 лѣтъ въ совершенно нищенской обстановкѣ *). Поли-

*) Коронаціонный манифестъ нынѣшняго царствованія освободилъ почти всѣхъ поляковъ, но далеко не всѣ уѣзжаютъ: одни потому, что обжились, обзавелись семьями; многимъ не на что ѣхать, и, наконецъ, нѣкоторые потому, что „тамъ", на „родинѣ", никого и ничего ужъ не осталось.

Число поляковъ, сосланныхъ въ Сибирь съ 1863 по 1866 годъ, слѣдующее:

	На каторгу.	На поселен.	По 35 ст.	Администрат.	На выдвореніе.	Прибывш. добр.	Всего.
Въ тобольск. губ.	9	49	689	359	2374	618	4101
Въ томскую губ.	1	10	621	440	4308	929	6306
Въ енисейск. губ.	1	1690	21	60	1802	145	3719
Въ иркутс. и забайкальс. губ.	3883	404	5	4	1	127	4424
Въ якутск. область. . .	—	—	—	53	—	3	56
	3894	2153	1336	916	8485	1822	18606

тическіе ссыльные изъ русскихъ существуютъ только на казенное пособіе, если не поддерживаютъ родные и знакомые, такъ какъ, по существующимъ узаконеніямъ, они ничѣмъ заниматься не могутъ.

Теперь нѣсколько словъ объ обществѣ. Состоитъ оно изъ бюрократіи, золотопромышленниковъ и ссыльнаго элемента, попавшаго въ милость къ начальству. Золотопромышленникъ—это сибирскій помѣщикъ, хуже того—это рабовладѣлецъ въ полномъ смыслѣ слова; помѣщикъ, ради собственнаго благосостоянія, иногда заботился о крестьянинѣ, предупреждая хотя бы невыгодную для него смертность; золотопромышленникъ смотритъ на рабочаго какъ на вещь, которая если и пропадетъ,—ему безразлично: масса чуть не даровыхъ рукъ къ его услугамъ, масса голоднаго, холоднаго люда готова ежеминутно закабалить себя золотому тельцу; при такомъ взглядѣ на рабочаго, положеніе этого послѣдняго по-истинѣ плачевно: полуголодный, оборванный, онъ по цѣлымъ днямъ суровой осени и холодной весны стоитъ по горло въ водѣ, питаясь испорченной провизіей, не зная, гдѣ и согрѣться; больной рабочій оставляется безъ призрѣнія и умираетъ въ тайгѣ; часто онъ не получаетъ за каторжную работу ни гроша де-

негъ, потому что все забрано на вино и приварокъ... Богатѣйшіе изъ золотопромышленниковъ рѣдко навѣщаютъ Сибирь.

Золотопромышленникъ—первый человѣкъ въ обществѣ; предъ нимъ все падаетъ ницъ, для него нѣтъ ничего недозволеннаго.

Что касается сибирской бюрократіи, то качества ея слишкомъ общеизвѣстны, чтобы много говорить о ней. Скажемъ только, что въ Сибири и доселѣ еще въ административной сферѣ царствуютъ гоголевскіе типы, преимущественно Сквозники-Дмухановскіе, носящіе только иныя фамиліи.

Большинство чиновниковъ устраивается въ этой странѣ только „временно", чтобы нажить какъ можно болѣе и ѣхать обратно въ Россію. Произволъ въ Сибири полнѣйшій. Законы не имѣютъ почти никакого значенія: здѣсь всякъ молодецъ на свой образецъ. Чтобы убѣдиться въ справедливости нами сказаннаго, слѣдуетъ только прочесть сибирскія газеты. Къ несчастію, сибирская молодежь, окончивъ университеты, весьма рѣдко возвращается на родину, предпочитая оставаться въ Россіи; а изъ того незначительнаго большинства, которое пріѣзжаетъ на родину, мало кто стоитъ на высотѣ своего призванія: они или запиваютъ горькую или „вин-

тятъ" на пропалую. Поэтому Сибирь оставлена на произволъ людей, назвать которыхъ настоящимъ именемъ не позволяютъ обстоятельства. На этомъ фонѣ, какъ блудящіе огоньки, мелькаютъ люди интеллигенціи, которая только еще пускаетъ ростки на сибирской почвѣ.

Сознаемся, что картина, нами набросанная и очень неполна и нѣсколько мрачна. Мы первые порадуемся, если люди, болѣе насъ знающіе Сибирь, нарисуютъ болѣе широкую и болѣе свѣтлую....

ДОБАВЛЕНІЕ.

Общій маршрутъ отъ Екатеринбурга до Красноярска. Свѣдѣнія о цѣнахъ на необходимые предметы.

Прилагаемъ обѣщанный маршрутъ. По екатеринбургско-тюменскому шоссе расположены слѣдующія села и деревни. Пермской губерніи: с. *Косулино* (почтовая станція и этапъ) въ 26 верстахъ отъ Екатеринбурга. За Косулинымъ *), на 8-ой верстѣ, расположено обширное с. *Брусяцкое*, на 19 вр. не менѣе большое с. *Мезенское* и, наконецъ, на 26 вер.—богатое и обширное с. *Бѣлоярское* (почтовая станція и этапъ).

За Бѣлоярскимъ: на 19 вр. большое с. *Грязновское*, а на 27-ой не меньшее с. *Бѣляйки* (почтовая станція и этапъ). За Бѣляй

---

*) На 2-ой вр. отъ Косулина дорога съ шоссе поворачиваетъ на г. Шадринскъ, перм. губ.

ками: на 2-й вр. громадное с. *Унары*, на 4 вр. д. *Тегишъ*; на 8 д. *Соловьи*, на 24 большое с. *Чернокоровское*, а на 26 вр. небольшое с. *Пашино* (почтовая станція и этапъ). За Пашинымъ: на 19 вр. „садъ обуховскихъ минеральныхъ водъ“, на р. Пишмѣ, на противоположномъ берегу ея, черезъ мостъ д. *Обухово*,-дальше—*Подкамышловка* (предмѣстіе Камышлова) и, наконецъ, самый городъ Камышловъ въ 26 вр. отъ Пашина. За Камышловымъ: на 13 вр. большое с. *Никольское*, а на 21 вр. с. *Черемышино* (почтовая станція и этапъ). За Черемышинымъ: на 9 вр. большая д. *Тимохина*, на 15 вр. с. *Ощепкино*, а на 22 д. *Пылаева* (почтовая станція и этапъ). За Пылаевымъ: на 4 вр. д. *Чубина*; на 7 вр. большое с. *Уяровское*, на 15 вр. д. *Новая*, на 20 большое с. *Багрово* и на 26 вр. с. *Сугатки* (почтовая станція и этапъ). За Сугатками: на 8 вр. д. *Чупина*, на 18 вр. д. *Первухина*, на 24 вр. д. *Марково* (почтовая станція и этапъ).

Тобольская губернія. За Марковымъ: на 24 вр. богатѣйшее с. *Тугулымское* (почтовая станція и этапъ). За Тугулымскимъ; на 7 вр. д. *Мальцева*, а на 24 вр. с. *Успенское* (почтовая станція и этапъ). За Успенскимъ, по пути къ Тюмени расположена д. *Ушаковская* и богатое с. *Перева-*

лово, а въ 31 вр. отъ Успенскаго г. Тюмень. Всего отъ Екатеринбурга до Тюмени 361 вр.; плата съ лошади и версты 4 коп., слѣдовательно проѣздъ на парѣ стоитъ 27 руб., не считая плату ямщикамъ и „на подмазку" *). Мы сравнительно подробно описали путь по сибирскимъ рѣкамъ, а потому не будемъ повторяться и переходимъ къ маршруту отъ Томска до Красноярска **).

Томская губернія. За Томскомъ: на 19 вр. бѣдная татарско-русская д. *Боронино*; на 24 верст. большая д. *Сурова;* на 29 вр. богатое (въ красивой мѣстности) с. *Семилужки* при ррч. Каменкѣ и Киренкѣ (почтовая станція и этапъ). За Семилужками: въ 14 верстахъ д. *Халдеева* (красивыя окрестности, почтовая станція и этапъ). За Халдеевымъ: на 11 вр. громадное с. *Подломное*, на 22 вр. небольшая д. *Турунтаева* (красивыя окрестности, почтовая станція и этапъ). За Турунтаевымъ: на 2 вр. д. *Кислово*, на 10 рв. большое с. *Мазалово* на рч. Титатѣ, на 17 вр. д. *Поповичи*, отдѣляющаяся отъ с. Ишимскаго р. Яею; черезъ р. переправа на

*) Теперь по этому мѣсту проходитъ екатеринбургско-тюменская дорога.

**) По зимнему пути отъ Тюмени до Томска встрѣчаются слѣд. города: Ялуторовскъ, Ишимъ, Тюкалинскъ, Омскъ, Каинскъ, Колывань, Томскъ.

колесномъ плашкотѣ; на 22 вр. большое и богатое с. *Ишимское* (почтовая станція, этапъ и лазаретъ). За Ишимскимъ: на 12 вр. д. *Половнина*, на 22 вр. с. *Кольенское* (почтовая станція, этапъ). За Кольенскимъ: на 15 вр. громадное татарское с. *Тепло-Рѣченское* съ мечетью и съ „домомъ муллы", на 23 вр. с. *Почитанское* (почтовая станція и этапъ). За Почитанскимъ: на 7 вр. большое с. *Постниково*, на 14 вр. д. *Большая-Песчанка*, на 27 вр. с. *Бирикульское* (почтовая станція и этапъ). За Бирикульскимъ: на 11 вр. д. *Тюменьева*, на 28 вр. д. *Подъельничная* (почтовая станція и этапъ). За Подъельничною: на 12 вр. д. *Антибѣсы*, на 23 вр. г. *Маріинскъ*. Въ 24 вр. отъ Маріинска расположено с. *Суслово* (почтовая станція и этапъ). За Сусловымъ: на 11 вр. д. *Ключевая*, на 28 вр. с. *Тяжинъ* въ живописной мѣстности, при рч. Тяжинъ (почтовая станція и этапъ). За Тяжинымъ въ 32 вр. расположено большое с. *Итатское* (почтовая станція и этапъ). За Итатскимъ: на 18 вр. с. *Большое Косуль* (почтовая станція), на 34 вр. богатое и большое с. *Боготолъ* при ррч. Чулымѣ и Боготолѣ, въ восхитительной мѣстности, которая, впрочемъ, хороша на всемъ пути отъ Итата до Боготола; въ Боготолѣ (когда-то здѣсь

были каторжные заводы) — почтовая станція и этапъ; въ 30 верст. отъ Боготола, въ прекрасной-же мѣстности, расположено с. *Краснорѣчинское* (почтовая станція и этапъ) при рրч. Чулымѣ и Красной.

Енисейская губернія. За Краснорѣчинскимъ: на 16 вр. граница западной и начало восточной Сибири; на 19 вр. с. *Бѣлоярское* (почтовая станція), на 30 вр. г. Ачинскъ. За Ачинскомъ: на 16 вр. с. Покровское (почтовая станція), за которымъ начинаются восхитительные виды, особенно съ „Лиственной горы"; на 32 вр. с. Чернорѣчинское (почтовая станція и этапъ); въ 22 вр. разстояніи отъ этого послѣдняго (дорога идетъ среди „тайги" въ восхитительной мѣстности) расположена д. *Казульская* (почтовая станція и этапъ); За Казульскою: на 16 вр. д. *Большой Кемчугъ* на р. Кемчугѣ (почтовая станція), въ живописнѣйшей мѣстности, особенно если посмотрѣть съ „Крестовой горы"; на 32 вр. д. *Ибрюльская*, въ 21 вр. расположено с. *Малый Кемчугъ* на р. Кемчугѣ (почтовая станція и этапъ), къ которому отъ Ибрюльской дорога идетъ тайгою; Малый Кемчугъ въ живописной мѣстности, и съ окружающихъ горъ прекрасные виды „тайги"; въ 31 вр. отъ Малаго Кемчуга расположено с. *Земле-*

дѣевское (почтовая станція и этапъ); а въ 27 вр. отъ этого послѣдняго—г. Красноярскъ. Всего 554 версты, изъ которыхъ 388 вр. выпадаетъ на долю западной Сибири, гдѣ платятъ съ лошади и версты по $1\frac{1}{2}$ к., и 166 верстъ на долю восточной Сибири, гдѣ взимается по 3 к. съ лошади и съ версты. Проѣздъ отъ Томска до Красноярска, стоитъ слѣдовательно, 21 р. 64 к.

Закончимъ, наконецъ, наши „замѣтки" свѣдѣніями о цѣнахъ на болѣе или менѣе необходимые предметы въ 1883—1884 г.:

	Тобольскъ		Томскъ.		Ачинскъ.		Красноярскъ.	
	копѣекъ.		копѣекъ.		копѣекъ.		копѣекъ.	
	отъ	до	отъ	до	отъ	до	отъ	до
Муки пшенич. фун. . .	2	$2\frac{1}{2}$	2	$2\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{4}$	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{4}$	2
— ржаной „ . . .	$1\frac{1}{5}$	$1\frac{1}{4}$	$1\frac{1}{4}$	$2\frac{1}{4}$	$\frac{3}{4}$	—	$\frac{3}{4}$	1
Мяса фунтъ	7	8	3	4	$7\frac{1}{2}$	8	8	9
Соли „	$\frac{3}{4}$	1	$1\frac{1}{4}$	2	$1\frac{3}{4}$	2	$2\frac{1}{2}$	3
Сахару „	30	32	25	30	35	—	35	33
Березовыхъ дровъ саж.	250	250	300	—	180	200	239	250
Сосновыхъ „ „ .	170	200	250	—	100	130	165	175
Свѣчи стеариновыя фун.	35	40	$27\frac{1}{2}$	30	—	—	28	30
— сальныя „ .	—	15	$15\frac{1}{2}$	16	—	15	—	16
Керосину фунтъ	10	14	11	13	—	—	12	14
Масла скоромнаго фун.	20	22	19	20	—	—	20	21

При этомъ нужно замѣтить, что цѣнность колеблется сообразно времени года, во первыхъ; во вторыхъ, съѣстные припасы всегда дороже въ губернскихъ городахъ чѣмъ въ уѣздныхъ, а въ этихъ послѣднихъ дороже чѣмъ въ селахъ и, наконецъ, при оптовой покупкѣ, всѣ товары дешевле.

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строки сверху.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
9	23	соддатъ	солдаты
21	3	сходятъ	сходятся
27	25	къ Харьковѣ	въ Харьковѣ
"	"	окончивался	оканчивался
33	13—14	ростъ, его и никогда	ростъ и никогда
"	23	или расхвяливая,	или расхваливая,
34	11	то тò, то другое,	то-тò, то другое;
"	18	честнѣйшимъ	чистѣйшимъ
"	27	членъ	члены
35	35	тезисъ	тезисы
36	20	прошу вашу милость	прошу вашу милость:
39	1	Вопросъ лучше или хуже онъ дѣлалъ	Вопросъ: лучше или хуже...
"	7	заставъ	заставалъ
"	8	дѣло самъ, дрался	дѣло самъ; дрался
"	14	раздавались голоса.	раздавались голоса:
"	20	всѣхъ безъ разбору,	всѣхъ безъ разбору;
41	20	Отвѣта нѣтъ,	Отвѣта нѣтъ.
42	20—21—22	гдѣ онъ и остался въ лихорадкѣ,—такъ онъ испугался, и все шепталъ: Пресвятая Богородица	гдѣ онъ и остался. А часовой трясся въ лихорадкѣ, — такъ онъ испугался,—и все шепталъ: Пресвятая Богородица

Стран.	*Строки сверху.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
43	11—12—13	практическія сдѣлки при посредствѣ веревки и втягивали на верхъ, не смотря	практическія сдѣлки: при посредствѣ длинной веревки, втягивали на верхъ посылки, не смотря
47	26	Абобырнборгъ	Абобьернборгъ
96	15	momento	memento
109	16—17	Кугумъ	Кучумъ
117	15	обгатый	богатый

ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБЕРНІЯ. С. Чудновскаго. Томскъ. 1885 г.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ СИБИРИ. Гагемейстера (2 т.) Спб. 1857 г.

ЕНИСЕЙСКІЙ ОКРУГЪ И ЕГО ЖИЗНЬ. Кривошапкина. Спб. 1865 г.

КАИНСКАЯ БАРАБА. Кн. Кострова. Томскъ. 1871 г.

СИБИРЬ И КАТОРГА. Максимова (3 т.) Спб. 1871 г.

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ ОРОГРАФІИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ. П. Крапоткина. Спб. 1873 г.

ПУТЕШЕСТВІЕ НА СѢВЕРЪ И ВОСТОКЪ СИБИРИ. Миддендорфа. Спб. (6 т.) 1860—1878 гг.

ТУРУХАНСКІЙ КРАЙ. Третьякова. Спб. 1873 г.

ВЪ ЗАБЫТОМЪ КРАЮ. Наумова. Спб. 1882 г.

ВЪ ТИХОМЪ ОМУТѢ, РАЗСКАЗЪ ИЗЪ БЫТА СИБИРСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ—его-же. Спб. 1881 г.

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТА. Барона Розена. Спб. 1877 г.

ВОСПОМИНАНІЯ. Бѣляева. Спб.

ПО ТЮРЬМАМЪ И ЭТАПАМЪ. Очерки тюремной жизни и путевыя замѣтки отъ Москвы до Красноярска. Орелъ, 1887 г. *И. П. Бѣлоконскаго.* Изданіе Н. А. Семеновой. Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 20 коп. Продается въ *С.-Петербургѣ:* книжный магазинъ *„Новаго Времени“*, невскій просп., № 38. Книжный складъ и магазинъ типографіи *М. М. Стасюлевича:* васильевскій о—въ, 2-ая линія, 7. Книжный магазинъ *М. О. Вольфъ:* гостинный дворъ, № 17 и 18. Въ *Москвѣ:* книжный магазинъ *„Новаго Времени“*. Книжный магазинъ *М. О. Вольфъ*, петровка, д. Михалкова, № 5. Книжный магазинъ *Братьевъ Салаевыхъ.* Книжный магазинъ *П. П. Корбасникова*, моховая, д. Коха. Книжный магазинъ *Мамонтова.* Въ *Одессѣ:* книжный магазинъ *Е. П. Распопова.* Въ *Кіевѣ:* книжный магазинъ Н. Я. Оглоблина, крещатикъ, № 33. Въ *Варшавѣ:* книжный магазинъ Н. П. Корбасникова, нов. свѣтъ, д. Воен. Вѣдомства, № 65. Въ *Казани:* книжный магазинъ А. А. Дубровина. Въ *Орлѣ:* книжный складъ „Орловскаго Вѣстника“. Въ *Томскѣ:* книжный магазинъ *Михайлова и Макушина.* Въ *Иркутскѣ:* въ редакціи газеты *„Сибирь“*.

Кромѣ того продается на вокзалахъ, въ книжныхъ шкафахъ Суворина.

Цѣна 1 рубль.

Съ пересылкою 1 р. 20 к.

[20 k.]